

Министерство образования Республики Беларусь

Учреждение образования
«Полоцкий государственный университет»

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА В НАШИХ СУДЬБАХ

Новополоцк 2005

ББК 63.3 (0) 62
В 27

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Д.Н. Лазовский (главный редактор),
Л.С. Турищев (ответственный за выпуск, зам. главного редактора),
Т.В. Говорова, А.А. Гугнин, В.Г. Цыганков, В.И. Шайков

СОСТАВИТЕЛЬ

Т.А. Грудницкая

В 27 **Великая Отечественная война в наших судьбах:** Биографический справочник / Сост. Т.А. Грудницкая. – Новополоцк: ПГУ, 2005. – 184 с.
ISBN 985-418-335-1

Представляет собой сборник материалов о преподавателях и сотрудниках ПГУ, принимавших участие в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг. Основан на биографическом материале участников войны, выдержках из книг и периодики. В качестве иллюстраций использованы рисунки ветерана войны Е.Ф. Игнатенко, которые были выполнены им в военные годы.

Книга полезна всем, кто изучает историю, ведет работу в военно-патриотических клубах и поисковых отрядах, а также широкому кругу читателей.

ББК 63.3 (0) 62

ISBN 985-418-335-1

© УО «ПГУ», 2005

60-ГОДДЗЮ
ВЯЛІКАЙ ПЕРАМОГІ
САВЕЦКАГА НАРОДА
Ў ВЯЛІКАЙ АЙЧЫННАЙ
ВАЙНЕ

ПРЫСВЯЧАЕЦА

ВАЙНА Ў НАШАЙ ПАМЯЦІ

1418 дзён Вялікай Айчыннай вайны перажылі людзі вялікай краіны – Саюза Савецкіх Сацыялістычных Рэспублік. На адной шоста частцы зямнога шару пражывала на той час каля 200 мільёнаў чалавек. Яны былі розныя, гэтыя людзі: дзеці, маладыя, старыя; дзяўчаты і жанчыны, юнакі і мужчыны; рабочыя і сяляне, урачы і настаўнікі, паэты і мастакі; рускія і ўзбекі, беларусы і армяне, украінцы і грузіны... Яны жылі на вялікіх прасторах савецкай Радзімы ад Брэста да Ўладзівастока.

Час наканавы ім перажыць і перамагчы трагедыю вайны. У кожнага яна была асабістай. Тысячы людзей загінулі ў першы дзень – 22 чэрвеня 1941 года, а ўсяго гэта вайна абарвала 27 мільёнаў чалавечых лёсаў. Гінулі, здзяйсняючы подзвіг, гінулі бездапаможнымі ў печах крэматорыяў, гінулі ад голаду і нястачы... Усё ўмясціла ў сябе вайна, але галоўнае ў ёй – узыходжанне да высатаў чалавечай існасці, да подзвігу...

Наша вышэйшая навучальная ўстанова бярэ свой пачатак у вялікай, шматнацыянальнай краіне – СССР. З Уладзівастока і Ташкента, Уфы і Цюмені, Саратава і Валгаграда, Калінінграда і Ленінграда і іншых гарадоў прыязджалі працаваць у нашу вуню. За плячыма многіх з іх былі ваенныя шляхі, ваенныя ліхалецці...

Для нас дарагое кожнае слова ветэрана, які ваяваў; кожнае слова сведкаў, перажыўшых ваенны жах. Нам важна таксама стаўленне сучаснай моладзі да той вайны, да подзвігаў іх дзядоў і прадзедаў.

Мы шчаслівыя тым, што наша родная Беларусь ужо 60 гадоў жыве пад мірным небам. Але чалавецтва і на сёння не пазбаўлена ад войнаў, а кожная вайна – гэта серыя катастроф. Аб невялікай колькасці з іх расказвае гэты зборнік.

Гэта кніга – для вас, маладыя!

Рэктар
Полацкага дзяржаўнага ўніверсітэта
Д.М. Лазоўскі

СОЛДАТЫ ПОБЕДЫ
ПОЛОЦКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

АНДЖИЕВСКИЙ КОНСТАНТИН ИВАНОВИЧ

31.01.1906 – 25.02.1995

Мой отец, Анджиевский Константин Иванович, родившийся в 1906 г., чье детство и юность пришлось на бурные революционные годы начала XX века, однажды и навсегда приняв Октябрь 17-го года, оставался верен его идеям и идеалам до конца. Даже имена своим детям он давал со смыслом: сына назвал Лемарком (сокращенное от Ленин и Маркс), а меня – Леридой (сочетание Ленин и имя любимой жены Ираида).

Всю свою жизнь он учился. А жизнь его как будто испытывала. Выполняя задания партии, был и подпольщиком, и председателем Республиканского комитета профсоюза работников просвещения и искусства Литовской ССР, и председателем колхоза, и преподавателем вузов...

В газете «Советская Литва» за апрель 1955 г. в статье «Становлюсь в ряды добровольцев» отец рассказывает:

«Вот уже 23 года, как я нахожусь на педагогической работе. Она стала для меня самым дорогим, самым близким делом.

Преподаю я политэкономии. Поэтому интересуюсь вопросами сельского хозяйства, изучаю экономику колхозов. Результатом такого изучения явилась моя, уже почти готовая, кандидатская диссертация на тему «Производственные резервы колхоза «Пергале» Кельмеского района». Диссертацию думаю защищать в этом году.

Бывая в колхозах нашей республики, я глубоко убедился, что они таят в себе огромные производственные резервы, которые могут быть полностью использованы лишь при условии умелого и высококвалифицированного руководства сельхозартельями. Но, как известно, есть председатели колхозов, не справляющиеся с возложенными на них обязанностями, не способные правильно руководить крупным многоотраслевым артельным хозяйством.

Партия и правительство обратились с призывом – помочь деревне руководящими кадрами. Тысячи лучших людей городов и промышленных центров уже изъявили желание пойти на работу председателями отстающих колхозов. Число таких добровольцев растет с каждым днем. В течение короткого срока подтянуть отстающие колхозы до уровня передовых – дело, конечно, трудное и сложное. Если мне будет оказано такое доверие – стать во главе одного из отстающих колхозов республики, – я приложу все силы, чтобы справиться с новой работой, ибо нет таких трудностей, которые нельзя было бы преодолеть в упорном труде, при настойчивом желании.

Организуя крутой подъем всех отраслей социалистического сельского хозяйства, коммунистическая партия зовет нас на один из самых ответственных участков строительства коммунизма, и я с сознанием высокого долга становлюсь в ряды добровольцев.

Руководя колхозом, я в то же время буду продолжать свою научную работу, проверю ценность моей диссертации непосредственно на практике».

Будучи в первую очередь требовательным к себе, он и нас учил быть ответственными, обязательными, честными. Много читая, привил и нам любовь к книгам.

Для меня и моего брата наш отец был и остается образцом того, когда слово не расходится с делом, когда честь, совесть, достоинство не пустые слова, а образ жизни.

*Воспоминания дочери
Лериды Константиновны Казанцевой*

СВИДЕТЕЛЬ ИСТОРИИ

Интерес к истории страны у советских людей в последние годы резко возрос и продолжает усиливаться. Расшифровать ее «белые пятна», восстановить правду, извлечь уроки, не допустить в будущем повторения ошибок прошлого. Сейчас этим заняты многие ученые, историки, писатели и т.д. Поистине бесценный материал могут дать живые свидетели советской истории. Именно таким живым свидетелем является наш земляк, коренной полочанин, человек удивительной судьбы Анджиевский Константин Иванович. Беседу с ним ведет кандидат исторических наук доцент НИИ Мелехов Леонид Кириллович.

Л.М.: Константин Иванович, Вы прожили уже 82 года. На Ваших глазах, можно сказать, прошла вся семидесятилетняя история нашей страны. Вы были не только ее свидетелем, но и активным участником. Поэтому Ваше живое слово, воспоминание о прожитых годах приобретают особую ценность. Начнем нашу беседу с традиционного вопроса: когда и где Вы родились?

К.И.: Родился я 31 января 1906 г. в г. Полоцке. Отец и мать литовцы. Мой дед, Антон Анджиевский, вместе с другими литовцами был выслан из Литвы за участие в революционных событиях 1863 г. в Белоруссию, в Ульскую волость Витебской губернии. Здесь появился ряд новых деревень, населенных преимущественно литовцами. В частности, отец мой, Иван Антонович, родился в деревне Староселье, а мать, Анджиевская Каролина Дементьевна, – в соседней деревне Глиники. Отец был отходником, мастеровым человеком, краснодеревщиком. В самом начале XX века он обосновался в Полоцке, построил дом на улице Лепельской, в котором я и жил до 1926 г. Кстати, этот дом под № 75 сохранился до наших дней.

Л.М.: Константин Иванович, когда началась Ваша трудовая деятельность?

К.И.: С 1924 года я работал в крестьянском торговом кооперативе (Кресткоопе) в Полоцке. Сначала учеником бухгалтера, а потом мне предложили бакалейный отдел. Здесь прошел школу продавца. Поскольку я проживал в Задвинье, мне приходилось часто бывать по делам работы в Экимани. Там я познакомился с комсомольцами, помогал их ячейке в часы досуга. В 1925 году мне выдали комсомольский билет. А 1926 год для меня во многом стал переломным. В этом году произошли в моей жизни два крупных события: во-первых, поступил кандидатом в партию, во-вторых, поступил в КУНМЗ. Эти события тесно связаны между собой. Мне, можно сказать, повезло. Летом 1926 года приехал в Полоцк представитель КУНМЗа, литовский поэт Жаленис, отбирать молодежь из литовцев для учебы в университете. Условия набора были жесткие: принимали прежде всего членов партии или кандидатов в члены. Жаленис согласился рекомендовать меня кандидатом в партию. Остальные рекомендации дали литовские товарищи, проживающие в Полоцке и Минске.

Коммунистический университет коммунистических меньшинств Запада им. Ю.Ю. Мархлевского создан в 1921 г. в Москве для подготовки политических работников из представителей национальностей Запада, на-

селяющих СССР, на базе Литовско-еврейско-латышской, Немецкой, Польской, Румынской высших партийных школ. Позднее были организованы секторы: белорусский, итальянский, молдавский и югославский.

КУНМЗ – крупное по тем временам учебное заведение. В нем обучалось около 1500 студентов. Срок учебы – 4 года. В программу входили циклы общественно-политических наук (история, философия, политическая экономия), естественно-научных (математика, физика, химия, география, биология) дисциплин, а также изучение русского и иностранных языков. Еженедельно в КУНМЗе выступали видные деятели партии, международного коммунистического движения: Калинин, Рудзутак, Ярославский, Кнорин, Цеткин и др.

Л.М.: Когда Вас приняли в партию?

К.И.: В 1927 году на общем собрании коммунистов. Рекомендации дали преподаватели университета. Решение собрания утвердил Бауманский райком партии.

Л.М.: Вы окончили университет в 1930 г. Куда направили Вас на работу?

К.И.: В августе 1930 г. по предложению ЦК КП Литвы я был направлен на подпольную работу в Литву. Перед тем, как отправиться на работу, я вместе с другим литовцем Юнчасом Кучинским (с ним мне предстояло вместе ехать в подполье) находился около месяца в подмосковном доме отдыха. Там отдыхал и Ангаретис. Он давал нам уроки подпольной работы, рассказывал о себе. Перед самым отправлением за границу состоялось организационное совещание на квартире Ангаретиса. Здесь мне и Ю. Кучинскому сообщили, что мы направляемся организаторами ЦК КП Литвы на подпольную работу: я – в Паневежиский район, а Юнчес Кучинский – в Шяуляйский район. Главной нашей задачей была работа среди населения, восстановление и укрепление партийных ячеек, сплочение вокруг них сочувствующих. В Паневежисе выпускалась нелегальная газета. В мою бытность выпустили несколько воззваний, листовок. В них мы рассказывали о положении трудящихся, призывали их к усилению борьбы против фашизма. Так продолжалось до марта 1931 г., когда меня арестовала литовская полиция. Сидел под следствием в Паневежисской тюрьме. Пытались выяснить, кто я такой. Но так как мою личность установить не удалось, меня передали в суд как бродягу. Затем меня под конвоем доставили на границу Советского Союза. Меня это устраивало.

По моей просьбе для выяснения личности советские пограничники направили меня в Москву.

Л.М.: Что особенно запомнилось Вам из второго периода жизни в Москве?

К.И.: Событий много. В 1935 г. нам, преподавателям КУНМЗа, дали возможность присутствовать на VII Конгрессе Коминтерна. Мы слушали доклады Г. Димитрова «Наступление фашизма и задачи Коммунистического Интернационала в борьбе за единство рабочего класса против фашизма», Эрколи (П. Тольятти) «О задачах Коммунистического Интернационала в связи с подготовкой империалистами новой мировой войны».

Л.М.: Как Вы оценивали общественно-политическую обстановку, сравнивая два периода Вашей жизни в Москве?

К.И.: Внешне атмосфера жизни была приподнятая, победная. Однако появилось и больше вопросов. Для меня как преподавателя непонятно например было, почему на XVII съезде ВКП(б) не приняли по отчетному докладу Сталина коллективную резолюцию, почему ЦКК стало подконтрольной не съезду, а ЦК ВКП(б). Особенно непонятно было заявление Сталина о том, что за смерть Кирова должны поплатиться тысячи троцкистов. Это не воспринималось как необходимость. В первый период, когда учился в КУНМЗе, университет напоминал улей. Среди учителей шли нескончаемые споры, все выясняли истину. Мы посещали студентов Свердловского университета, Коммунистического университета национальных меньшинств Востока, обменивались мнениями, спорили. После убийства Кирова волна споров спала. В разговорах стала появляться какая-то напряженность, боязнь за себя. Собrania также стали проходить не так, как раньше. Тогда, в первый период, на собрания шли как на торжество. Не было ни одного собрания, чтобы кто-нибудь на нем не присутствовал из ЦК ВКП(б), его отделов. Они проходили бурно, открыто. Теперь выступления читали по бумажкам, все было расписано, предусмотрено.

Л.М.: Когда вы закончили учебу в аспирантуре?

К.И.: В 1935 г. После аспирантуры продолжал работать преподавателем в КУНМЗе и готовил диссертацию к защите. В связи с перестройкой системы партийно-политического просвещения в 1936 г. КУНМЗ прекратил существование, и мне предложили снова выехать в Литву на подпольную работу. Предложение было неожиданное. Времени для размышления у меня не было. Я попросил отсрочку хотя бы на полгода для защиты диссертации и устройства семейных дел. Мои слова были восприняты как от-

каз. У меня было такое состояние, что ни с кем не мог разговаривать ни дома, ни тем более с другими людьми. Все более и более я начинал понимать, что моя просьба была ошибкой. Примерно через месяц меня пригласили в Красногвардейский райком партии г. Москвы и на заседании бюро исключили из партии. В решении было записано так: «Анджиевский К.И. отказался выполнить поручение ИККИ о поездке в Литву, мотивируя свой отказ тем, что его могут опознать, как широко известного на территории Литвы».

Л.М.: Константин Иванович, Вас исключили из партии, Вы остались без работы, серьезно встал вопрос, как жить дальше. Что же Вы предприняли?

К.И.: Я пробовал найти работу в средних учебных заведениях (техникумах, школах), но и это оказалось безрезультатным. При упоминании, что я исключен из партии, даже там, где были вакантные места, под тем или иным предлогом я получал отказ. Стало ясно: в Москве для меня работы нет. Случайно я узнал, что Наркомат приглашает на работу в общие средние школы с выездом из Москвы, и я уехал в поселок Ольховка (ныне Артемовск) Красноярской области. Несколько раз я обращался с апелляцией в Московский городской комитет партии с просьбой пересмотреть мое партийное дело. В горкоме мне сказали, что считают решение райкома партии правильным.

Л.М.: А направляли ли вы апелляцию в ЦК ВКП(б)?

К.И.: Да, направлял, но вызов в Москву для рассмотрения моего партийного дела пришел поздно, когда меня уже арестовали.

Л.М.: Когда и как это произошло?

К.И.: Меня арестовали в 1938 г. сразу после окончания учебного года. Произошло это самым неожиданным образом. Где-то после 12 часов ночи в квартиру вошли двое. Меня вывели, поместили в камеру при НКВД в г. Кимры. Меня обвинили в том, что я агент вражеской разведки. В тюрьме я получил тяжелое заболевание – воспаление мозга. Я готовился к «вышке», так как из этой тюрьмы живым еще никто не выходил. Через год с небольшим меня доставили в Бурашевскую психиатрическую лечебницу Калининской области.

Л.М.: Сколько времени Вы пробыли в лечебнице?

К.И.: Около трех месяцев. В конце марта 1940 г. меня выписали из больницы и я возвратился домой. Меня восстановили на прежней работе, в

той же школе. В январе 1942 г. мобилизовали в Красную Армию. На фронте служил рядовым 16-й Литовской стрелковой дивизии.

Л.М.: Константин Иванович, как вы оказались в 16-й Литовской стрелковой дивизии?

К.И.: Дивизия формировалась в городе Балахане Горьковской области из литовцев, проживающих на территории СССР, а также эвакуированных в первые дни войны.

Л.М.: Константин Иванович, где приняли первое боевое крещение?

К.И.: 16-я Литовская стрелковая дивизия действовала в составе 13-й армии левого крыла Брянского, Центрального, Калининского, Ленинградского и 1 Прибалтийского фронтов, прошла с боями около 400 км, и участвовала в Воронежско-Касторненской наступательной операции, проведенной 24 января – 2 февраля 1943 г. Противник упорно сопротивлялся. Был сильный мороз, глубокий снег и метель. Наш полк в первом бою понес большие потери под Алексеевской. Летом 1943 г., находясь в составе Центрального фронта, 16-я Литовская стрелковая дивизия участвовала в Орловской стратегической операции, проведенной 12 июля – 18 августа (кодовое название «Кутузов») как часть Курской битвы. Меня тогда ранило.

Л.М.: А что с наградами?

*К.И. Анджиевский и В.А. Иванов
на экзамене. Январь 1974 г.*

К.И.: Что я могу сказать? Нет у меня наград за войну. Может потому, что командование знало, что я был исключен из партии и репрессирован.

Л.М.: Вы до конца войны находились в Литовской дивизии?

К.И.: Весной 1944 г. большую группу литовцев демобилизовали и направили в Москву с целью подготовки кадров для освобожденных районов Литвы. Меня направили в Министерство просвещения. С освобождением Литвы мы на грузовых машинах выехали в Литву. Меня направили заведующим отделом народного образования Укмергского района.

Л.М.: Долго ли Вы работали зав. отделом?

К.И.: Менее года. С марта 1945 г. по май 1947 – на профсоюзной работе. Наиболее продолжительное время в Вильнюсе я работал в Республиканской партийной школе старшим преподавателем и заведующим кафедрой.

рой экономических наук (1947 – 1958 гг.). Здесь мне пришлось повторять некоторые пройденные ранее жизненные ступени: снова поступать в аспирантуру, сдавать кандидатский минимум, писать новую диссертацию, поступать в партию.

Л.М.: Второй раз в партию? Расскажите об этом подробнее.

К.И.: После войны я снова обратился в ЦК ВКП(б) на предмет восстановления в партии. В 1948 г. меня приняли в кандидаты ВКП(б) с двухгодичным кандидатским сроком, а в мае 1950 – получил партийный билет.

Л.М.: В вильнюсский период Вам не приходилось заниматься какой-либо другой работой, кроме преподавательской?

К.И.: С 1955 по 1957 г. я работал председателем колхоза им. Ворошилова Вильнюсского района, так как длительное время я изучал вопросы сельского хозяйства, экономику колхозов. Результатом такого изучения явилась моя диссертация на тему «Производственные резервы колхоза «Пергале» Кельмесского района». Но преподавательская деятельность не прерывалась, так как будучи председателем колхоза, одновременно работал по совместительству в партийной школе. В 1958 г. Вильнюсская высшая партийная школа согласно решению ЦК КПСС была ликвидирована. Меня перевели в Ярославскую высшую партийную школу. Через год (после закрытия) – в Красноярскую высшую партийную школу, которая в 1960 г. тоже была ликвидирована. В последующее время работал доцентом в двух вузах: 10 лет в Белорусской сельскохозяйственной академии, и последние 5 лет – в НИИ. В 1975 г. ушел на пенсию.

Послевоенный труд Константина Ивановича отмечен двумя орденами и девятью медалями.

Газета «Советская Литва», 27.07.1988 г.

ВАЛУЕВ

ИВАН ЯКОВЛЕВИЧ

Род. 04.01.1926

Я, Валугев Иван Яковлевич, родился в семье крестьянина в деревне Лазинки Кировского района Калужской области. В 1930 году переехали в Смоленскую область Ярцевского района. До войны окончил 7 классов Пологской СШ. В семье у нас было пять человек. Старшая сестра Анастасия, замужняя, проживала в г. Дятьково Брянской области. Брат Трофим, женатый, жил в г. Ярцево (1914 г. р.). Брат Николай (1921 г. р.), сестра Мария (1294 г. р.) и я проживали с родителями (отцом – Валугевым Яковом Васильевичем и матерью – Василисой Егоровной) в д. Курцово.

Когда началась война, нас, молодежь, организовали в группы для охраны колодца и скотного двора. Дали ружья без патронов, и мы начали по-сменно охранять эти объекты. 20 июля 1941 года пришли немцы. Мы жили на 4-й (крайней улице), а на ночь уходили на 3-ю улицу. И вот, 20 июля отец пошел утром к своему дому и увидел, что метрах в ста окапываются немцы. Он рассказал об этом, и я из любопытства тоже захотел посмотреть. Был сильный туман. Я из-за угла стал наблюдать, как немец копал окоп. Согнется – его не видно в тумане, разогнется – вижу. Я наверно слишком высунулся из-за угла, он меня заметил и кричит: «Иван!..» Я думаю: «Откуда он знает, что меня зовут Иваном?» Вот так я впервые встретился с немцем. Я тогда не знал, что немцы нас называли Иванами, а мы их – Фрицами.

Фронт стоял в Ярцеве по реке Вопь, притоку Днепра, и далее по Днепру до октября 1941 г. Это в четырех километрах от нашей деревни, и мы сидели в окопах, потому что были ежедневные обстрелы. Зимой нас гоняли расчищать железнодорожные пути в городе и в деревне по магистрали «Минск – Москва», которую построили только перед войной. В фев-

рале 1942 г. от каждого дома забирали по одному человеку на копку окопов. Нужно было идти сестре. Но мы с другом Юрой выпросились идти вместо сестер (нам было по 16 лет). Там мы находились до марта. А в марте, когда закончили копать, нас стали партиями отправлять куда-то в другое место. И мы трое, Юра, Николай и я, решили бежать. Прихватили одно шерстяное одеяло, зашли в деревню, поменяли его на булку хлеба и тронулись дальше окраиной деревни. Было утро, из одного дома вышли немцы умываться и увидели нас. Окликнули и позвали к себе. Бежать было некуда, вокруг чистое поле и впереди речушка. Мы были одеты почти во все военное. На Юре был танковый шлем и темно-синие бриджи, а на Николае и на мне – буденовки, только без звезд. И у всех на ногах военные ботинки. Все это мы добыли из вагонов, оставшихся на железной дороге, которая была в метрах четырехстах от нас. Нас приняли за партизан и грозили расстрелом. Мы признались, что бежали из лагеря, который был недалеко от этой деревни. Нам поверили и отправили в штаб – в другую деревню. Там мы рассказали, что сбежали из лагеря, поскольку работы на копке траншей закончили. И нас оставили в этом подразделении, поручив какому-то поляку. Мы таскали всякие грузы и ухаживали за лошадьми. Это было в конце марта – начале апреля, уже было тепло. Свою зимнюю одежду мы променяли на табак и хлеб, а нам дали поношенную немецкую форму: френч, брюки, пилотку и сапоги. В конце апреля часть, где мы находились, стала отступать, и нас отправили на пересыльный пункт в город Ярцево. Там мы узнали, как можно бежать, и буквально на завтра попросились работать на лесопилку. В задней стенке туалета раздвигались доски, а там – спуск к реке. Юра не согласился, а мы с Николаем рискнули. Надо было переходить мост, который охранялся. Нас выручила форма одежды. Охраняли полицаи и они, видя нас в немецкой форме, только спросили: «Куда направляетесь, хлопцы?» Мы ответили, что идем на станцию, которая находилась на другой стороне реки. Так мы оказались дома. А на завтра мать Юры пошла выкупать сына.

Так до сентября мы работали в своей деревне. А в середине сентября немцы дали распоряжение молодежи собраться у здания правления, взяв с собой пару запасного белья и на два дня пищи. Мы уже знали, что немцами готовится отступление, и мы с сестрой давно собрали узелки. Как только объявили о сборе, мы с сестрой, захватив узелки, бежали через речушку в кусты, а там – в большой лес, где со всех окружающих деревень собралось много народу с детьми. Люди боялись, чтобы не угнали скот, поэтому

его тоже прятали с собой в лесу. 19 сентября девчонку постарше и двух мальчишек послали в разведку под видом того, что те ищут родителей. Вскоре «разведка» доложила: «Наши пришли». После этого сигнала лес зашумел. Стали кричать, чтобы найти друг друга, заплакали дети, голодные коровы, которым развязали морды, начали реветь. И полез из леса народ: кто на колясках, кто на лошадях, кто на коровах. Так мы оказались дома. А через день в деревню прибыл уполномоченный от военкомата, переписал всех от 1927 года рождения и старше и приказал назавтра явиться в военкомат. Парней 1925 года и старше отправили сразу в действующую часть, а 1926 и 1927 года – оставили убирать здание военкомата. Наши матери, узнав, что мы в городе, собрались нас навестить. Моя мать, обходя лужу, сошла с дороги и подорвалась на mine. Ее подобрала санитары какой-то воинской части и отправили в госпиталь. Как потом узнал отец, она умерла от большой потери крови и была похоронена около школы, где размещался госпиталь, с другими умершими воинами. А потом все эти могилки перезахоронили в братскую могилу под Ярцевом возле магистрали «Москва – Минск».

В декабре 1943 года ребят 1926 года рождения призвали в армию. Меня и моих друзей Юру и Семена направили в 182-й запасной стрелковый полк в г. Слободской Кировской области. После получения известия о гибели старшего брата Трофима 20 февраля 1944 г. под г. Нарва, я написал докладную с просьбой направить меня на фронт, чтобы отомстить за гибель матери и брата. Мою просьбу удовлетворили, я был направлен в формировавшийся в г. Ельне 1168-й стрелковый полк 346-й стрелковой дивизии, где был назначен на курсы санинструкторов. Две недели нас обучали оказывать помощь раненым, а в июне мы тронулись пешим маршем через Смоленск под город Оршу, где были введены в прорыв для дальнейшего преследования противника. И так наш полк с боями дошел до г. Шяуляй, где у немцев была организована крепкая оборона. В боях под г. Шяуляем 29 июля я был ранен и направлен в эвакогоспиталь в г. Невель, а потом – в глубокий тыл в г. Гусь-Хрустальный Владимирской области. Был на лечении до ноября 1944 г. А 7 ноября отмечали день Великой Октябрьской революции с ранеными девчатами-зенитчицами. Недели две до этого собирали сахар и продавали на базаре по 90 рублей за стакан, чекушка водки стоила 140 рублей. И вот собрались вечером, налили по сто грамм фронтowych, встали и запели застольную: «Выпьем за тех, кто командовал ротами, кто умирал на снегу...». Да, тяжело и больно вспоминать нашу юность.

Несмотря на трудности и невзгоды, наше поколение было великими патриотами и горячо любило свою Родину.

После лечения я был направлен в 726-й запасной стрелковый полк в г. Владимир, оттуда снова в действующую часть 22-го ордена Ленина гвардейского полка 9-й гвардейской стрелковой дивизии 6-й гвардейской армии (Прибалтийский фронт). Помню незабываемый день, когда полку вручали гвардейское знамя. Командир полка вставал на колени, целовал знамя и произносил клятву. Все воины полка тоже вставали на колени и повторяли: «Клянемся, клянемся!» Перед боем всех желающих принимали в партию и комсомол.

В декабре 1944 г. я тоже стал комсомольцем. Наш полк тогда вступил в бой по ликвидации «Курляндского котла». Я принимал участие в боях до 14 февраля 1944 г. А 14 февраля при выравнивании фронта для подготовки к всеобщему наступлению в честь 23 февраля был снова ранен. Лечился в госпитале в г. Круспелс (Латвия) до 24 апреля. С 24 апреля находился в 204-м фронтовом запасном полку, откуда снова направили на передовую. Но пока нас, гвардейцев, оставляли и формировали отдельный штурмовой гвардейский батальон, война закончилась. 9 мая рано утром замполит батальона прибежал в расположение со стрельбой и криком: «Братцы, война закончилась!». Мы выскочили из палаток и тоже начали строчить из автоматов. Стреляли из ракетниц, зениток, плясали, пели, обнимались... И когда спало торжественное напряжение, я ушел за палатку, лег в какую-то канавку, смотрел в небо, представлял будущую встречу с родными и плакал – от радости, от того, что закончилась война, что остался жив, что скоро встречу родных. Но встретиться пришлось только в 1947 г. Средний брат Николай при встрече рассказал мне, что друзья, с которыми я уходил в армию, не вернулись домой. Один погиб под Черняховском Калининградской области, а второй пропал без вести.

С 1945 по 1950 г. я служил в Эстонии в г. Раквере в дивизионной разведке. Вылавливал «лесных братьев». Потом окончил учебный батальон, получил звание сержанта и назначение старшиной роты управления 29-й гвардейской дивизии, в состав которой входил 204-й Матросовский полк. Помню, к нам в дивизию приезжал Поль Робсон с какой-то русской певицей, и я их водил в Матросовский полк. В 1946 г. заинтересовался морзянкой и попросился на курсы радистов. В том же году окончил курсы и сдал сразу на второй класс. Присвоили звание старшего сержанта и назначили начальником радиостанции РСБФ, в экипаж которой входили

старший радист, радист и шофер. В 1947 г. сдал на первый класс, мне присвоили звание старшины и впервые дали отпуск на Родину.

В 1950 г., не дождавшись демобилизации, поступил в Ленинградское военное училище связи, которое в том же году окончил досрочно. Был направлен в Забайкальский военный округ на «Манжурку», 74-й разъезд, в чине лейтенанта на должность начальника танкового батальона. В 1952 г. там же женился и сделал две попытки поступления в инженерную Академию связи (г. Ленинград), но в первый раз «засыпался» на математике, а второй раз не прошел по конкурсу в связи с объединением командной академии и инженерной. Снова вернулся в Забайкалье. А в 1958 г. дивизию расформировали, и я получил назначение в Сибирский военный округ (г. Красноярск) на должность помощника начальника связи танкового полка. Но в 1959 г. расформировали дивизию и там, и я получил назначение в Белорусский военный округ. И вот с 1959 г. служил сначала в танковых войсках, а в 1962 г. перешел в ракетные войска в Полоцкий гарнизон. В 1966 г. при исполнении служебных обязанностей получил сильнейшую черепно-мозговую травму и в 1967 г. был комиссован.

Три года работал в гороно – заведовал фильмотекой, затем три года в гостинице – техником АТС и один год во вневедомственной охране – электриком по сигнализации. А с 1974 г. по 1995 г. работал в институте: сначала лаборантом на курсе ГО, где создал кабинет по ГО, а потом – в отделе ТСО. Оборудовал техническими средствами лингафонные кабинеты, классы программированного обучения, поточные аудитории, актовые залы в обоих корпусах, спортивные залы и лагерь на озере Черное. В общем, все техническое оснащение института проводилось с моим участием или под моим руководством.

За период работы в ПГУ получил 36 поощрений в виде благодарностей, грамот и вознаграждений.

В настоящее время майор в отставке, инвалид ВОВ 2-й группы.

ВАСИЛЕНКО
МИХАИЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ
Род. 07.11.1916

Василенко Михаил Александрович родился в селе Кокуй Сретенского района Читинской области в крестьянской семье. Семья была бедная, и маленькому Мише приходилось ходить по миру, чтобы прокормить семью. Возвращаясь домой, он рассказывал, кто сколько дал хлебных горбушек, за которые должна была отрабатывать мать.

Здесь же он пошел в школу, которая находилась в бывшем поповском доме на станции Зиловая. Михаил Александрович был одним из первых пионеров Забайкалья. Из-за этого происходили стычки с кулацкими сыновьями, которые один раз чуть не задушили его пионерским галстуком.

В 30-м году произошло знаменательное событие в жизни Михаила Александровича – он вступил в комсомол. Интересно, что в те годы комсомольцев вооружали трехлинейными винтовками для самообороны.

Прошло еще несколько лет. Михаил Александрович поступил в Сретенское геологоразведочное училище. В училище выдавали паек: 200 грамм хлеба и столько же селедки. Селедку съедали сразу же, даже не почистив. Был страшный голод. И только из-за голода Михаилу Александровичу пришлось бросить училище. Что бы как-нибудь прокормиться, он пошел работать на железную дорогу станции Зиловая.

Здесь на Зиловой в 1940 году он вступил в ряды Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков).

Именно на железной дороге и застала его война. Несмотря на то, что он стремился уйти на фронт добровольцем, в армию его не взяли, так как железнодорожники нужны были в тылу. Исходя из ленинского положения о том, что в период вооруженной борьбы с врагом «всякий сознательный коммунист должен сказать себе: мое место там, впереди других на фрон-

те...», И.В. Сталин обратился ко всем коммунистам с призывом добровольно вступить в военно-воздушные силы СССР. Михаил Александрович откликнулся на этот призыв и был записан в 1-ю воздушно-десантную бригаду. Пройдя краткосрочный курс подготовительного обучения, он был направлен в местечко Тейково, что под Москвой, на передовую.

Но волею случая служить в ВВС ему не пришлось, и всю войну он прошел с 19-м ударным танково-прорывным корпусом. Был связистом.

Корпус, созданный в конце декабря 1942 года, свыше 3500 смертельно опасных километров прошел с боями по полям Великой Отечественной, громя фашистских захватчиков на Курской дуге, в Северной Таврии от Мелитополя до Перекопа, на Днепре под Никополем, на озере Сиваш в Крыму, при освобождении Прибалтики, завершив свой героический боевой путь под Бухарестом.

В годы войны столица нашей Родины неоднократно салютовала в честь великих побед советских войск, в составе которых шел с боями 19-й танковый. За боевые заслуги корпус стал Перекопским и Краснознаменным, все его бригады – Сивашскими и орденоносными. Ряд его частей именованы Симферопольскими, Севастопольскими и награждены боевыми орденами.

Михаил Александрович рассказывает: «Как сейчас помню освобождение станции Бендеры в 1943 году. Несколько в стороне от станции – цепочка серых барачков, обнесенных колючей проволокой. Выбежавшие и застывшие на мгновение сотни, тысячи людей в арестантской одежде. Потом словно ветер всколыхнул полосатое море – люди бежали к нам, падали, смеялись, плакали, обнимались, целовали землю, в которую не успели уйти. Эти 10 тысяч человек еврейского населения, приговоренные к расстрелу, были спасены нами».

Вот еще один интересный случай, рассказанный Михаилом Александровичем. В 1943 году в украинской деревеньке Белозерке танковый корпус остановился на отдых, и Михаилу Александровичу было поручено найти квартиру для командования. Один из домов приглянулся ему, и он зашел туда. Хозяйка приветливо пригласила пройти. В доме на почетном месте в рамке висел портрет В.И. Ленина. Было удивительно, откуда он взялся, ведь еще вчера в деревне были немцы. И старушка-хозяйка поведала следующую историю. Задолго до начала войны этот портрет купила

дочь. С началом войны прятались все документы, семейные фотографии. Завернутый в старые тряпки был спрятан и портрет Ленина под полом в чулане.

Немцы в деревне бывали редко, но при отступлении обошли каждый дом. Они ощупали стены автоматами, разворошили все на чердаке и в подполье. Нашли и портрет В.И. Ленина. Каково же было удивление хозяйки, когда немецкий офицер сказал: «Ты ест мало нехорошо, зачем в чулан пух прятал. Это Ленин, это святой. Его место тут». И он приказал повесить портрет на старое место. Офицер потом еще несколько дней жил в доме. А его денщик, прощаясь с хозяйкой, на плохом русском языке пояснил, что его командир – член партии Тельмана.

Михаил Александрович Василенко неоднократно награждался: в 1943 году медалью «За боевые заслуги», в 1944 году – медалью «За отвагу». Имеет благодарности от командования за освобождение Симферополя, Джанкоя, Шяуляя, Севастополя. Но невосполнимой потерей для него стали гибель двух братьев при обороне Москвы зимой 41-го и гибель отца при взятии Шяуляя в 44-ом.

Воспоминания записаны в 1985 году

ИГНАТЕНКО ЕВГЕНИЙ ФЕДОРОВИЧ

Род. 26.01.1922

Я родился в д. Кульшицы Пропойского района (ныне Славгородский) Могилевской области, где и прожил до поступления в школу.

Когда пришло время идти в школу, меня отвезли в г. Ленинград, где уже жили мои родители: мать, Пелагея Сергеевна (1900 г. р.), отец, Федор Митрофанович (1901 г. р.). Отец сначала учился на рабфаке, который давал возможность поступления в высшие учебные заведения, а затем поступил и окончил Лесотехническую академию. В семье было много детей, кроме меня еще шестеро младших – сестра и пятеро братьев. По распределению отец был направлен в г. Макарьев Ивановской области на лесопункт, где работал инженером лесотранспорта. Туда переехала и вся семья. В 1937 г. отца репрессировали, но не доказав его вины, выпустили. Однако мы вынуждены были поменять место жительства, переехав в г. Малая Вишера, где я в 1941 г. закончил среднюю школу.

19 июня 1941 г. по направлению военкомата уехал в Ленинград для поступления в военное училище. Сдав вступительные экзамены, 27 июня был зачислен курсантом Ленинградского военного училища связи им. Ленсовета.

Началась эвакуация. Последним эшелонам в г. Уральск было вывезено и наше училище. По окончании училища в январе 1942 г. меня распределили в распоряжение Среднеазиатского военного округа, откуда был направлен в Туркменский корпус в батальон связи командиром радиозвезда. Здесь я прослужил до сентября 1942 г. Туркменский корпус, сформированный преимущественно по национальному признаку, вскоре был распущен, и меня направили в 72-й отдельный горно-стрелковый полк команди-

ром радиовзвода. В ноябре 1942 г. определили в 450-й отдельный батальон связи (ОБС), который был в распоряжении Закавказского фронта.

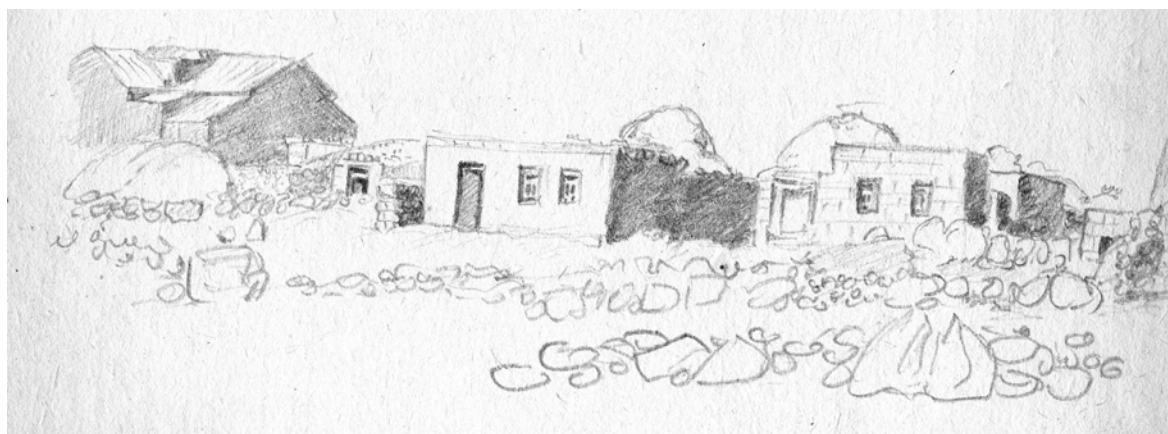
Наш батальон размещался на территории Ирана, на южном побережье Каспийского моря, и принимал участие в обслуживании связью Тегеранской конференции. Строительные батальоны устанавливали «воздушную» связь – тянули провода на столбах. Наш батальон состоял из эксплуатационщиков, в обязанность которого входила охрана и обеспечение бесперебойной связи.

*Город-порт Пехлеви, Иран, 28.05.1944 г.
Е.Ф. Игнатенко – первый справа
в нижнем ряду*

О Тегеранской конференции мы ничего не знали, но чувствовали по усилению боеготовности, что предстоит важное событие. Как-то за одни сутки, уже во время конференции, пришлось пробежать около 90 км, проверяя по тревоге исправность линии. Лишь когда конференция окончилась, мы узнали о причине боевой тревоги тех дней. Впоследствии нам была объявлена благодарность Главнокомандующего Иосифа Сталина.

Поскольку диверсий со стороны иранцев не было, служба проходила относительно спокойно.

На Турецкой границе. Рис. Е.Ф. Игнатенко

Из этого батальона я был направлен на границу с Турцией в 17-й отдельный пулеметно-артиллерийский батальон командиром связи на том же Закавказском фронте.

9 мая встретил в Армении, в г. Ленинакане. Местные жители, армяне, еще помнили о резне начала XX столетия, поэтому когда раздалась стрельба из всех видов орудий, испугались, посчитав, что это напали турки, и стали в панике разбегаться во все стороны. Весть о Победе усилила всеобщее ликование.

После войны, в октябре 1946 г, я вернулся в Малые Вишеры. Дома застал одну сестру. Во время войны погибли многие мои родные: отец, Федор Митрофанович Игнатенко, – на Пулковских высотах, брат, 18-летний Александр, – под Колпино, также защищая Ленинград. Умерла мать, Пелагея Сергеевна; в детском доме умер младший брат Виктор; простудился, прячась от бомбардировок в холодном рву, и умер брат Олег

С детства увлекаюсь рисованием. И в годы войны не выпускал карандаша из рук. Когда выпадала свободная минутка, рисовал своих однополчан, картины солдатского быта, пейзажи.

Рисунки выполнялись на подручном материале: военно-топографических картах, канцелярских книгах и т. д. В 1945 г., после окончания войны, в штабе была организована выставка моих работ. Много моих зарисовок не вернулось ко мне, они были разобраны героями сюжетов.

В послевоенные годы жил во многих городах СССР. В 1979 г. вернулся в Беларусь. Вначале – в г. Орша, с 1980 г. живу в Новополоцке. Будучи пенсионером, работал рабочим по обслуживанию общежития № 2 НПИ.

Сейчас я освоил масляные краски и ими пишу любимые уголки нашего города, его окрестностей, копирую понравившиеся работы других художников.

Апрель 2005 г.

ИСКРИЦКИЙ НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ

Род. 02.01.1925

ЦЕНА БОЕВОЙ НАГРАДЫ

...Уже отгремели фанфары Парада Победы в Москве. Батальоны отборных войск стройным маршем прошли по Красной Площади; у многих бойцов на груди блестели ордена и медали, знаки отличия за воинскую доблесть. И теперь, по прошествии многих десятилетий, когда война уже стала достоянием истории, невольно напрашивается вопрос – какова же цена этих скромных, но очень дорогих для их обладателей, наград? Что конкретно стоит за каждой из них? Поэтому мне кажется уместным напомнить здесь об одном частном эпизоде, который может быть характерным при поиске ответа на эти вопросы.

Этот день – памятная дата в моей биографии. Лето 1945 года, начало июля. Наш артиллерийский полк в составе Центральной группы войск стоял в лагере в нескольких десятках километров от Будапешта. Шла обычная армейская жизнь – боевая учеба, чистка оружия...

Неожиданно к палатке командира батареи подъехал знакомый нам «Опель» командира полка подполковника С-ко. Это вызвало вполне естественный переполох: начальство зря не приезжает, как правило – жди неприятностей. Казалось бы, нам, солдатам и сержантам, чего беспокоиться? Однако меня озадачило, когда пробежавший мимо батарейный писарь на ходу бросил фразу: «Кажется, упоминали твою фамилию».

Вскоре личный состав батареи оперативно, по-военному, уже стоял в строю на плацу. Командир полка зачитал Указ и от имени Президиума Верховного Совета СССР вручил мне орден Славы III степени. Поэтому в моей орденской книжке и числится несколько необычная дата награждения – 1 июля 1945 года.

С этого времени я ощутил более весомое моральное право считать, что и я внес свой вклад в общую копилку нашей нелегкой победы. Не лишним будет сказать, что эта награда, кроме чисто ритуальной значимости, предусматривала целый ряд, и притом немалых, материальных льгот (отменены в первой половине 50-х годов).

Несколько слов об особенностях врученной мне награды.

Орден Славы имеет три степени – I, II, III, и награждение осуществляется только последовательно, начиная с третьей и т. д. Он был учрежден как высшая солдатская награда одновременно с орденом «Победа» – высшей полководческой наградой. В статусе ордена предусмотрено, что им награждаются исключительно за конкретные воинские подвиги, совершенные в бою: уничтожение танков, большого числа живой силы, пленение высших чинов армии противника и т. д. Поэтому в числе наиболее возможных претендентов на этот орден являлись бойцы пехоты, танкисты, бойцы противотанковой артиллерии, на плечи которых ложилась наиболее опасная в бою обязанность, и они несли несравненно большие потери, чем другие рода войск.

В пехотных частях личный состав обновлялся фактически в результате только нескольких атак, а раненые, после излечения в госпиталях, в свои части, как правило, не возвращались. Появление в конце 1943 года на вооружении немецких войск кумулятивных противотанковых средств (панцерфаусты, «базуки» и т. д.) значительно увеличило потери среди танкистов. Поэтому получить орден Славы, особенно его высшие степени – II и I, было делом, мало сказать, нелегким (этому способствовало и то обстоятельство, что награда утверждалась в высоких армейских инстанциях, что требовало сравнительно много времени). В силу указанных обстоятельств этот орден был довольно редкой наградой. Не боясь ошибиться, берусь утверждать, что в нашей республике в данное время едва ли наберется десяток человек, награжденных орденом Славы всех трех степеней.

Поэтому где уж мне, сержанту-разведчику корпусной артиллерии (служба, по армейским меркам, не особенно опасная) было мечтать о такой награде! Однако, несмотря ни на что, получить «Славу» было голубой мечтой почти каждого солдата.

Выше приведено описание заключительного этапа эпизода, его счастливого окончания. Перейду к сути самого события.

Весной 1945 года наш фронт готовился к штурму столицы Австрии – Вены; о стратегическом значении этого города, полагаю, писать излишне, это общеизвестно.

Перед нашей батареей была поставлена задача держать под обстрелом стратегически важный узел дорог, воспрепятствовать передвижению

живой силы и техники по магистрали, получившей на солдатском лексиконе название «автострада Берлин – Стамбул».

Технические характеристики наших орудий позволяли вести огонь на значительном расстоянии, так называемая стрельба «по планшету» или «по карте». Но при этом было трудно добиться высокой точности попаданий. За расход дорогих снарядов, каждый весом более 40 кг, строго взыскивалось. Необходимо было оборудовать наблюдательный пункт (НП) вблизи цели, что позволило бы осуществлять корректировку огня. Наблюдательный пункт решили оборудовать на окраине населенного пункта NN, где, по данным штаба, проходил передний край нашей обороны.

Мне во главе группы из 4-х человек – двух разведчиков и связиста с радиостанцией, предстояло срочно направиться в указанный район, отстоящий на несколько километров, для уточнения обстановки. В случае если условия окажутся отвечающими предъявляемым требованиям, за нами следует основная группа для оборудования НП, прокладки надежной проводной связи с огневыми взводами батареи и командованием полка.

Ранним дождливым утром мы вышли на окраину селения NN. Оно представляло собой типичный предгорный поселок, застроенный полутора- и одноэтажными домами из саманного кирпича. Дома вытянулись в линейку по обе стороны центральной улицы-шоссе. Не было видно ни одной живой души, не слышно никакого шума, столь характерного для сельской местности. По-видимому, население было предварительно эвакуировано, а оставшиеся укрылись в надежных погребах-бункерах, почти обязательной принадлежности каждого хозяйства.

Избегая движения по центру селения, соблюдая крайнюю осторожность, мы вышли на предгорную сторону – кукурузные поля, виноградники, сады – и двинулись в нужном направлении. С высоты все двory хорошо просматривались, что вполне нас устраивало.

Вдруг – вот это сюрприз! – во дворе одного из домов мы увидели стоящий у обочины дороги танк – на фоне камуфляжной окраски на броне четко выделялись черно-белые кресты. Никаких сомнений не было – это немецкий танк Т-III, экипаж – 4 – 5 человек, вооружение – 75-мм орудие и пулеметы.

Танк стоял на нашей стороне улицы, это была уже удача. Соблюдая осторожность, мы вошли в дом, окна которого выходили во двор, из них было хорошо виден танк. «Может быть, это подбитая или неисправная оставленная машина?» – в этом случае дело упрощалось. Увы, это было не так. Да вот и хозяева объявились. Из соседнего дома вышли трое солдат в характерной форме танкистов – черные береты и комбинезоны. Было видно их намерение занять места в танке.

Выбора у нас не было – надо вступать в бой, это наш долг. В противном случае это расценили бы как трусость, в худшем случае – пахло трибуналом за невыполнение боевого задания.

Немцев было всего трое, неполный экипаж, что несколько упрощало нашу задачу. Нам было необходимо во что бы то ни стало не допустить проникновения танкистов в машину и приведения ее в движение. В этом случае у нас не осталось бы почти никаких шансов: стальная черепаха с пушкой и пулеметами легко разнесла бы по кирпичам наше укрытие.

На наше «Сдавайтесь, вы окружены!» – автоматная очередь, пистолетная стрельба и поспешное движение к стоящему танку. У нас было неоспоримое преимущество – мы были вооружены автоматами и карабином и могли вести огонь из укрытия, противник же находился на открытом дворе. И это решило дело. После короткой перестрелки два солдата неподвижно застыли на земле, третий, раненый, пытался ползти к танку, но вскоре убедился в безнадежности своего положения и сдался. Один наш разведчик был легко ранен.

В деревне по-прежнему ни звука, ни движения. Вот это дисциплина, приучил Адольф своих земляков! (впоследствии оказалось, что много жителей все же оставалось в деревне).

Возбужденные боем, мы обсуждали, что делать дальше? Ответ пришел неожиданно: со стороны расположения наших войск на шоссе показалась машина, в кузове сидели солдаты. Слава Богу, на этот раз, кажется, наши. За ней следовала легковая закрытая машина – по-видимому, комендантский взвод охраны и высокое штабное начальство.

Выбежав на дорогу, я остановил машину. В ответ из кузова – крепкие словечки, подтверждающие, что мы действительно имеем дело со своими: «Куда прешь?..» Подъехала легковая машина, из нее вышел офицер с большими звездами на погонах и еще несколько офицеров. Картина прояснилась. Все увидели танк, распростертые трупы, раненого немца. Я подошел к полковнику, представился и коротко изложил обстановку: «Дальше ехать опасно».

Полковник был сильно раздражен, а его окружение суетилось в явной растерянности. Еще бы – приехали не на ту свадьбу! – основательной выволочки не избежать.

Адъютант подбежал с раскрытой картой. – «Где находится штаб полка? Я полковник З-ов!». Эта фамилия была мне прекрасно знакома. – «Передайте подполковнику С-ко, чтобы он всю группу представил к на-

граде, тебе – орден Славы, остальным – медали «За отвагу». Продолжайте выполнять порученное задание».

Нашего раненого бойца и пленного немца поместили в кузов машины, развернулись и уехали. Мы продолжили свой путь уже в более приподнятом настроении.

Из этого очерка можно заключить, что бумаги о моем представлении к награде неспешно бродили по кабинетам штабов несколько месяцев, о них я вскоре забыл и думать, однако, как видно, фортуна все-таки улыбнулась и мне.

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ФОТОГРАФИИ

История этой фотографии не совсем обычная, а вернее будет сказать – и вовсе необычная.

Осенью 1945 г. наша часть в составе Центральной группы оккупаци-

онных войск располагалась лагерем в 2 – 3 км от города Асод, который находился в 20 – 30 км от Будапешта. Здесь я получил письмо от старшего брата. Он писал, что, как специалист-горняк, демобилизован и находится в городе, (название его было вычеркнуто военной цензурой), где формируется эшелон для отправки на родину.

Я обратил внимание, что письмо находилось в пути всего одни сутки – вчера отправлено, а сегодня дошло до адресата. Необычная для того времени оперативность.

Пораскинув умом и кое-где наведя справки, я узнал, что сборы демобилизованных из группы войск происходит в городе Асод, то есть у нас под носом!

Через день я без особого труда встретился с братом, который на прощание и сфотографировал меня трофейным «Цейсом».

Для ясности скажу, что брат был призван в армию в апреле – мае 1941 г. в городе Кировске. Моя же фронтовая одиссея началась через полтора года в Мурманске, и наши пути пересеклись через столько военных лет в этом небольшом венгерском городке. Это, как подтверждение народной мудрости, что «мир, хотя и велик, но тесен»!

21.03.04.

**КОВАЛЕНКО (АНКЯНЕЦ)
НАТАЛЬЯ АФАНАСЬЕВНА**
21.12.1926 – 21.04.1994

Моя мама, Поворова Наталья Афанасьевна (Анкянец) прошла по жизни как Прометей, отдавая людям огонь своего сердца. Вот уже 11 лет, как ее нет на земле, но память о ней для меня всегда жива. Как я рада, что у меня была такая мама!.. Я очень горжусь ею и всегда в трудную минуту вспоминаю о том, что людям ее поколения было в сотни раз тяжелее жить, чем человеку сегодняшнего дня. Жизнь этих людей была подвигом. Это придает мне силы, я очень хочу быть хоть в чем-то похожей на свою маму.

Она родилась в г. Лепеле Витебской области в семье священника. Ее мать умерла при родах. Воспитывали ее три старшие сестры и отец, мой дед Афанасий. Дед родился в 1884 г. в зажиточной семье. После окончания духовной семинарии стал священником. Его родной брат Иван закончил Полоцкий кадетский корпус. Во время войны два родных брата – Афанасий и Иван – служили в Красной Армии. Афанасий был писарем у Буденного, Иван – офицером Красной Армии.

В 1934 г., когда маме исполнилось 8 лет, ее отца репрессировали как священнослужителя. Мама говорила, что ее отец писал письма Буденному, просил помощи и защиты. В 1937 г. он вернулся домой и прожил недолго. Мама часто вспоминала возвращение отца. Это была большая радость для всей семьи и всего Лепеля. Моего деда уважали и почитали в городе, очень много людей приходило в дом, чтобы увидеться и поздороваться с ним. Мама очень хорошо помнила, как ее отец сказал: «Доченька, будет война – русские победят. Знай, что победа за нами, нет такой силы, которая победила бы русский дух». Эти слова он в последние дни своей жизни повторял часто и говорил о Родине с верой в ее большое будущее. Репрессия не сломила дух моего деда Афанасия. Он любил Родину, верил в победу своего народа. Его отношение к жизни, глубокая вера в силу людей, победу света

над тьмой – все это впитала своим сердцем моя мама, вся ее дальнейшая жизнь была построена по этим принципам и убеждениям.

После смерти своего отца в 11 лет мама стала круглой сиротой. Ее взяла к себе на воспитание старшая сестра Ксения, которая была замужем и жила в г. Киеве. Рассказывая об этом периоде своей жизни, мама всегда говорила о той большой мечте детства, которой не пришлось сбыться. Ее мечта была стать оперной певицей. Природа наделила маму чудесным голосом и, проживая у сестры, она занималась пением в музыкальной школе. Но внезапно наступил день, который изменил ее будущее, который помешал всем планам. Началась Великая Отечественная война.

...В этот день мама как обычно готовилась к экзаменам по вокалу. Она заканчивала школу и ей очень хотелось продолжить учебу в консерватории. Она спустилась в подвал дома, где могла громко петь, и занималась там несколько часов, но вдруг услышала сильные удары, грохот, крики. В первое мгновение мама подумала, что рушится дом. Она выскочила из подвала на улицу и увидела самолеты, которые бомбили город. Вокруг рушились дома, погибали дети, старики, люди в панике кричали и плакали. После по радио было объявлено о начале войны.

В одно мгновение вся жизнь мамы и ее близких людей превратилась в кошмар. Из Киева начали эвакуацию людей. В первую очередь уехали женщины и дети. Вместе с сестрой и ее двумя маленькими детьми мама попала в один из первых эшелонов. Из дома ничего не разрешали брать, кроме документов и небольшого количества одежды. Очень быстро всех сажали в вагоны и вывозили из города. Они несколько недель ехали к месту назначения. В дороге голодали. Теснота, сбои на железнодорожных станциях... Однако им повезло: ведь они живыми добрались до Красноярска. Поселились в каком-то доме, не было еды, одежды... Подходила осень, надо было топить дом. Маленьких детей нужно было кормить, и всю тяжесть этих забот взяла на себя мамина старшая сестра Ксения. Чтобы получать продуктовые карточки, она устроилась на работу и работала с утра до ночи. Мама оставалась с детьми одна. Она их кормила, ухаживала за ними, обустроивала быт: убирала, готовила еду, подолгу стояла в очередях за продуктами. Ксения возвращалась усталой и сразу ложилась спать, чтобы утром опять идти на работу. Зима в Красноярске была очень суровой и продолжительной. Ксения заболела, но лечиться было некогда. Проснувшись однажды утром, мама увидела, что ее сестра еще спит, она стала будить ее на работу, но с ужасом поняла, что та мертва. Возле мертвой матери спал маленький сын, которому было около трех лет. Не смогла мамин-

на сестра выдержать все трудности, которые принесла война. Холод, голод, тяжелая изнурительная работа убили жизнь 27-летней женщины.

Мама осталась одна с двумя малолетними детьми, а ей самой тогда только исполнилось 15 лет. Вскоре ее и племянников определили в Красноярский детский дом. Мама решила любыми путями попасть на фронт. Она сумела добиться этого, поступив в апреле 1942 г. в военномедицинское училище, которое закончила в декабре этого же года. Одна из первых она пошла на фронт добровольцем, попала на передний край санитарструктором роты автоматчиков 121-й стрелковой дивизии Сталинградского фронта, стала участником великой битвы на Курской дуге.

Очень скоро в январе 1943 г. она сумела проявить себя как бесстрашный боец, подняв солдат в атаку своим примером. В 16 лет ей была присуждена первая боевая награда, медаль «За отвагу», которой она очень гордилась.

Очень часто мама вспоминала о войне, рассказывала, как ей было тяжело, сколько горя и страданий она видела вокруг себя. Она всегда была бесстрашна и верила в победу. В декабре 1943 г. она получила вторую награду – орден Славы III степени, в августе 1944 г. – орден Красной Звезды. Я очень хорошо помню ее рассказ о последнем бое, где она случайно осталась жива. Этот бой был на Днепре, освобождали ее любимый город Киев. Мама очень хорошо пела украинские песни, и все мечты ее детства были связаны с этим городом. Этот бой был в конце 1944 г. Он был очень тяжелый. Ревели «Катюши», летели немецкие бомбардировщики, палили пушки, их рота, как всегда, была на переднем крае фронта. Мама выносила с поля боя раненых. Она взваливала солдата себе на спину и ползла на нейтральную полосу к сараю, там оставляла его и возвращалась за другим. Ей было всего 17 лет... Хрупкая девушка небольшого роста, она взваливала на спину тяжелого мужчину в полном обмундировании, многие из них были без сознания, у некоторых были оторваны конечности, кто-то был ранен в живот, многие кричали от боли. Она знала одно: их надо спасать. Она ползла к сараю, где солдат ждала медицинская помощь. Бой продолжался долго, а мама все носила и носила раненых в сарай. Она уже сбилась со счета, так много было раненых. И вот последний солдат. Совсем рядом раздался взрыв. Раненый погиб, но своим телом он спас жизнь моей мамы. Она была ранена осколком в лицо, контужена, потеряла сознание. Ее нашли только на третьи сутки, когда санитары убирали тела погибших бойцов. Под телом одного из них они увидели живого человека. Это была моя

мама. Ее сразу отправили в госпиталь. Она пролежала там полгода без движения, заново училась ходить и говорить.

Командиры и солдаты видели взрыв бомбы и решили, что мама убита. Были подготовлены документы на присвоение ей звания Героя Советского Союза и награждение медалью «Золотая Звезда» – посмертно. Но эта награда так и не дошла до мамы. Она часто, ничуть не сожалея об утерянной награде, говорила: «Я осталась жива, у меня есть дети, я работаю, это для меня самая большая награда». Она умела радоваться жизни.

Ей было 18 лет, она очень хотела жить. В госпитале она встретила

*На встрече ветеранов
ректор НИИ П.И. Швед,
Н.А. Анкянец, зав. кафедрой
истории КПСС
и политэкономии
В.А. Иванов, май 1983 г.*

Победу, очень радовалась вместе со всеми... И даже изуродованное осколком лицо не омрачало этой радости. При выписке из госпиталя главный врач предложил маме сделать пластическую операцию в Москве. Она не сразу согласилась, но врач убедил ее, что эта операция так же необходима. Ей пришлось лежать в московской клинике еще несколько месяцев, и снова операции, снова боль и страдания. Но вот наступил долгожданный день, ей сняли повязки, принесли зеркало и сказали: «Посмотри на себя». Она несмело взглянула, улыбнулась и тихонько сказала: «А ведь я просто красавица». Она была счастлива. Она вернулась на Родину только в 1946 г. и стала работать в Лепельском горкоме комсомола. С 1946 по 1948 г. была слушателем Республиканской партийной школы при ЦК КПБ. Началась трудовая жизнь, которая принесла ей

много хорошего и неожиданного. Были трудности и радости, как у каждого человека.

Более 11 лет проработала мама в Новополоцком политехническом институте и ушла на пенсию в 1985 г.

Она посвятила свою жизнь служению и защите людей.

*Рассказ дочери
Натальи Анатольевны Баневич*

КРЫЛОВ
ЕВГЕНИЙ МИХАЙЛОВИЧ
7.11.1926 – 6.07.1999

Евгений Михайлович Крылов родился в поселке Баки Горьковской области. 15 октября 1943 года был призван в ряды Красной Армии и отправлен для прохождения службы на Дальний Восток. С октября 1943 года по июнь 1944 года обучался в учебном отряде Тихоокеанского флота, где 1 декабря 1943 года принял присягу.

После учебы был направлен на службу во 2-ю бригаду речного корпуса Краснознаменного Амурского флота в качестве командира отделения бронекатера.

Государственная граница Советского Союза с Маньчжурией и Кореей более чем на три четверти всей протяженности проходила по водным рубежам рек Аргунь, Амур, Уссури, Сунгача, Тумыньцзян и по озеру Ханка, которые трудны при форсировании. К тому же незначительные в сухую погоду ручьи и реки в период дождей сильно разливались.

Характерной особенностью рек Дальнего Востока, в отличие от европейских, является то, что разлив этих рек бывает дважды в году – ранней весной и летом (июль – август), причем летний паводок, вызываемый длительными муссонными дождями, более продолжительный и бурный.

Особенностью климата Дальнего Востока является пасмурное и дождливое лето с частыми туманами (особенно в Приамурье и Приморье).

И еще одна особенность дальневосточной природы – сопки, покрытые хвойными и лиственными лесами. В смешанных лесах древесная и кустарниковая растительность поднимается в три – четыре яруса. Подлесок у сопки очень густой, перевит диким виноградом, лимонником, и пройти даже одному человеку очень трудно. Подсчитано, что на европейской территории средняя густота леса составляет 900 деревьев на 1 гектаре, в то время как на Дальневосточной – 3000 деревьев.

Это приводится для того, чтобы подчеркнуть сложность обстановки и роль речного флота в войне с Японией.

Готовясь к войне с Советским Союзом, Япония еще в 1931 году оккупировала Маньчжурию, часть территории Северного Китая. В 1938 году совершила нападение на нашу территорию в районе озера Хасан, а в 1939 – на территорию Монгольской Народной Республики в районе реки Халхин-Гол.

В апреле 1941 года Япония идет на заключение японо-советского пакта о нейтралитете, рассчитывая ослабить бдительность Советского Союза и нанести удар, когда тот будет ослаблен войной с Германией и отведет часть сил с Дальнего Востока.

В разработанном Японией «Плане управления территориями в сфере процветания Великой Восточной Азии» указывается, что Омск станет пунктом разграничения территории СССР между Германией и Японией.

Все годы Великой Отечественной войны, когда Советский Союз воевал с гитлеровской Германией, Япония готовилась к нападению на нашу страну, усиливая свою армию. В приграничных регионах было построено 20 авиабаз, 133 аэродрома, большое количество военных городков, 150 госпиталей. Вблизи от Владивостока были построены новые порты. Японцы постоянно препятствовали судоходству на Дальнем Востоке, задерживая советские суда. Несколько судов было потоплено японскими подводными лодками...

5 апреля 1945 года Советское правительство денонсировало советско-японский пакт о нейтралитете, заключенный 13 апреля 1941 года, который из-за политики Японии терял всякий смысл.

На Ялтинской конференции в феврале 1945 года Советский Союз обязался вступить в войну с Японией через два – три месяца после окончания военных действий в Европе.

8 августа 1945 года Советское правительство передало заявление правительству Японии, в котором говорилось:

«После разгрома и капитуляции гитлеровской Германии Япония оказалась единственной великой державой, которая все еще стоит за продолжение войны.

Учитывая отказ Японии капитулировать, союзники обратились к Советскому правительству с предложением включиться в войну против японской агрессии и тем сократить сроки окончания войны, сократить количество жертв и содействовать скорейшему восстановлению всеобщего мира...

Ввиду изложенного Советское правительство заявляет, что с завтрашнего дня, то есть с 9 августа, Советский Союз будет считать себя в состоянии войны с Японией».

Полночь 9 августа. Десятки тысяч людей напряженно всматриваются в темноту ночи, следят за стрелками часов, ожидая сигнала атаки. Среди них и 19-летний Евгений Крылов на бронекатере на реке Сунгари у города Фуюань. Сверкают молнии, грохочет гром и льет непрерывный дождь, который продолжался до 5 – 6 часов утра.

Ливни, прошедшие раньше, сильно подняли уровень воды в Сунгари и вызвали разлив рек и ручейков. Прибрежные дороги оказались затопленными и движение по ним было сильно затруднено. На всем протяжении долины реки Сунгари японцами были созданы узлы сопротивления. Фуюань закрывал вход в устье реки и был хорошо укреплен.

Задача овладения укреплениями противника и г. Фуюань была возложена на 630-й стрелковый полк и корабли Краснознаменной Амурской флотилии.

Высадку десанта и поддержку его при штурме укреплений Фуюаня обеспечивала значительная часть кораблей 2-й бригады. В группу кораблей входили мониторы «Дальневосточный комсомолец» и «Свердлов», канонерская лодка «Пролетарий», а также бронекатера и другие суда.

9 августа в 3 часа 20 минут в районе Нижнее-Спасское 1-й батальон 630-го стрелкового полка был погружен на канонерскую лодку «Пролетарий», бронекатера, катера-тральщики, и через час вышел в направлении Фуюаня.

Мониторы «Дальневосточный комсомолец» и «Свердлов», бронекатера заняли огневые позиции возле острова Маланкин для ведения огня для обеспечения высадки и поддержки десанта на берегу. Как только корабли 2-й бригады с десантом стали подходить к месту высадки, был открыт огонь.

В 7 часов 30 минут десант 630-го стрелкового полка высадился на берег и стремительной атакой, поддерживаемой корабельной артиллерией, овладел г. Фуюань...

Продвигаясь вверх по Сунгари, флотилия оказывала помощь войскам в занятии городов, прорывах обороны, создании плацдармов для дальнейшего наступления сухопутных войск.

Нашим кораблям приходилось двигаться по Сунгари, местами преодолевая серьезные преграды: сплошной поток бревен и плотов, пущенных

японцами с верховья реки, упавшие фермы взорванных мостов. По пути была захвачена и разоружена Сунгарийская речная флотилия. В ее состав входило 25 боевых кораблей. Личный состав флотилии состоял из китайцев, но командные посты занимали японцы.

В том, что за несколько дней нашими войсками была разгромлена 750-тысячная Квантунская армия, есть заслуга и моряков Краснознаменной Амурской флотилии. Командиром отделения бронекатера 2-й бригады Амурской флотилии был старшина 2-го ранга Крылов Евгений Михайлович.

24 октября 1948 года Евгений Крылов был демобилизован. Вернувшись на родину, в том же году женился на своей однокласснице, которая ждала его все годы. С Лидией Федоровной, деля радости и горести, прожил до своих последних дней.

Работал и учился в вечерней школе. Затем окончил физико-математический факультет Горьковского пединститута.

В 1964 году Евгений Крылов с семьей в Новополоцк. Всю жизнь проработал в школе № 2, оставив планетарий, как осуществление своей мечты о звездном небе и добрую память о себе.

Последние годы работал старшим преподавателем кафедры физики НПИ, чем очень гордился, так как это открывало для него новые горизонты. Однако здоровье не позволило долго проработать в вузе...

*Валентина Сергеевна Крылова,
учительница СШ № 2 г. Новополоцка*

ЗВЕЗДА ВЕЧНОСТИ ЕВГЕНИЯ КРЫЛОВА

«Мир звезд чрезвычайно разнообразен, и чем больше вы узнаете о нем, тем увлекательнее и интереснее будет путешествие по звездному небу...» Казалось, я слышу этот спокойный и в то же время необыкновенно завораживающий голос Евгения Михайловича Крылова. Учителя астрономии и физики средней школы № 2 прекрасно помнят мальчишки и девчонки поколения 60-х – 80-х. 7 ноября ему исполнилось бы 75. Два года тому назад его не стало. Накануне юбилея я пришла на могилу Евгения Михайловича, чтобы возложить цветы. В знак нашей памяти. От учеников – Учителю.

После окончания Горьковского пединститута Евгений Крылов приехал в Новополоцк. Устроился в среднюю школу № 2. С первых лет работы чувство неудовлетворенности не покидало его. И «виной» тому была его любимая астрономия. Вернее, не сам предмет, а то, как чиновники от образования «рекомендовали» преподавать его в школе. Один час в неделю – и хватит. И это в век космонавтики, космических открытий и мощного потока научной информации?! Евгений Михайлович не мог согласиться с таким положением. И начал действовать. Мы уже никогда не узнаем, сколько ботинок он истоптал, чтобы доказать чиновникам в высоких кабинетах, что сегодня недостаточно часа в неделю на изучение астрономии, что необходимо коренным образом менять методику ее преподавания. И почему бы вообще не найти возможность и оказать помощь в создании школьного планетария и обсерватории?

*Он открывает тайны звездное небо.
Заслуженный учитель Е.М. Крылов
с учениками в обсерватории СШ № 2,
1990 г.*

Кто-то, наверное, скептически ухмылялся после его визитов, кто-то удивлялся такому странному стремлению построить астрономический комплекс в какой-то неизвестной школе, кто-то и вовсе отказывался его принимать. А он гнул свою линию. Ведь главная поддержка у учителя давно уже была – его ученики. Мальчишки и девчонки из школьного астрономического кружка спали и видели себя великими исследователями космоса. А если есть такая мощная поддержка, то никакие преграды не страшны.

В 1972 году в школе открылся планетарий, где можно было совершать необыкновенные путешествия по звездному небу. Юные астрономы читали лекции, показывали диафильмы, кинофильмы, изучали планеты Солнечной системы. А когда через три года рядом с планетарием появилась настоящая обсерватория с настоящим телескопом, это и вовсе было

невиданным в жизни не только школы и города, но и всей республики. Ведь открылся единственный в Беларуси школьный астрономический комплекс! И, наверное, те же чиновники, которые когда-то не хотели даже слушать новополоцкого мечтателя, первыми преподнесли этот факт более высокому начальству.

Но Евгению Михайловичу было не до того. Свершилась мечта всей его жизни. Теперь можно заниматься научными исследованиями, заглядывать в тайны Вселенной, наблюдать за различными небесными светилами, производить фотосъемку космических объектов. Всем этим и увлеклись юные астрономы. Результат не заставил себя долго ждать. Юрий Селенок обнаружил комету в созвездии Лебедя. Кружковцы высчитали скорость, звездную величину, расстояние... Их данные почти совпали с данными Государственного астрономического института имени Штернберга. А через месяц Юрий Селенок делает очередное открытие: в созвездии Лебедя обнаруживает новую звезду. Его телеграмма была одиннадцатой из присланных в институт им. Штернберга.

Сегодня Ю. Селенок работает геологом, увлекается уфологией. Увлечательным было участие учеников Е. Крылова в наблюдениях солнечного затмения, в слетах юных астрономов, олимпиадах по предмету... И везде новополоцкие школьники признаются лучшими. Еще один ученик Евгения Михайловича Александр Родюшкин с ВДНХ привозит бронзовую медаль. Сегодня учитель информатики и астрономии А. Родюшкин продолжает традиции своего наставника. Уже новые мальчишки и девчонки смотрят в телескоп и ищут свою звезду. А значит, будут новые открытия и победы.

Получает признание и педагог. Евгений Михайлович – отличник народного образования, Заслуженный учитель республики, удостоен бронзовой медали ВДНХ за достижения в обучении своих учеников. Его уникальный опыт ложится в основу преподавания астрономии в школах республики.

Признайтесь, не знающие Евгения Крылова, каким вы его представляете? Грызущим гранит науки, еженощно вглядывающимся в звездное небо и заставляющим этим же заниматься и своих учеников? Ошибаетесь, господа. Евгений Михайлович все делал как бы играючи. И мы включались в эту «игру» с азартом, познавая неведомое, желая познавать еще больше. Он приходил на урок без книг и учебников. У него все было в го-

лове. Он не ругал нас за шум на уроке. Просто потому, что в классе стояла мертвая тишина. Даже отпетые двоечники не получали у него двойки. Даже они могли показать, где находится то или иное созвездие, рассказать, что такое звезды... Он был наш Учитель. Наставник. Просто наш человек.

Нашим он был и в коллективе педагогов. Вы бы слышали, как виртуозно играл он на гитаре, как заливисто звучала его балалайка! А на выступления школьного ансамбля народных инструментов, которым руководил он, собирались все – от мала до велика. А каким юмористом и шутником был Евгений Михайлович, мог быстро сочинить оригинальный «верш по случаю»! Не зря говорят, если человек талантлив – он талантлив во всем. Это о нем – о Евгении Михайловиче Крылове. Это был светлый человек, большого ума и с прекрасным чувством юмора. Он был достоин большего. Не знаю, предлагали ли ему поменять должность учителя на более «престижную». Но даже если бы такое случилось, уверена, он отказался бы. Он не был карьеристом. Он был Учителем. Он почти четверть века отдал нам, учащимся второй школы.

На памятнике, установленном на могиле Евгения Михайловича Крылова, – падающая звезда рассекает темное ночное небо. Говорят, если увидишь звезду – обязательно загадай желание, и оно сбудется. Эта звезда исполнила главное желание Учителя – оставить память в сердцах своих учеников.

*Любовь ТРАПЕЗНИКОВА,
выпускница СШ № 2.
«Химик», 20 ноября 2001 г.*

УСТИНЕНКО ЛЕОНИД ИВАНОВИЧ

Род. 03.02.1918

Моему отцу, Устиненко Леониду Ивановичу, 3 февраля 2005 года исполнилось 87 лет. Он прожил долгую жизнь, прошел через 2 войны – Финскую и Великую Отечественную.

Леонид Иванович немногословный человек, он не часто вспоминал свои военные годы. Оживлялся, когда говорил о Ленинграде. Ему, он считал, повезло, что он начинал свою службу именно в этом городе.

Устиненко Л.И. был призван в ряды Красной Армии Полоцким военкоматом весной 1939 года, зачислен в инженерные войска и направлен в училище по подготовке младших командиров. В ноябре 1939 года ему было присвоено звание старший сержант. В училище велась усиленная физическая подготовка и обучение саперному делу, но никто из них еще не знал о том, что началась Финская война.

В декабре 1939 года всем выдали зимнюю одежду и отправили на войну с Финляндией. На войне отец находился до 13 марта 1940 года в составе 124-го отделения инженерного батальона в должности сапера. Хотя война длилась недолго, испытания были очень суровыми.

После окончания Финской войны учащиеся возвращаются и продолжают учебу.

В 1940 году по мирному договору с Финляндией на 30 лет были арендованы полуостров Ханко и 400 островов разной величины вокруг него для создания военно-морской базы. Для прохождения дальнейшей службы летом 1940 года мой отец был направлен в гарнизон полуострова.

Финское командование, передавая полуостров Ханко и острова, сняло с них батареи береговой артиллерии и установило их на островах севернее нашей базы, и они могли ее свободно простреливать.

За два дня до начала войны, 20 июня 1941 года, на Ханко из Ленинграда прибыл корабль «Иосиф Сталин», который должен был уйти обратно в тот же день. Но он задержался, и на нем 22 июня 1941 года были вывезены женщины и дети гарнизона.

В самом начале войны еще не было ясно, вступит ли Финляндия в войну против СССР. Но, когда вечером 22 июня финны пропустили пассажирский поезд из Ленинграда на полуостров и затем разобрали на своей территории рельсы, отцу и его сослуживцам стало все ясно. Именно с Финской территории взлетали немецкие самолеты и бомбили гарнизон Ханко.

С началом войны Леонид Иванович был зачислен в состав 176-го отделения инженерного батальона минерам-подводником. В задачу отделения входило минирование проходов между островами, чтобы не подпустить немецкий флот к полуострову.

Гарнизон Ханко отважно сражался, но после того, как фашисты захватили Таллин и Моонзундские острова, он оказался во вражеском окружении. И тогда Ставка Верховного командования приняла решение эвакуировать военно-морскую базу Ханко в Кронштадт. Фашисты, чтобы воспрепятствовать этому, напичкали минами весь Финский залив. Одним из тех, кто обезвреживал мины, был и мой отец. По словам отца, из 25 тысяч гарнизона Ханко более 22 тысяч были доставлены ко 2 декабря 1941 года в Кронштадт. С этого времени и до снятия блокады мой отец принимал участие в обороне Ленинграда, выполняя задания как по минированию, так и по разминированию.

Широко известна истина: сапер ошибается один раз в жизни. Ему необходимы и знание инженерно-саперного дела, и умение обращаться с минами, взрывателями, взрывчаткой, нужна смекалка, чтобы разгадать хитрые уловки фашистов и самому устроить ловушку врагу, которую бы он не распознал.

Неторопливость и уверенность при выполнении работы стали неотъемлемой чертой характера отца. И мы, его родные, до сих пор считаем чу-

дом, что он остался в живых. Одним из самых трудных заданий, в которых принимал участие отец, было разминирование Петергофа.

Перед самой войной, в 1939 году, в Петергофе – загородной резиденции Петра I – были проведены большие реставрационные работы. Перед посетителями представляли во всем своем блеске и великолепии крупнейшие фонтанные сооружения мира – Большой каскад и Большой дворец. Радужно искрился водяной столб, вырывающийся из пасти льва, разрываемой святым Самсоном. Бронзовые скульптуры были заново позолочены.

Одним из посетителей парка был и мой отец.

Ему запомнились фонтаны-шутки. Например, шутиха «Зонтик» включался, когда под ним собиралось много людей, из нарядного навеса лились струи воды, вызывая ликование и смех: ведь он мог отключиться, только став легче, и нужно было выпрыгивать под «дождь» из-под зонта... Или фонтан-шутка «Дубок» – шестиметровое дерево с листвой, выполненное из металла. Рядом, как бы приглашая присесть и посмотреть на необыкновенное деревце, размещены скамейки, но стоит только остановиться, как из-за скамеек, из листочков дубка били струи.

Радость, смех, восхищение царили здесь до войны, царят и сейчас...

Жуткая, страшная картина разрушения предстала перед освободителями Петергофа от фашистских захватчиков 19 января 1944 года. Здесь было вывезено, разрушено, сожжено все, до чего дотянулись руки захватчиков, в том числе «Самсон, раздирающий пасть льва».

Из вековых деревьев были сделаны противотанковые завалы. Вся территория парка была превращена в укрепленный район и покрыта траншеями, дотами, дзотами, воронками. Все дворцы, включая и Большой, были взорваны. Только Дворец-коттедж (построен при Николае I) неплохо сохранился, т. к. там находился немецкий госпиталь.

670 мин разминировал мой отец в Петергофе...

Это благодаря саперам стала возможна расчистка парка, и в 1945 году летом он был открыт для прогулок, в 1946 году заработали фонтаны в центре парка, а 14 сентября 1947 года была поставлена на свое место золоченая бронзовая группа «Самсон, раздирающий пасть льва».

На Ханко после войны. 1946 г.

Орденами Отечественной войны и Красной Звезды, медалями «За отвагу», «За оборону Ленинграда», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941 – 45 гг.» награжден мой отец Устиненко Леонид Иванович.

Он не сразу вернулся домой с войны. В июле 1945 года был зачислен на сверхсрочную службу на три года. Снова был на Ханко.

В 1948 году вернулся на Родину. Заочно учился. Был председателем колхоза «Новая жизнь», председателем рабочего комитета совхоза «Белое». Уйдя на пенсию, оставался простым рабочим совхоза.

Последним местом его работы стал спортивный лагерь НПИ на озере Черное, где он отработал более 12 лет сторожем.

*Записала дочь Раиса Леонидовна Устиненко,
учительница младших классов Азинской
средней школы*

ЧУРАКОВ СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ

Род. 2.12.1922

ЖАРКОЕ ЛЕТО 1942 ГОДА

Кажется, вся наша жизнь состоит из случайностей. Еще не была известна Советскому командованию директива ставки Гитлера за № 41 от 5 апреля 1942 года с требованием о том, чтобы «...в первую очередь все имеющиеся в распоряжении силы...сосредоточить для проведения главной операции на южном участке с целью уничтожить противника западнее Дона», как моя судьба в виде приказа по Ленинградскому военно-топографическому училищу за № 119 от 20 апреля 1942 года распорядилась: «Курсантов, окончивших училище и откомандированных к месту назначения... В распоряжение начальника артиллерии Юго-Западного фронта:... 3. Чураков С.М.»

Так я и еще пять «свежеиспеченных» младших лейтенантов, дополнительно прошедших на высших курсах «Выстрел» подготовку к работе в артиллерии, оказались в почти фронтовом городе Лиски Воронежской области.

Но для того, чтобы мое повествование было в дальнейшем более понятным, вернемся назад в училище и рассмотрим вкратце состав и структуру каждого курса. В училище их было два, и каждый из них включал по три отряда. За выполнением распорядка дня в отсутствие командира отряда и командиров взводов следил старшина. Нашим старшиной отряда был старшина-сверхсрочник (по четыре треугольника в каждой петлице). С первого курса и до окончания училища он был бессменным в отличие от часто сменяющихся старшин других отрядов.

Надо сказать, что еще когда мы находились на карантине (до принятия присяги), уже тогда старшина Аникеев «окружил» меня особым вниманием. К моменту поступления в училище я имел уже первый разряд по

боксу и играл в хоккей с мячом в юношеской команде завода «Красногвардеец», а после поступления в училище играл в команде училища и продолжал тренировки по боксу в спортобществе «Спартак». Кроме того, я участвовал в оформлении стенной газеты отряда, выпускал взводный «Боевой листок». Все это позволяло мне, по распоряжению заместителя начальника училища, страстного любителя хоккея, в субботные и воскресные дни получать увольнение до 22 часов. Способствовал получению личного знака и наш командир взвода – старший лейтенант Порфирий Семенов – редкостной души человек, настоящий воспитатель. Бессилие изменить сложившееся положение ущемляло самолюбие старшины, и он особо тщательно проверял чистоту и правильность подшива подворотничка, качество бритья, чистоту сапог, сборочку складок на гимнастерке и т. д. и т. п. Для этого специально использовалась 500-свечевая лампа на длинном шнуре, которой он и обшаривал все уголки моего обмундирования. Иногда, когда командир отряда уходил уже домой, старшина, как ему казалось для поднятия своего престижа, изрекал такую фразу: «Зайдите ко мне в кабинет!», имея в виду кабинет командира отряда.

Но...вернемся в город Лиски, и я не открою секрета, если скажу, что в нашей группе был ни кто иной, как...старшина (теперь уже младший лейтенант!) Яшка Аникеев. Маленький, рыжий, сморщенный как сморчок, горластый ростовчанин Яшка шел своей припрыгивающей походкой в хромовых сапогах, голенища которых были собраны в невероятную «гармошку», по городу Лиски и лузгал семечки. Лузгал с особым шиком, забрасывая лихо их в открытый рот чуть ли не от бедра. Я бы сказал «помакедонски», как это умеют делать только лихие первые парни на деревне. Длинная «сосулька» из шелухи висела у него на нижней губе. Неожиданно к нам подошел рядовой и предложил подойти к патрулю. Оглянувшись, увидели на перекрестке улиц и сам патруль во главе с капитаном, в петлицах которого помимо «шпал» сверкали эмблемы кавалериста. Подошли к патрулю, представились и выяснили, что...«нарушили воинский порядок» – один из нас сорил на улице. В наказание получили два часа строевой подготовки на плацу и прохождение строевым шагом перед комендантом города...Ну и костерили мы потом Яшку!

Из штаба артиллерии фронта все мы были направлены в запасной офицерский полк. Здесь мы впервые встретились с офицерами, вырвавшимися из окружений, а их, порой, было у них не по одному. Если сказать, что их рассказы произвели на нас, молодых офицеров огромное впечатление, то значит ничего не сказать. Они не испугали, но потрясли лично ме-

ня. Я, молодой лейтенант, впервые усомнился в способности военного руководства фронта предвидеть развитие военных действий. И эта «крамола» подтвердилась в мае месяце и позднее...

Нас отправляют в 25-й военно-топографический отряд. Как позднее выяснилось, большая часть личного состава отряда во главе с его командиром попала в окружение в районе Барвенковского выступа. Так плачевно закончилось наступление Юго-Западного фронта на Харьков в середине мая 1942 года. По воспоминаниям военачальников и газетным сообщениям тех лет «...три армии Южного и Юго-Западного фронтов понесли тяжелые потери... Из окружения сумела выйти лишь меньшая часть нашей ударной группировки».

По прибытию в штаб 25 ВТО, расквартированного в г. Россошь, на следующий день я был направлен в третье отделение, расположенное, по словам начальника штаба отряда, где-то на строительстве укрепрайона под Купянском (150 км западнее Россоши!). Получив сухой паек, документ, удостоверяющий мою личность, в котором была приписка об оказании мне помощи в выполнении задания и совсем смутное, и совершенно неясное сообщение о дислокации отделения, я бодро двинулся в путь, терзаемый мыслью: «Как и каким образом, и способен ли я найти топографическое отделение «размером» в 10 – 12 человек в районе Купянска?»

Чем ближе к фронту, тем острее чувство тревоги. Она в неестественной тишине, она во взглядах и почти безмолвных действиях людей, она буквально висит в раскаленном, дрожащем воздухе. Чувство чего-то неотвратимого и тревожного пронизывало меня. Такое состояние не покидало меня вплоть до момента, когда я действительно нашел это почти мифическое отделение, но совсем не на укрепрайоне.

Ранним утром командир саперного подразделения, минирующего мост через реку Оскол, обозначил возможный путь отхода и наша малочисленная группа, под минометный обстрел противника, двинулась в сторону г. Валуйки. Преодолев за сутки около 80 км, остановились южнее Валук и здесь узнали, что танки и пехота противника прорвались между Россошью и Ольховаткой, форсировали реку Черная Калитва и продолжают продвижение на юг.

Трудно воевать на широких степных просторах, когда танков, артиллерии, да что там артиллерии, даже винтовки нет. И если бы в моменты, кажущиеся полной безысходностью, тебе захотелось лишиться себя жизни, то и здесь загвоздка – нечем. А танки противника маневрируют на ровной открытой местности. Его самолеты безнаказанно летают, проникая в наши

тылы, пикируют и бомбят, сбрасывая вместе с бомбами пустые рассверленные металлические бочки, издающие при падении препротивный, громкий визг. А над головой назойливо кружит фашистский воздушный разведчик. Все на виду у этой проклятой «рамы». Жарко в небе не только от пикирующих бомбардировщиков противника, но и от беспощадно палящего солнца, и кажется, что плавится металл. В горле пересохло, и язык распух. Воспаленными, растрескавшимися и кровоточащими губами сосем через бинты, платки и тряпки жижу, которая только и осталась в когда-то бывших водоемах и колодцах. От Валук дугой – через Троицкое, Белолуцк, Беловодск, Чертково, Миллерово – до Тарасовки. В степи, на сколько хватает глаз, над дорогами висят облака пыли, поднятой колоннами людей, машин, тракторов. Пыльные завесы настолько плотны, что только вблизи можно определить, чья это колонна – советской или немецкой пехоты. Но то, что мы преодолевали за сутки, мобильные части противника делали за день. Подвижные соединения, всегда опережая нас, пересекали наши пути отхода к Дону. Это были трудные дни.

Еще под Чертково, в результате очередного авиационного налета и атаки танков противника, я потерял из виду конную повозку нашего отделения. Да и, поверьте, трудно было в сложившейся обстановке, когда ты знаком с сослуживцами чуть более двух суток, когда бомбы при разрывах поднимают тучи пыли, а их звук перекрывается резкими, отрывистыми выстрелами пушек танков противника, уследить за таким ориентиром, как конная повозка отделения. За Чертково до станции Тарасовка, предъявив имеющиеся документы, двигался с одной из кавалерийских частей 38-й армии генерала Москаленко. И на всем протяжении пути от наших отступающих частей выделялось 200 – 6 бойцов для ликвидации прорвавшихся танков и мотопехоты противника. Именно в такой последовательности: сначала 200 бойцов с артиллерией (19 стволов), а позднее – 6 (в последний раз – 4) бойцов с двумя противотанковыми гранатами у каждого. Под Тарасовкой мы узнали, что наши войска оставили Ростов...

Прорыв осуществлялся ночью. Я не могу с уверенностью сказать, какое количество пехотных, кавалерийских и других частей скопилось юго-восточней Тарасовки, но на участке части, с которой мне предстояло прорываться, помимо пехоты и кавалерии, был один танк БТ-7 и реактивная установка. Залп реактивной установки служил сигналом к прорыву. Темная, южная, короткая ночь осветилась разрывами снарядов, ракетами и трассирующими пулями. Я бежал с мыслью: «Только бы не упасть! Только бы не отстать!» Казалось, что этому бегу не будет конца. Кровь стучала в

*Встреча с однополчанами в Черняховске
Калининградской обл., 1985 г.*

висках, в горле что-то хрипело, легкие разрывало, а ноги бежали и бежали. Уже далеко позади всполохи затухающей стрельбы, и уже светает. Вот впереди, совсем близко виден спасительный лес. Буквально вламываюсь в чащу и кубарем лечу под откос старого заросшего оврага. Однако, как оказалось, впереди была наша земля, но на ней был враг. Пятисуточный бег, протяженностью около 400 км был выигран

противником...

Во второй половине июля, в блокадном Ленинграде мои родители получили извещение о том, что я пропал без вести. Произошло то, чего я больше всего боялся, однако это уже совсем другая история. Но даже в этой обстановке, несмотря на то, что очевидность невозможности дать решительный отпор противнику за счет собственных сил фронта стала реальностью, что над советскими войсками нависла огромная опасность, наконец, что вся моя жизнь повисла на волоске, у меня за все время войны не возникало мысли о том, что мы проиграем войну. И еще я полностью и упорно верил, что доживу до Победы. Да и было мне всего 19.

ШАРАЙ ФРАНЦ КАЗИМИРОВИЧ

02.08.1926 – 07.05.2004

В начале марта 2004 г. я позвонила Францу Казимировичу Шараю, чтобы договориться о предстоящей встрече. Я не была знакома с ним лично, лишь знала, что Франц Казимирович ветеран Великой Отечественной войны и что некоторое время работал в нашем университете (тогда еще НПИ) садовником. Но уже с первых минут телефонного разговора с еще незнакомым мне человеком я встретила доброжелательность, готовность к общению, огромную расположенность к людям. Условиться о времени и дне нашей встречи не составило никаких затруднений. В воскресенье, 14 марта, я пришла в уютную солнечную квартиру, на полках – книги о Великой Отечественной войне, старые фотографии... Франц Казимирович заранее подготовился к предстоящей беседе: достал награды и документы к ним, альбом с фронтовыми снимками и более поздними фотографиями, книги о строительстве и запуске нефтепровода «Дружба» и газетные статьи с опубликованными воспоминаниями. Франц Казимирович предстал образованным, энергичным человеком, интересным собеседником.

И вот, спустя 2 месяца после нашей встречи, Франца Казимировича не стало.

Еще тогда, во время нашего разговора, я в очередной раз почувствовала глубокое уважение к людям военного поколения. Сколько у них было сил, энтузиазма, стремления жить! Казалось бы, война, тяжелые испытания, разлука с близкими, смерть товарищей, немецкий плен и лагеря должны были убить все чувства, кроме страха и безнадежности. Но эти люди находили в себе силы заканчивать после войны школы, поступать в институты, ехать на молодежные стройки, возводить новые города и заводы... Нельзя говорить, что эти люди умерли, их просто нет среди нас, но их военные и трудовые подвиги остались на страницах истории. Вот и Франца Казимировича уже нет с нами, но память о нем живет: в воспоминаниях о Великой Отечественной войне, в истории нашего города и университета. Поэтому рассказ Франца Казимировича о его жизни я старалась записывать дословно, не пропуская никаких подробностей.

*Записала студентка группы 03-ИС
Ольга Римко, 14.03.2004 г.*

ВОСПОМИНАНИЯ Ф.К. ШАРАЯ

Я, Франц Казимирович Шарай, родился в деревне Погост Оршанского р-на, в 12 километрах от города Орши. Место, где находится деревня, очень красивое. Я думаю, что деревня была названа Погостом из-за расположившихся рядом многочисленных насыпных курганов – своеобразного кладбища. В 1934 я года пошел в первый класс неполной средней семилетней школы в своей деревне, 6 классов которой окончил в 1941 году. Родители мои были крестьянами. Отец заведовал колхозными фермами. В 1937 году, известном своими репрессиями, отца арестовали по ложному, как потом выяснилось, доносу. Семья – жена, сын и три дочери – так и не увидела больше мужа и отца. В позднейшие годы Казимир Шарай был полностью реабилитирован.

В 11 лет мне, как единственному мужчине, пришлось взвалить заботу о семье на свои детские плечи. Началась война. Нашу деревню вскоре заняли немцы. Пришли совершенно чужие люди, которые разговаривали на незнакомом языке. Даже их запах был чужим и угрожающим. Немцы разрушили здание школы, в которой была хорошая химическая лаборатория и довольно богатая библиотека. Я очень любил читать, да и как можно было бесхозно оставить уцелевшие во время погрома книги. Домой тогда я принес сочинения Ж. Верна, «Войну и мир», «Тихий Дон» в четырех томах и многие другие книги.

Во время оккупации колхозные земли распределили между трудоспособным населением. Нашей семье досталась не самая лучшая земля, разбитая телега и жеребенок вместо рабочего коня. Так прошло три военных года в хозяйственных заботах. Так как вокруг деревни стояли немецкие гарнизоны, то перестрелки доносились лишь издалека.

В 1944 г. началась знаменитая операция по освобождению Белоруссии «Багратион». 27 июня 1944 года освободили Оршу. Немцы не хотели сдавать своих позиций до последней минуты. Отступая, они собирались поджечь деревенские дома, но им помешала колонна советских танков, появившаяся со стороны реки. На запад уже летели наши самолеты...

Через неделю после освобождения пришла повестка из Оршанского райвоенкомата. Мама собрала узелок: сало, хлеб, несколько плиток трюфельного немецкого шоколада. Колонна с новобранцами и сопровождением

тронулась пешком на запад. В 30 километрах от Минска на нашу колонну напали вырвавшиеся из окружения немцы. Оружие было только у сопровождающих, но мы отбились довольно успешно. Прошли южнее Минска на станцию Молодечно, там сели в эшелоны и направились на фронт. Всю ночь немцы бомбили эшелоны.

Наше пятимесячное обучение проходило в трех километрах от Вильнюса. Юношей 1926 года рождения направили в запасной 208-й полк. Учеба была изнурительной, под лозунгом «тяжело в учении – легко в бою». «Учителями» были сержанты, направленные сюда из госпиталей. Учили развертываться в цепь, окапываться лежа, с колена, стоя, возводить брустверы и т.д. Взвод, 50 человек, спал в одном бараке на голых досках трехэтажных нар. В конце октября 1944 года 12000 человек отправили на фронт. Я попал на 3-й Белорусский фронт, в 5-ю армию под командованием генерал-полковника Крылова, в 449-й стрелковый полк 144-й дивизии. Меня и моих товарищей направили на передовую, в боевое охранение. Командир роты пригласил нас к себе, угостил чаем, поговорил с нами. Мы были очень удивлены почти панибратским отношением капитана к «зеленым» рядовым, но потом поняли, что бывалые бойцы жалеют нас – молодых ребят, и радуются хотя бы такому незначительному пополнению. Я был назначен вторым пулеметчиком. Наша рота находилась в непосредственной близости к передовой. Обе стороны вступали в частые перестрелки, мы «сторожили» противника, чтобы тот не проник своими разведгруппами к нашим боевым позициям. После смены на дежурстве отходили несколько километров в тыл для прохождения боевых учений. На одном из учений присутствовал командир дивизии. Я тогда был не самого крепкого телосложения, а будучи пулеметчиком, должен был носить тяжелые коробки с дисками, патроны, боевое снаряжение. Несколько раз я упал на учении, и командир дивизии приказал перевести меня автоматчиком.

13 января 1945 года началось наступление. Накануне, 12 января, молодых бойцов вызвали в полк и торжественно приняли в комсомол. Обычное питание – сухари, концентраты – заменили на лапшу с мясом. Перед боем дали по 100 фронтowych граммов. Я тогда водку не выпил, а вместо лапши съел кусочек сала и сахара-рафинада. Решил, что если останусь жив, тогда наемся.

И вот решающий бой. Наши самолеты не смогли подняться из-за тумана, поэтому началась активная артподготовка: советская артиллерия обстреливала немецкие позиции. За артиллерией шла пехота. Стоял страш-

ный гул, из-за которого даже не было слышно разрывающихся рядом бомб. Земля, каждый ее клочок, была взрыта. Саперы делали проходы на минных полях, протягивая вместо дорожек старые медицинские бинты. Но почти никто не придерживался этих «дорожек», полагая, что почти все мины взорвались от снарядов, падающих с воздуха. Бежавший рядом товарищ по роте Шевченко подорвался на mine.

Возле небольшой роши наткнулись на немецкие орудия, возле которых не было солдат – все они спрятались в блиндаже. Наши стали бросать в дымоходы гранаты, и когда немцы стали убегать, их расстреливали на месте. Все это происходило вблизи г. Штолупенена в Восточной Пруссии.

Во время нашего наступления немцы тоже не бездействовали, они начали контратаки. При перебежке из одной воронки в другую я был ранен: пуля прошла навывлет через легкое. Как только я снял телогрейку – отнялись руки; кровь била фонтаном, но сознания я не терял. Друг перебинтовал и помог добраться к своим. После потери сознания очнулся на матраце, позже раздобыли где-то собак, сделали упряжку и повезли меня в санбат.

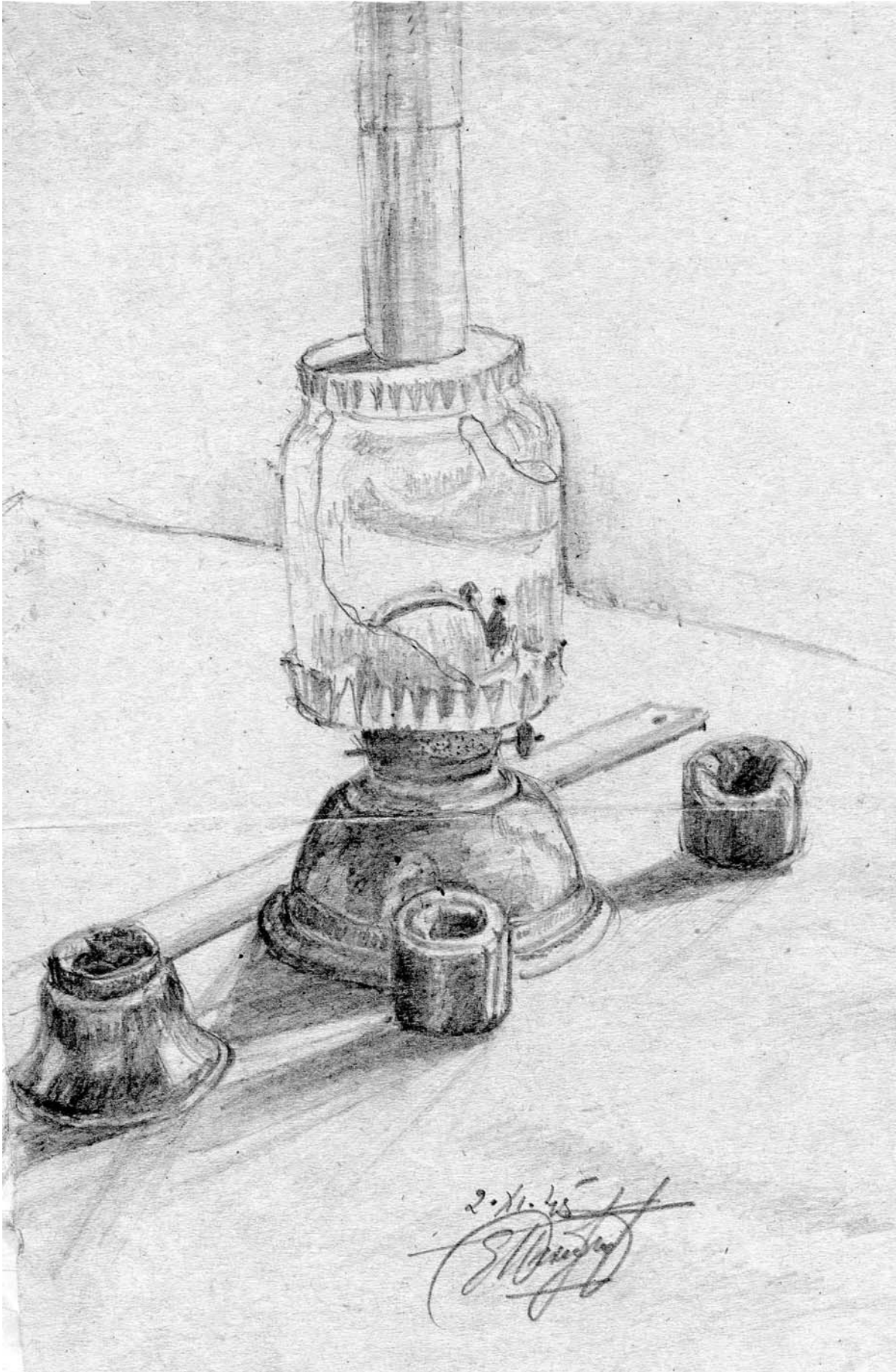
По вспаханной взрывами земле ехать было трудно, трясло, разболелась рана, и я снова потерял сознание. В санбате осмотрели, перевязали и разместили в подвальном помещении разрушенного немецкого здания. В санбате было еще более жутко, чем в бою, от душераздирающих человеческих криков: кому-то делали операцию, у кого-то болела рана, кто-то умирал...

После пребывания в санбате меня повезли в госпиталь в Каунас. Рана зажила быстро. После госпиталя я недолго нес патрульную службу на улицах Каунаса, где было беспокойно, т.к. в городе устраивали беспорядки националисты. В конце 1945 г. снова распределили на фронт в 203-й полк. Однако наш батальон оставили в г. Алленштейне в Восточной Пруссии выполнять функции гарнизона. Всем батальоном просились идти на Берлин, но нам сказали, что там и без нас есть кому воевать. Там, в Алленштейне, я и встретил Победу. Несмотря на предложение служить в Польше, мы с товарищами решили вернуться на Родину. Осенью 1945 года приехали в Бобруйск. Сразу же, как только встал вопрос о выборе рода войск для дальнейшей службы, мы предпочли воздушные войска. В 1-й воздушной армии стали учиться на стрелков-радистов. Но война была окончена, и в них уже не очень нуждались. Я попал в спецроту по обслуживанию боевого склада, затем был направлен в Брест, в управление начальника строительства, участвовал в восстановлении Брестской электростанции, брестских театров. Работа была тяжелой, рана, полученная на

войне, давала о себе знать, поэтому по состоянию здоровья я был направлен в Крым на строительство спецстанции. Затем попал в штаб по нормированию.

Летом 1947 года отобрали людей для строительства спецобъекта в Казахстане. В числе других военных, отправленных на строительство, был и я. Только многими годами позже я узнал, что этим объектом был Байконур. Демобилизовался в 1953 году, прослужив сверхсрочно три года. За годы послевоенной службы побывал на стройках в Туркмении, Узбекистане и других республиках СССР. После демобилизации вернулся в Оршу, устроился на завод «Красный борец» инженером-технологом цеха. Одновременно пошел в 7-й класс вечерней школы, которую окончил в 1957 году. В этом же году поступил в Белорусский политехнический институт. После окончания работал главным инженером колонны в Гомеле. В 1967 приехал в Новополоцк, участвовал в запуске нефтепровода «Дружба». Недаром в книгах: «Магистралями «Дружбы» (Мн.: «Беларусь», 2002) и «Дорогами «Дружбы» (Л. Шапа. Изд-во «Каменяр», Львов, 1973) упоминается, причем неоднократно, имя Франца Казимировича. Затем работал главным инженером на станции техобслуживания. С 1986 года вышел на пенсию, но продолжал трудиться. В этом же 1986 г. устроился на работу в Новополоцкий политехнический институт садовником АХЧ. Елочки и деревья, растущие сейчас у здания старого корпуса университета, посажены моими руками. В 1991 г. уволился из университета. Сейчас на пенсии. Состою в обществе ветеранов и инвалидов. В военный период и после окончания войны был рядовым, сейчас – капитан запаса. Имею боевые награды: орден Красной Звезды за участие в наступлении 13.01.1945 г., медали.

Сведения о начале наступления 1945 г., в котором я участвовал, можно прочесть в многотомном издании «История 2-й мировой войны. 1939 – 1945» (М., 1979, Воен. изд-во мин. обороны СССР, т. 10, с. 99).

ОПАЛЕННАЯ ПАМЯТЬ

АЛЕКСЕЕНКО
ВЛАДИМИР АЛЕКСАНДРОВИЧ
26.10.1933 – 28.03.2005

Владимир Александрович – мастер спорта СССР по фехтованию, призер спартакиады народов СССР по фехтованию 1964 года, судья всесоюзной категории по фехтованию.

Подготовил пятерых мастеров спорта СССР и чемпиона мира по фехтованию Парахина Александра, завоевавшего бронзовую медаль в 1967 году в городе Тегеране, за что Алексеенко Владимир Александрович был удостоен награды – медали «За высокое спортивное мастерство».

Имеет более 70 научных работ, им написано 5 учебно-методических пособий.

Опираясь на собственный жизненный опыт, Владимир Александрович оказывал всяческую помощь и поддержку молодежи – преподавателям и студентам как в решении вопросов повседневной жизни, так и научно-исследовательской работе.

В общении с коллегами был чутким, внимательным, веселым; обладал необычайным жизнелюбием и чувством юмора.

Он был всегда активным организатором спортивно-массовой работы среди студентов. Болезненно воспринимал неудачи в организации соревнований и спартакиад, вносил предложения, касающиеся их улучшения и совершенствования.

Очень любил Полоцкую землю. Много раз ему предлагали переехать на работу в город Минск, но он отказывался.

*Зав. кафедрой
физ. воспитания и спорта
Николай Иванович Антипин*

«РАХМАТ, ТАШКЕНТ!», «СПАСИБО, ТАШКЕНТ!»

*Но, верно, вспомню на лету,
Как запылал Ташкент в цвету,
Весь белым пламенем объят,
Горяч, пахуч, замысловат,
Невероятен...*

Анна Ахматова

Я, Алексеенко Владимир Александрович, родился в узбекском городе Коканде. Коканд – древний (упоминается с X в.) город, он располагался на караванном пути из Индии в Китай, в XVIII – XIX вв. и был центром Кокандского ханства, поэтому в нем до наших дней сохранилось много красивых архитектурных памятников.

Мои родители – русские. Отец, Александр Петрович, был кадровым офицером Советской Армии. Мать, Анастасия Романовна, прожила 87 лет (умерла в 1998 г.). Она рано овдовела, и жизнь посвятила нам, своим детям. Она была мудрой, умной женщиной, главным советчиком в нашей семье.

С началом Великой Отечественной войны изменился весь уклад жизни. Хотя фронт находился далеко от Узбекистана, его дыхание ощущалось и здесь. Сюда из прифронтовых районов эвакуировались промышленные предприятия, десятки высших учебных заведений – и военных, и гражданских. Сюда была эвакуирована Академия Наук СССР.

Во время войны в Узбекистане было размещено более 100 военных госпиталей, в которые направлялись бойцы, получившие тяжелые ранения и требовавшие длительного ухода и лечения.

Всего за годы войны Узбекистан принял более 1 миллиона эвакуированных, в том числе 200 тысяч детей.

С начала войны отец почти не бывал дома. Он был зачислен в спецотряд войск НКВД для проведения диверсионной работы на оккупированной территории. Вся группа, в которой он находился, погибла под Харьковом. Похоронку мы получили в марте 1943 года.

В том же, 1943 году, Постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 21 августа начали создаваться суворовские училища. В 1943 году в училище принимали только десятилетних мальчишек, чьи отцы погибли или находились на фронтах. Было открыто 11 суворовских училищ, два из которых – Ленинградское и Ташкентское, – формировались преимущественно из детей пограничников.

Режим, порядок, дисциплина – все было подчинено тому, чтобы из нас вырастить, подготовить будущих офицеров. «Суровая жизнь, коль молодость в шинели, коль юность перетянута ремнем...» – одно из популярных выражений тех дней. Да и сама военная обстановка готовила нас к этому, и мы сами во многом не щадили себя, стремясь стать настоящими офицерами.

Юный суворовец

Училище располагалось в Ташкенте на улице Шевченко, а недалеко от него в школе № 94 находился военный госпиталь. Наше училище шефствовало над госпиталем. Мы готовили концерты художественной самодеятельности. Так как я быстро запоминал стихи и умел, как считали, хорошо декламировать, мне поручалось чтение. Но не только с концертами мы приходили туда. Впервые в жизни я так явно ощутил, что такое война, когда увидел изувеченных бойцов: безрукие, безногие, обгоревшие – они являли страшную картину и нуждались в нашей помощи. Мы давали им попить, помогали повернуться, подавали что попросят.

Почему-то в детскую память врезалось то, что я не боялся крови и нередко помогал делать перевязки. А еще запомнилось, может к стыду, что не только сострадание и патриотизм руководили нами. Лозунг «Все для фронта! Все для победы!» сказывался в том, что наше содержание в училище, включая необходимое, было все же скудным. В госпитале после концертов нас всех хорошо кормили, а оказывая ту или иную помощь раненым, мы получали различные угощения – апельсины, мандарины, печенье...

Военный Ташкент запомнился и еще одним знаменательным для меня событием.

В центре Ташкента располагается большой парк Кафанова («Кафанчик», как его называют жители города). В нем есть мемориал деятелей узбекской культуры.

Однажды во время похорон узбекского поэта (к сожалению, не запомнил имени), когда в парке собралось большое количество народа, вдруг прошел шепот: «Ахматова! Ахматова...» Это было так неожиданно, что мальчишеское любопытство погнало посмотреть, кто такая эта Ахматова, появление которой вызвало всеобщий интерес.

*В этом парке выступала
Анна Ахматова*

Я увидел высокую, седую женщину, – нос с горбинкой, – стоящую с опущенными глазами, одетую в черное, с гордой осанкой. Что-то необыкновенное и величественное чувствовалось во всем ее облике. Уже позже я узнал, что Анна Андреевна Ахматова находилась в эвакуации в Ташкенте с 9 ноября 1941 по 13 мая 1944 года.

Как многие в Ташкенте, и она не избежала тифа. Слово тиф в переводе с греческого означает дым, туман, помрачение сознания. А еще эту болезнь называли военным тифом, голодным тифом. Во время болезни человека лихорадит, он бредит, у него расстраивается сознание. Вот ее стихотворение, написанное в 1942 году в тифозном бреду, в клинике Ташкентского медицинского института.

В тифу

Где-то ночка молодая,
Звездная, морозная...
Ой, худая, ой, худая
Голова тифозная.
Про себя воображает,
На подушке мечется,
Знать не знает, знать не знает,
Что во всем ответчица,
Что за речкой, что за садом
Кляча с гробом тащится.
Меня под землю не надо,
Я одна – рассказчица.

У Ахматовой есть цикл стихов «Ташкентские страницы», где она описывает полюбившийся ей город, Я перечитываю, эти строки и вспоминаю Ташкент той поры.

Вслед за Ахматовой и я говорю: «Рахмат, Ташкент!», «Спасибо, Ташкент!»

После суворовского окончил Калининградское военное пограничное училище и снова вернулся в Ташкент. Год был командиром взвода опера-

тивного отряда УМВД Узбекской ССР. Однако попал под хрущевское миллионное сокращение армии, и жизнь нужно было начинать заново.

В 1956 году поступил в Узбекский государственный институт физической культуры, который окончил с отличием в 1960 году.

Я благодарен Ташкенту не только за то, что в этом городе прошли мои детство и юность, но и за то, что именно здесь я встретил единственную настоящую любовь и спутницу, надежного друга – Эмму Георгиевну.

Работал инспектором УСО Узбекского ДСО «Динамо», старшим тренером по фехтованию Республиканской школы высшего спортивного мастерства.

В 1966 году прошел по конкурсу на должность старшего преподавателя Узбекского ГИФК, где проработал до сентября 1974 года. В 1970 году окончил одногодичную аспирантуру при ГЦОЛИФК в г. Москве и успешно защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата педагогических наук по специальности «Теория и методика физического воспитания и спортивной тренировки».

В июне 1974 года избран на должность доцента кафедры физического воспитания НПИ. И вот уже более 30 лет работаю в Беларуси, которую полюбил всей душой. В нашем вузе, которым горжусь, открыта специальность по физвоспитанию.

Дабы развеять расхожее мнение «как одену португепю, так тупею и тупею...», я много работал над собой, над расширением своего кругозора, как в суворовском, так и в пограничном училищах. В них будущих офицеров обучали не только военному делу, но и бальным танцам, красивым манерам... Здесь я полюбил поэзию. Знал многие страницы «Гамлета» наизусть. Вообще Шекспира отношу к одному из величайших поэтов на земле, а его мудрость и предвидение считаю непревзойденными. Начиная спортивную карьеру, как пятиборец, я остановился на фехтовании как на самом рыцарском и романтическом виде спорта.

Люблю путешествия. Живя в Узбекистане, посетил все его древнейшие города. Переехав в Новополоцк, пользовался любой возможностью, чтобы познакомиться с достопримечательностями как Беларуси, так и Украины, и России.

*Записала Тамара Александровна Грудницкая,
март 2005 года*

**БАХАНЬКОВА
ВАЛЕНТИНА СТЕПАНОВНА**

Род. 10.03.1941

Старший преподаватель кафедры иностранных языков Баханькова Валентина Степановна не воевала с оружием в руках во время Отечественной войны. Но война оставила незабываемый след в ее памяти. Она – малолетний узник фашистского концлагеря. Ей повезло. Она выжила. Затем – послевоенная средняя школа, 5 лет учебы в Минском институте иностранных языков, работа в белорусских школах учителем английского языка, работа переводчиком на заводе «Полимир». С 1974 года – старший преподаватель английского языка кафедры иностранных языков ПГУ.

Валентина Степановна – человек очень ответственный. Она добросовестно выполняет любые задания, какие бы ей ни поручили. Ветеран труда, она успешно справляется со своей работой, является автором более десяти методических пособий для студентов геодезического, строительного, технологического факультетов. Пользуется заслуженным уважением в коллективе.

Семейное счастье не обошло ее. Она – мать двоих взрослых дочери и сына, а сейчас занимается воспитанием внучки, которая узнает от своей бабушки о тех тяжелых годах Великой Отечественной войны.

*Ст. преподаватель кафедры иностранных языков
Людмила Булойчик*

НЕВОЛЯ В ТРОЙСДОРФЕ

Я родилась в городе Полоцке Витебской области в семье железнодорожника. Отец работал на железной дороге путевым рабочим.

В годы Великой Отечественной войны многие семьи были вывезены в Германию на принудительные работы. Наша семья не была исключени-

ем. Это произошло 30 июня 1944 года. Мне тогда было три года, но я хорошо помню, как вражеские самолеты бомбили наш поезд, как во время остановок люди спрыгивали с платформ, чтобы избежать фашистской неволи, по ним немцы стреляли из пулеметов, и гибло много взрослых и детей. Это никогда не забудется.

В фашистской неволе нас содержали в рабочем лагере в городе Тройсдорфе. Мы жили в рабочих бараках, спали на бетонном полу. Испытали все: голод, холод, бомбежки, притеснения. Мать работала уборщицей, а отец – чернорабочим на железной дороге.

Лагерь был окружен двойным забором из колючей проволоки. Немцы построили сторожевую вышку, которая служила им наблюдательным пунктом, чтобы в случае побега никто не смог уйти незамеченным. Люди постоянно находились под полицейским надзором.

До самого конца войны все мы томились в лагере, пока не были освобождены американскими войсками 12 апреля 1945 года. Этот день был незабываем: люди улыбались, ликовали, кричали, плакали от радости, что закончилась война, и от горя, что многие из их родных и близких погибли.

После регистрации и проверки мы вернулись на Родину 22 сентября 1945 года. Город был сильно разрушен.

Началась мирная жизнь. Полоцк стали восстанавливать.

После окончания войны училась в средней школе № 12 города Полоцка, которую закончила в 1957 году. В течение трех лет работала в Полоцком райпотребсоюзе счетоводом. В 1960 году поступила в Минский государственный педагогический институт иностранных языков, который закончила в 1965 году и распределилась в свой родной Полоцк в среднюю школу № 8 учителем английского языка.

С 1967 по 1974 гг. работала на Полоцком химкомбинате переводчиком. В это время создавалось производство полиэтилена и нитрона. Оборудование было закуплено в Англии, и фирма-поставщик контролировала строительство этого производства. Во время пуско-наладочных работ на строительной площадке мне приходилось быть связующим звеном между английскими и советскими специалистами. Это часть моей трудовой биографии.

С 1974 года работала в Новополоцком политехническом институте преподавателем, а с 1978 года – старшим преподавателем кафедры иностранных языков. Мой большой жизненный опыт, который вмещает знания финансовых терминов и практику технического перевода, связанную с

работой на химическом предприятии, позволяет проводить практические занятия со студентами финансово-экономического и химико-технологического факультетов, помогая им более точно переводить и вникать в смысл изучаемых текстов.

Мое увлечение – чтение историко-приключенческой и художественной литературы.

Я человек слова и дела. Это мое жизненное кредо. Могу сказать, что моя работа – это моя жизнь. Я счастлива, что работаю на кафедре иностранных языков вот уже 30 лет.

За многолетний и добросовестный труд решением исполкома Витебского областного Совета народных депутатов 18 июля 1985 году была награждена медалью «Ветеран труда», в 1995 году – медалью к 50-летию Победы в Великой Отечественной войне. Неоднократно награждалась почетными грамотами НПИ и ПГУ.

Приятно отметить, что в нашем вузе ветераны войны и труда не забыты. Каждый год накануне праздника Победы мы собираемся вместе на вечер, посвященный этой знаменательной дате. Такие вечера всегда проходят в теплой обстановке, приносят радостные ощущения, что нас помнят. Это очень хорошая традиция в нашем университете.

*Валентина Степановна Баханькова,
март 2005 года*

БУРАКОВ ИВАН ФЕДОСОВИЧ

Род. 18.05.1938

ДЕТСТВО, ОПАЛЕННОЕ ВОЙНОЙ

В день начала Великой Отечественной войны 22 июня 1941 года мне исполнилось чуть больше трех лет. На мой взгляд, дети в трехлетнем возрасте уже способны запоминать на всю жизнь многие события, факты, особенно те, которые потрясают обычный ритм жизни, привнося в него большие радости или страшные трагедии. Именно такой трагедией для миллионов людей на земле и стала война 1941 – 1945 гг. Через три дня после начала войны местный Стрешинский военкомат (ныне Жлобинский район Гомельской области) провел мобилизацию граждан призывного возраста. Из моей родной деревни Скепня было призвано в армию свыше 300 молодых мужчин и парней. В живых из них осталось чуть больше 20. В день мобилизации на фронт уходил и мой отец – Бураков Федос Александрович, тридцатилетний колхозник. Образ отца в моей памяти не сохранился, но всю жизнь я буду помнить слезу, крупную и чистую, как капля росы, которая прокатилась по его щеке и упала мне на руку. Огромный обоз из колхозных телег и лошадей увез в этот день будущих воинов в районный центр – городской поселок Стрешин, откуда шла их отправка на фронт. Дней через десять пришло единственное письмецо от отца, в котором он скупо описал первые дни войны. А еще через пару недель из соседней деревни пришла весть: бывший в плену красноармеец, житель этой деревни, просил прийти трех молодых женщин, в числе которых была и моя мать. Он отдал им медальоны, принадлежавшие их погибшим мужьям. Эту страшную, трагическую сцену со слезами и отчаянием матери я также запомнил на всю жизнь. Отец погиб в конце июля – начале августа 1941 года при обороне города Могилева.

Впоследствии, события этих дней ярко опишет в своем романе «Живые и мертвые» К. Симонов.

В течение первых десяти дней войны на мою семью обрушилась еще одна беда – от осветительной немецкой ракеты дотла сгорел наш дом, построенный руками отца накануне войны. Пришлось жить у родных, знакомых, а временами и в землянке. В конце августа в село пришли фашисты. Начались годы оккупационного режима. Жизнь была тяжелой, выживали как могли. Многие односельчане погибли от болезней, голода и пуль фашистов.

Жуткие, незабываемые картины войны.

... Жаркий июльский полдень. На руках у матери трехлетний малыш, щуря глаза, смотрит вверх, в знойное и чистое небо. А там, высоко, какие-то необычные, без взмахов крыльев, черные птицы страшно гудят и яростно дерутся друг с другом. И вдруг одна за другой вспыхивают ярким светом и стремительно несутся к земле. Со страшным грохотом они падают на землю в километре от села на ровный зеленый луг... На следующий день сельские старики, которых по возрасту не призвали в армию, хоронили на окраине кладбища останки советских летчиков, сбитых над деревней в неравной воздушной схватке. Таких боев в первые месяцы войны было очень много. После войны, где-то в конце 40-х годов, все эти известные местным жителям останки воинов были перезахоронены в одной братской могиле в центре села. Сегодня там стоит памятник павшим в войне 1941 – 1945 гг.

В конце августа 1941 года рвущиеся на восток фашистские войска были остановлены у моей деревни корпусом Советской Армии, которым командовал генерал-лейтенант Л.Р. Петровский, посмертно ставший Героем Советского Союза. В жесточайших боях под Скепней корпус Петровского понес огромные потери и отступил к Гомелю. Однако и немцы оставили на полях боев горы трупов. В окрестностях села и сейчас высится огромный холм, который так и называется: «немецкое кладбище».

В этих боях погиб и комкор Л.Р. Петровский. В начале 50-х годов его останки были перезахоронены в селе Рудня. На могиле генерал-лейтенанта, Героя Советского Союза Л.Р. Петровского установлен памятник.

Дней за десять до Дня Победы мое село опять потрясла трагедия. В районном пункте военного обучения (где учились минному делу семнадцати- и восемнадцатилетние будущие призывники), в руках инструктора

разорвалась мощная мина. На месте погибло более 20 молодых парней, в том числе шесть ребят из моей деревни.

В 1943 году Советская Армия освободила село. Однако трагедии, сопровождавшиеся гибелью людей, на этом не прекратились. Вокруг села за годы военного лихолетья накопились горы немецких и советских оружия и боеприпасов. Они особенно влекли детей. Только за 1944 – 1946 гг. от смертельных «игрушек» погибло более 30 ребят.

Война окончилась. Началась мирная жизнь.

В 1957 году я окончил Скепнянскую среднюю школу, где любимым предметом была история. В старших классах увлекался юриспруденцией, что и определило выбор вуза. Поступил на исторический факультет Могилевского педагогического института, который окончил в 1966 году. Работая, заочно окончил юридический факультет БГУ в 1974 году.

Всю свою трудовую жизнь – 45 лет – я посвятил педагогической деятельности. Более 30 лет проработал директором школ, заведующим Новополоцким гороно. С 1 сентября 1996 года – старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права ПГУ.

В заключение не могу не произнести банальные, но такие важные святые слова: «Не дай Бог, чтобы подобное войне 1939 – 1945 годов опять повторилось на земле».

*Иван Федосович Бураков,
ст. преподаватель кафедры теории
и истории государства и права ПГУ,
апрель 2005 года*

КЛЯЦКО НИКОЛАЙ ГРИГОРЬЕВИЧ

Род. 16.05.1936

Я, Кляцко Николай Григорьевич, родился в деревне Кукавичи Велико-раевского сельсовета Копыльского района Минской области.

Копыльский район 29 июня 1941 года был оккупирован немецко-фашистскими захватчиками. За время войны на его территории было убито более трех тысяч жителей. Населенные пункты часто подвергались бомбардировкам, во время которых жители прятались в лесах. В том числе и семья Кляцко (мать и трое детей). В результате бомбардировок близлежащие деревни очень пострадали. Так, например, в деревне Жаволки погибло почти все население.

Отец, как и большинство мужчин, ушел на фронт. Сформированную на юге Минщины часть, куда он был демобилизован, отправили на Оршанщину. В одном из боев с немцами пропал без вести. Документы о его гибели пришли уже после войны.

В районе действовали партизанские бригады: имени Ворошилова, 27-я имени Чапаева, 300-я имени Ворошилова; отдельные партизанские отряды: «Боевой» имени Дунаева и Слуцкий; партизанская группа «Богатыри».

В их ряды входило практически все мужское население района. В том числе и Николай Иосифович Занько (брат моей матери), получивший задание переправить обоз через линию фронта. Переправа не удалась, партизаны попали в засаду. Многие были убиты, сам Николай Иосифович был взят в плен и вывезен в Германию. Из лагеря для военнопленных ему помогла выбраться немка. Летом 1945 года он вернулся домой.

Второй брат матери тоже был партизаном.

Матери с тремя детьми без кормильца было очень тяжело, как и многим женщинам во время войны, и все же они помогали партизанам.

Деревня Кукавичи была небольшой, дворов сорок, и немцы появлялись в ней время от времени, грабя местных жителей. Односельчане создали «систему оповещения»: едва немцы показывались на дорогах, ведущих в Кукавичи, как все жители уже знали об этом и с детьми и скарбом устремлялись в лес.

Копыльский район был освобожден партизанами 1 июля 1944 года и удерживался ими до подхода советских войск. До сих пор сохранилось 5 дотов на окраине деревни как напоминание о тех событиях. В деревне Великораявка стоит памятник воинам-освободителям.

После войны открылись двери Великораявской школы, и я вместе с другими детьми пошел в первый класс. Закончив школу, два года работал в колхозе.

В 1955 году призвали в армию. Закончил службу в Боровухе-1, откуда по комсомольской путевке был направлен на строительство нефтеперерабатывающего завода. Продолжил учебу в вечерней школе, а затем в политехническом техникуме. Работал на НПЗ.

С 2002 года работаю лаборантом на кафедре физвоспитания Полоцкого государственного университета.

*Записано студенткой группы 03-ИС
Анастасией Солодиловой,
март 2005 года*

ЛИТВИНОВА НИНА НИКОЛАЕВНА

04.11.1925 – 20.09.1999

Литвинова Нина Николаевна родилась в семье крестьян в селе Четы Сейтлерского района Крымской АССР (по старому административному делению). С 1932 по 1941 гг. училась в средней школе деревни Зуя Крымской АССР, которую не успела окончить.

С ноября 1941 по июнь 1942 гг. проживала на оккупированной территории. В июне 1942 года была вывезена в Австрию. Находилась в лагере «Либенау» города Грац, работала разнорабочей завода «Гухверк-1».

После освобождения в сентябре 1945 года была оставлена в Германии для работы в органах МВД. В 1946 году вышла замуж и в связи с демобилизацией мужа возвратилась в Советский Союз. В мае 1947 года была принята на работу методистом дошкольного методкабинета Новороссийского горно. В 1948 году поступила на исторический факультет учительского института, на специальность «Учитель истории 5 – 7 классов». После окончания института работала преподавателем истории СССР в рыбопромышленном техникуме и одновременно с 1951 по 1953 гг. училась заочно в Тюменском пединституте, на историческом факультете по специальности «Учитель истории 5 – 10 классов». Затем преподавала историю в средней школе города Тобольска. С 1959 года Нина Николаевна начала работать в высших учебных заведениях.

В октябре 1966 года поступила в аспирантуру Ленинградского педагогического института имени Герцена на кафедру истории КПСС, которую окончила, защитив кандидатскую диссертацию в мае 1969 года. С 1971 года начинает работу в Новополоцке.

В том далеком 1971 году и я начала работать в Новополоцком филиале Белорусского технологического института. Мое первое знакомство с

местом работы началось с посещения кабинета марксизма-ленинизма, где меня встретили заведующая кабинетом Кроткова Елена Михайловна и заведующая кафедрой Литвинова Нина Николаевна.

С Ниной Николаевной мы проработали вместе более 10 лет и наиболее известными мне были ее деловые качества: как заведующей кафедрой, так и преподавателя.

Нина Николаевна преподавала дисциплину, название которой – научный коммунизм – даже у старшего поколения вызывает далеко не у каждого позитивные ассоциации, а нынешнее поколение молодежи не имеет о ней никакого представления.

Нина Николаевна оказалась в роли преподавателя, который смог показать, что практически любые знания могут быть интересными, полезными, способными расширить кругозор и заставить мыслить самостоятельно. Я, как молодой преподаватель, неоднократно посещала ее занятия, где усвоила одну из главных истин: жизнь надо ценить во всех ее проявлениях, каждый ее период, момент важен, ценен и должен быть не только полезен, но и радостен.

Студент с ее занятия уходил с ощущением того, что этот промежуток времени он прожил не зря. Семинарам, проводимым Литвиновой Ниной Николаевной, присуща была не только деловая атмосфера, проявляющаяся в неподдельном интересе к изучаемым текстам первоисточников классиков марксизма-ленинизма, но и высокий эмоциональный тонус, который обеспечивался тем, что она стремилась строгие, достаточно сухие суждения текстов «одеть» в примеры, неординарные факты, удивляющие студента, заставляющие посмотреть на реальную жизнь другими глазами. У нее никогда не было проблемы с тем, чтобы найти контакт со студентами и включить их в роль собеседников, равноправных партнеров по обсуждаемому вопросу, а не представлять их только учениками, которые отчитываются по выученному материалу. В значительной степени это объяснялось наличием у нее качества, которое должно быть обязательно у каждого человека, работающего с молодежью – быть современным, несмотря на разницу в возрасте, вкусах, формах поведения, видеть в студентах то, что объединяет нас, а то, что отличает, постараться понять и принять также как имеющее право на существование.

*Лидия Васильевна Янковская,
доцент кафедры философии ПГУ*

МУРАШКО РЕНАТ ЗАБЕУШЕВИЧ

Род. 06.02.1938

МЫ ВМЕСТЕ РАБОТАЕМ

Ренат Забеушевич Мурашко пришел в коллектив кафедры геодезии в 1975 году после окончания Московского института инженеров геодезии, аэрофотосъемки и картографии, имея за плечами опыт производственной работы в строительстве. Такие специалисты как он сыграли большую роль в становлении факультета и подготовке инженеров-геодезистов в условиях Беларуси.

Во время работы на кафедре Ренат Забеушевич участвует в методическом и научно-техническом обеспечении целого ряда специальных дисциплин, организации и проведении как учебных, так и производственных практик. Передает свой педагогический опыт молодым преподавателям кафедры – нашим выпускникам. В любое дело он включается с полной самоотдачей. Для него характерна детальная проработка материала, умение его изложить студентам.

Многие выпускники геодезического факультета с теплотой вспоминают Рената Забеушевича как куратора, помогавшего постигать не только тонкости профессиональной подготовки, но и найти свое место в жизни. И сегодня на рабочем столе Рената Забеушевича лежат студенческие работы, в коллективе кафедры он занимает важное место, коллеги его ценят.

Ренат Забеушевич – большой ценитель нашей белорусской культуры, знаток истории, у него активная гражданская позиция, ему есть, что сказать молодежи. На досуге Ренат Забеушевич занимается спортом, у него звание кандидата в мастера по шашкам.

Интеллигентный, скромный и добрый человек пользуется заслуженным уважением и авторитетом в нашем коллективе.

*Зав.кафедрой геодезии фотограмметрии ПГУ
Владимир Павлович Подшивалов,
март 2005 года*

УЗНИК КОНЦЛАГЕРЯ

Я родился в городе Полоцке. Отец был работником органов НКВД СССР, мать – домохозяйка. Семья проживала в собственном доме на улице Виленской (ныне ул. Дзержинского).

Память сохранила только часть наиболее важных с точки зрения ребенка событий, которые происходили более 60 лет тому назад. Впрочем, воспоминания дополнялись рассказами взрослых очевидцев событий.

Когда началась Великая Отечественная война, отец эвакуировался вместе с другими сотрудниками правоохранительных органов в город Тобольск. Предполагалось, что вслед за отцом уедем и мы. Но вскоре Полоцк был оккупирован фашистами, и мы остались в городе, не успев уехать.

В нашем доме разместились каратели, устроив казарму, а мы (мама, старший брат и я) жили в хозяйственной пристройке.

Каратели, расквартированные в нашем доме, периодически совершали рейды в партизанскую зону. Там они грабили и убивали партизан и мирных жителей деревень. Однажды, возвратившись из карательной экспедиции, немцы привезли ведра меда, который был вместе с сотами. Вероятно, этот мед был из разграбленных или уничтоженных деревень.

В какой-то период оккупации в доме находились бывшие советские солдаты, которые перешли на службу к оккупантам. Их почему-то называли «добровольцами» или «казаками». Во время освобождения Беларуси эти «добровольцы» решили тайно присоединиться к нашим войскам с оружием. Но эти замыслы выдал провокатор, находившийся в их рядах. Фашисты всех расстреляли.

Вспоминаются бомбежки. Мой родной дядя, живший по соседству, вырыл в огороде окоп на две семьи, в который мы прятались во время налетов. От прямого попадания бомбы это убежище не спасало, но от осколков уберегало.

С началом освобождения Беларуси немцы старались вывезти как можно больше населения на принудительные работы. Нашу семью отправили в город Шяуляй. Нас загнали в бараки, огороженные колючей проволокой. Раньше здесь был концентрационный лагерь для советских военнопленных, которых немцы успели вывезти в глубь Германии.

В этом концлагере мы находились до августа 1944 года. Маму и брата вместе с другими трудоспособными водили на работу. Это был завод

военного назначения, и его бомбила советская авиация. Здесь пережили голод и страх погибнуть от своих...

После освобождения Литвы мы в августе 1944 года вернулись в Полоцк. Через год вернулся отец.

В сентябре 1945 года я пошел в первый класс и в 1955 году окончил среднюю школу № 1 города Полоцка. Это был первый послевоенный выпуск.

Уехал в Москву, начал работать учеником слесаря в строительном управлении. Летний сезон 1957 года работал старшим рабочим топографического отряда Московского аэрогеодезического предприятия в Саратовской области и Северном Казахстане.

В декабре 1957 года призван в ряды Советской Армии оператором радиолокационных установок дивизиона обеспечения Артиллерийской академии в городе Харькове. В июле 1958 года по состоянию здоровья уволен в запас.

Проработав год в деканате физмата Полоцкого пединститута, поступил в Московский институт инженеров землеустройства (МИИЗ) на геодезический факультет. Но в 1961 году после смерти отца, на иждивении которого находились нетрудоспособная мать и престарелая бабушка, оставил учебу в институте, стал работать.

Работал геодезистом в экспедициях Гипросельхоза в Курске и Казахстане, в отделе генплана Полоцкого нефтеперерабатывающего завода, мастером-геодезистом СУ-2 Главгаза на строительстве трубопровода «Дружба», прорабом СУ-125 треста № 16, инженером ОКСа завода ЖБИ треста № 16.

В 1971 году закончил заочный факультет МИИЗа, получив квалификацию инженера-геодезиста.

С сентября 1975 года работаю старшим преподавателем НПИ, ныне Полоцкий государственный университет, на кафедре прикладной геодезии и фотограмметрии.

*Ренат Забеушевич Мурашко,
март 2005 года*

ПАНОВА
ГАЛИНА АЛЕКСАНДРОВНА
Род. 22.09.1940

Галина Александровна Панова родилась в деревне Богутские Язненского сельсовета Дисненского района Полоцкой области.

Дисненский район был оккупирован немецко-фашистскими захватчиками 5 июля 1941 года. Во время оккупации в районе было убито 4584 человека (в 1939 г. проживало 6073 человека). На войну ушло много мужчин, в их числе были отец Галины Александровны – Босянок Александр Васильевич (1900 – 1977 гг.) и два его брата: Павел и Михаил. Павел (1906 – 1997 гг.) был в плену, четырежды ранен. Михаил до войны служил в духовом оркестре армии Польши, а во время войны от него пришло письмо, в котором он сообщил, что служит в Советской Армии. Больше от него вестей не было.

По дорогам Дисненского района проходили колонны военнопленных. Панова Галина Александровна вспоминает, что видела, как немцы вели пленных, а стоящие по краю дороги жители деревни не могли передать им даже кусочек хлеба. Тех, кто решался взять хлеб, расстреливали. Местные жители, рискуя своей жизнью, захоронили убитых на краю деревни в одной братской могиле. После войны останки были перезахоронены. Сейчас в Дисне находится братская могила 276 советских воинов и партизан, 3 могилы жертвам фашизма, памятник Освобождения, в возведении которых участвовали и жители близлежащих деревень, в том числе и деревни Богутские.

Галина Александровна хорошо помнит, как вместе с другими детьми приходилось прятаться под крышу сарая, едва слышался гул самолета.

Население страдало от бандитов, маскирующихся под партизан, которые по ночам выгребали из дома все. Если хозяева дома оказывали со-

противление – избивали «бизунами». Однажды после такого ночного налета семья Босьянок осталась без одежды. Матери Галины Александровны – Анастасии Гордеевны, пришлось шить себе юбку из одеяла, больше одеть было нечего.

Летом 1945 года вернулся ее отец. Вот что говорит об этом Галина Александровна: «Мы с матерью работали на огороде. К нам подошел какой-то мужчина. Мама сказала: «Смотри, это твой отец». Он взял меня на руки, а я спросила: «Ты меня не обманываешь? Ты мой папа?» В памяти осталось как потом мать угощала принесенной отцом тушенкой всех соседских детей».

После войны окончила 4 класса в деревне Сорочино. Чтобы продолжить обучение, приходилось ходить за несколько километров в Лужскую среднюю школу, которую она окончила в 1958 году.

Два года работала счетоводом в колхозе. Хотела поступить в Друйский строительный техникум, но заболела мама, и планы изменились. Учебу продолжила в 1960 году в Полоцком торговом техникуме. По специальности – товаровед. 10 лет проработала в Новополоцке, в торговле.

С 23 сентября 1973 года поступила на работу в НПИ комендантом. В декабре 1975 года перешла на кафедру физвоспитания, где и сейчас работает ведущим лаборантом.

*Записала сотрудник РИО
Юлия Витольдовна Мацук,
апрель 2005 года*

СТРОК
АЛИНА СЕРГЕЕВНА
Род. 19.03.1934

ВОСЬМИЛЕТНЯЯ ПАСТУШКА

В 1941 году мне исполнилось 7 лет. Наша небольшая семья: отец, мама и я – жила в деревне Залесье Россонского района. Деревня, окруженная лесами, была большой, в ней находилась школа, в которую я собиралась пойти осенью 1941 года, магазин, правление колхоза. Отец работал на укладке «каменки» – так называли дороги, выложенные булыжниками – в сторону Клястиц. Мама работала в колхозе.

Немцы в деревне появились в июле 1941 года, начав свое правление с расстрела молодого юноши – комсомольца.

Уже зимой в наши леса был заброшен десантом спецотряд «Боевой» для организации партизанской борьбы против фашистских захватчиков. В 1964 году в деревне Залесье в честь этого отряда поставлена стела. Только тогда мы узнали, что отряд был создан из спортсменов-добровольцев как диверсионно-разведовательный. Его командир Неклюдов Валентин Леонидович был удостоен звания Героя Советского Союза (1944 г.).

Местные жители помогали, как могли, партизанам. Мой отец, например, зимой делала лыжи для отряда. Весной 1942 года партизаны предупредили нас, жителей, что гитлеровцы готовят карательную операцию против нас за связь с партизанами. Нам сказали, что нужно уходить в лес, спрятаться там.

В лесу прятались небольшими группами, чтобы было проще укрыться, не привлекая внимания. В нашей группе, кроме нас, были семья Дашенок с детьми Володей и Ниной, семья Глинских с детьми Павлом и Зиной, семья Коршун с дочкой Валей, которой еще не было и двух лет, Шкультецкие, Рутковские. Нам не повезло. Фашисты нас отыскивали, под конвоем

пригнали в деревню Моторино, и закрыли в сарае, выставив возле него часовых. Мы решили, что нас сожгут, и со страхом ожидали конца. Не знаю, сколько мы просидели в этом сарае без еды, без воды. Помнится, в какой-то день ранним утром нас из него выгнали на улицу. Всем старикам приказали идти в сторону речки, а затем зайти в нее как можно глубже, по грудь. Когда старики вошли в воду, их расстреляли из пулеметов, чтобы потом не надо было хоронить тела убитых. Мы видели, как расстрелянные медленно поплыли по течению реки...

Нас, оставшихся в живых, погнали пешком на станцию Боровка, что недалеко от Верхнедвинска. Загнали в телячьи вагоны и повезли. Привезли нас в Саласпилс, в Латвию. Недалеко от станции фашистами был устроен концентрационный лагерь, за годы войны там было уничтожено более 100 тыс. человек... Сейчас там мемориальный ансамбль с символами – «Стена жизни и смерти» и «Дорога страданий».

Здесь и начались наши мучения. Нас заставили раздеться догола и загнали в барак, в котором мы сидели пока не произвели дезинфекцию одежды, только потом нам ее вернули и разрешили одеться. Несколько недель нас держали в бараке, не заставляя работать, кормили какой-то баландой (1 литр на день) и тремя маленькими кусочками хлеба.

Затем нас стали выводить небольшими группками за ворота лагеря на лужайку. Туда приезжали латыши и, наверное, за плату разбирали заключенных для работы в свои хозяйства. Брали в основном детей.

Меня взял хозяин хутора, рядом с которым находились другие хутора, куда тоже попали наши деревенские дети. Я должна была пасти трех хозяйских коров. Так как пастбища для выгона хозяин не имел, мне приходилось гонять коров по болоту. Обуви у меня не было, а хозяин не дал, и мне надо было босой часами ходить по холодной воде. Еды с собой тоже не давал, а дома кормил объедками, считал, что в болоте прокормлюсь сама... Собирала и ела щавель, заячью капусту. А однажды мне повезло найти на дороге небольшую пустую консервную баночку, и я тайком от хозяина надаивала для себя немного молока... Но я слабела. Помню, как он с издевкой тряс меня, взяв за шиворот, показывая на восток и кричал: «Сталин!» Когда мои ноги покрылись язвами, и я заболела дизентерией, стала просить хозяина, чтобы он отправил меня назад в концлагерь, что там будет лучше, чем у него...

На соседнем хуторе работала девочка Валя, немного старше меня (лет десяти – двенадцати). Она видела как мне плохо и упросила своих хозяев найти мне другую семью. Так я попала в другой дом, к другим людям. Я с благодарностью вспоминаю, как новые хозяева, Оскар и Илония Лейтос, приняли меня: подстригли, вымыли, накормили. А затем долго и терпеливо лечили... Корова у них была одна, и я ее пасла на хорошем пастбище. В этой семье отнеслись ко мне очень хорошо, я жила там до 1944 года, пока меня не разыскали мои родители, которые все это время находились в немецкой неволе на принудительных работах (Новая Пейболга?).

А мой первый хозяин со своей семьей уехал вместе с отступающими немцами.

С родителями я вернулась в Белоруссию, мы поселились в деревне Луначарское Дрисинского района, там я окончила школу – 7 классов.

После школы уехала в Ригу, где работала на фабрике «17 июня». Вышла замуж и уже с семьей вернулась в Луначарское. Занималась воспитанием детей.

В конце 60-х гг. переехали в Новополоцк, долгое время работала на НПЗ. Выйдя на пенсию, не захотела сидеть дома и устроилась на работу в ПГУ, где и продолжаю трудиться до сих пор.

*Записала Тамара Александровна Грудницкая,
март 2005 года*

ТКАЧЕВ
ВЛАДИМИР ГАВРИЛОВИЧ

Род. 24.06.1936

В 1945 году Володя пошел учиться в Богусhevскую среднюю школу, которую окончил в 1956 году. После окончания школы поступил в Оршанское индустриально-педагогическое училище. Однако сразу закончить учебу не удалось, так как его в 1957 году призвали в армию. После службы в 1960 году продолжил учебу. Закончил училище в 1962 году и был направлен на работу учителем в Боровухскую среднюю школу, где проработал до 1965 года. В этом же году поступил на работу в Новополюцкий нефтяной техникум в качестве заведующего учебно-производственными мастерскими. Работая в техникуме, Владимир Гаврилович проявил большой организаторский талант. Под его руководством учащиеся не только выполняли учебные задания, но и изготавливали детали для предприятий города качественно и в срок. Мастерские до сих пор продолжают успешно работать. Несмотря на большую загруженность Владимир Гаврилович нашел возможность и силы окончить заочно Белорусский технологический институт по специальности «Машины и механизмы лесной и деревообрабатывающей промышленности». В 1970 году получил диплом инженера-механика.

С началом преподавания специальных дисциплин вуз, который был филиалом БТИ, испытывал большую потребность в оборудовании учебных лабораторий для преподавания станочных дисциплин. Поэтому мы обратились в техникум за помощью. Так началось наше сотрудничество с Владимиром Гавриловичем. Затем мы пригласили его на работу в университет. С 1975 года он работал сначала на объединенной кафедре технологии металлов и технологии машиностроения, а затем, когда была организована кафедра металлорежущих станков и инструментов, оставался ее сотрудником почти до самого ухода на пенсию.

На кафедре МРСиИ он вел большую учебную, методическую, научно-исследовательскую и организаторскую работу. Вел занятия по курсам «Металлорежущие станки», «Технология инструментального производства», «Основы художественного конструирования», руководил курсовым и дипломным проектированием станочного и инструментального направлений. Им разработаны рабочие программы и методические указания для проведения лабораторных работ по курсу ОХК и ТИП. Владимир Гаврилович выполнял работы по хоздоговорной тематике на должностях от рядового до ответственного исполнителя. В течении всего срока строительства лаборатории кафедры он был ответственным исполнителем работ. Владимир Гаврилович среди нас был единственным преподавателем, имеющим педагогическое образование, поэтому у него было чему поучиться не только молодым, но и опытным преподавателям. На кафедре станков и инструментов он прошел путь от ассистента до доцента. Перед самым уходом на пенсию он успел поработать на кафедре трудового обучения, где его опыт, знания и умение организовать учебный процесс сыграли немалую роль в становлении кафедры.

*Доцент кафедры МРСиИ, кандидат технических наук
Владимир Александрович Петров,
апрель 2004 года*

МОЯ ВОЙНА

Родился в деревне Кучинщина Асиновского сельсовета Богусhevского р-на Витебской обл. Семья состояла из одиннадцати человек. Родители – Ткачевы Гавриил и Ирина. Дети – Лида (1922 г. р.), Ольга (1933 г. р.), Володя (1935 г. р.), Сергей (1937 г. р.), Павел, Николай, Иван, Михаил (1941 г. р.), Алексей.

Началась война. Отца забрали на фронт, где в бою под Смоленском его часть попала в окружение и была разбита. Отцу удалось спастись, и он лесами возвращался домой. По дороге был схвачен, но матери удалось выкупить его из плена. Деревня Кучинщина и ее окрестности не раз подвергались налетам немецкой авиации, которые семья Ткачевых переживала в небольшой землянке. Причиной бомбардировок было то, что войска Советской Армии отступали по этому направлению, а если точнее, то они проходили через саму деревню Кучинщину. Немцы же, в свою очередь, наступали

и продвигались через соседнюю деревню и через речку Лучесу (приток Западной Двины), а рукав этой реки – Ордошовка – как раз вставал на их пути. На Ордошовке был мост, который немцы разбили своими же авианалетами.

Таким образом, в этом районе получилось скопление войск, как советских, так и немецких. Начался бой, который длился почти всю ночь. В это время семья Ткачевых пряталась в какой-то яме, было страшно. К утру все утихло, наши отступили, и немцы вошли в деревню. Так началась оккупация. Утром немецкие каратели вывели всех на улицу, а вернее повыгонял из хат. Был зачитан указ. Людей, возле чьих домов была найдена стреляная гильза, фашисты расстреляли.

Фронт продвинулся на восток. В деревне же через некоторое время появился одинокий немец. Он жил на краю деревни. «Он нас не трогал, и мы его не трогали, только охотился с ружьем и собакой, наверное был каким-то ботаником, все травки нюхал, корешки собирал», – вспоминает Владимир Гаврилович Ткачев.

В окрестности деревни действовало несколько партизанских отрядов. Старшая сестра Лида примкнула к одному из них. Мать выпекала хлеб для партизан.

Так они и прожили до 1943 года.

Осенью началось наступление. Жители деревень, опасаясь отправки в Германию, убегали прятаться в лес. В то время он был насыщен не только партизанами, но и разными проходимцами, которые «любили бряцать оружием».

Семья Ткачевых схоронилась в убежище под вывороченной елью. Стало сыро и холодно. Ко всем несчастьям подступил голод. Подростки бегали на поле копать картошку. Однажды они попались, и немцы заставили их показать убежище семьи. Так всю семью Владимира Гавриловича загнали на передовую, в деревню Степанинки. Старших гоняли копать траншеи, а дети сидели в доме. Это было даже удачей для них: в лесу было очень голодно. «Чтобы не умереть, ели сосновые почки, которые отрывали, грели над костром и такими размокшими употребляли, искали разную траву с семенами. Ночью спали «всей кучей» и время от времени перемещались: тот кто посерединке погрееется, на край переползает, а потом наоборот. Сами голодали, а вот вшей кормили хорошо... Еще ели осот, осоку», – это горькие слова В.Г. Ткачева. В деревне стало немного легче, люди поддерживали друг друга.

В это время партизанами Богущевского района было организовано две группы для перехода в Ушачский район, где сейчас находится комплекс «Прорыв». В одной команде шла сестра Лидия, а во второй – брат Павел. Целью команд было соединиться с другими партизанскими отрядами, чтобы организованно дать бой.

При переходе через шоссе Витебск – Орша первая команда нарвалась на засаду («кукушку»), которая захватила всю группу. Проводник погиб. Когда вторая команда узнала о случившемся, то Павел решил выручить сестру. Благодаря своим связям с партизанами, он выяснил, что Лидия в гестапо. Он раздобыл форму немецкого военного, документы и вышел на шоссе. Представился офицеру, сказал, что воюет за Германию, что семья на фронте... Его долго допрашивали и проверяли, но, в конце концов, отпустили. Спустя некоторое время Лидия тоже вернулась к своим родным в деревню Степанинки .

«Нас приставили к обозу с награбленным и погнали в Германию. Шли пешком до польской границы, там посадили в какие-то «телятники» и повезли в город Горники возле Гамбурга. Загнали нас в лагерь, обнесенный колючей проволокой. Помещения, в которых ютились люди, напоминали конюшни с лежанками, ярусами стоящими друг над другом. Взрослых гоняли работать на завод, выпускавший консервированные бураки, лук, чеснок. Из очисток заключенным варили баланду. Первое время было очень тяжело. Потом, когда стали налетать американские самолеты, оставлявшие после себя руины, узников погнали на тяжелые работы по их расчистке. Вот тогда нам стало немного легче: давали хлеба и даже иногда перепадала какая-нибудь конфетка», – вспоминает Владимир Гаврилович.

Детям из лагеря выходить не разрешалось, они целыми днями сидели на своих лежанках, с которых разрешалось слазить, только в туалет. Если охранники увидят, что ребенок ступает на траву, растущую около дорожки, то его могли побить.

Особенностью было то, что лагерь охраняли подростки и инвалиды. Было видно, что у немцев уже не хватает сил.

Потом пришли английские танки и прорвали колючее ограждение. Англичане попросили узников никуда не уходить, пока не придут официальные власти. В отношении заключенных шла агитационная работа, пропагандировавшая остаться в Германии, Канаде, США, Франции, но родители Владимира Гавриловича не согласились.

Затем их «погрузили» в машины и отправили в Берлин, где передали советским войскам. Их встречали хорошо, со слезами радости. Из Берлина довели до Белорусской границы. Высадили в большом поле и сказали, что отсюда придется добираться своим ходом.

Дом семьи Ткачевых сгорел. Они стали жить у брата отца в Богушевске. Отец устроился на работу в лесничество. В 9 лет Владимир Гаврилович пошел в первый класс.

Началась мирная жизнь...

После войны в семье Ткачевых не стало четырех человек:

Алексей. Он с ребятами нашел на дороге танк, покореженный после боя. Возле него валялись снаряды. Начали их разбирать. Один из них не раскручивался, дети бросили его и спрятались за танк. Взрыва не произошло. Алексей вышел из-за танка, подошел к снаряду, который вдруг взорвался...

Павел. Убили за связь с партизанами.

Николай. Умер от голода в лесу.

Иван. Погиб на фронте.

*Записали студентки группы 03-ИС
Ольга Прозецкая, Мария Серопова,
март 2005 года*

ШМАНДУРОВА ЛЮДМИЛА МИХАЙЛОВНА

Род. 29.04.1935

МОИХ 900 БЛОКАДНЫХ ДНЕЙ

Я родилась в Ленинграде. В этом городе мои предки по материнской линии появились в первой четверти XVIII века, еще при Петре I. Они были выходцами из Германии, образованными и культурными людьми. На фотографии, снятой 2 мая 1937 года, мы вместе с мамой. Мне было тогда 2 года. Эту фотографию (как и все семейные) мама сумела сохранить и в войну, и в эвакуацию, а в послевоенные годы передала мне.

Мой отец, Минаев Михаил Максимович, происходил из дворянского рода Обручишниковых.

Он был хорошим семьянином, очень любил свою жену и создал атмосферу культа матери в семье. Он очень уважительно относился к маме и требовал от нас, четверых детей, бережного отношения к ней.

Блокада... Мне 6 лет. Память вспышками высвечивает то, что было. В семье четверо детей: я, старший брат Валентин – ему 10 лет, сестры – Ольга (4 года) и Мусенька (1,5 года).

С началом войны резко меняется вся жизнь. Моя мама пошла работать грузчиком, чтобы зарабатывать хлеб и кормить нас. Вначале она приносила нам хлеб и какое-то желе, помнится его розоватый цвет, а вкус – нет. Но потом, когда наступила зима, начались холода и голод. Не было ни света, ни воды, ни тепла...

Слабели... Первой умерла Мусенька, моя младшая сестренка, которую мы все очень любили. Запомнилось ее красивое ангельское личико. Непреходящее чувство вины за ее смерть не покидает меня до сих пор. Бабушка, умница, знавшая шесть языков, красивая, она умерла вскоре после Мусеньки. В нашей семье часто напоминают детям о ней до сих пор, ставя в пример ее интеллигентность, воспитанность.

Недалеко от нашего дома, мы жили тогда на Петроградской стороне, находилась булочная. Помню, что иногда я приходила к ней, чтобы просто ощутить запах хлеба. Однажды, когда я стояла в магазине, укутанная и в мальчишечьей шапке-ушанке, из него вышла молодая женщина в военной офицерской форме с целой буханкой хлеба и довеском сверху, граммов двести. Она подошла и со словами:

– На, мальчуган! – отдала мне довесок хлеба.

Я это запомнила на всю жизнь. Я побежала домой, по крошке отламывая от него, – в руке остался маленький кусочек – его я принесла бабушке. Но бабушка, которая от бессилия уже не вставала, отказалась от него...

Всю блокаду, весь ужас, голод, холод, бомбежки наша семья пережила в Ленинграде...

В школу, которая находилась рядом с нашим домом, на отдых между боями привозили солдат с передовой. Видно, вспоминая своих детей, которые остались дома, они подкармливали нас, блокадных детей, несмотря на строгие запреты начальства. Это я сейчас понимаю, что тот солдат был украинцем, потому что он сказал: «Иди сюда, дитынько». Он был красивый, с желтыми усами и ярко голубыми глазами (таким и запомнился). Я подошла к нему, и он подал мятый котелок с ложкой, в которой была каша. Солдат отказался от еды, чтобы покормить меня и спасти мне жизнь. Какое надо иметь сердце, чтобы в голод отдать еду другому!

Еды постоянно не хватало... Помню, как мама кормила нас столярным клеем. Твердый кусок клея она выкладывала на середину красивого фарфорового блюда, сверху поливала клей уксусом. Клей от этого из коричневого становился синим и желеподобным. И мы его потом ели...

Помнится, как однажды мама ходила из Ленинграда (туда и обратно пешком) на Среднюю рогатку, где в земле оставались кочерыжки и листья после убранной капусты. Она приносила их домой и делилась с одинокими соседками. В знак благодарности они принесли куклу, расшитую бисером...

Вот такие вспышки памяти не дают забыть о том, что пережито. Такое остается на всю жизнь.

Блокада была снята в январе 1944 году. Когда на Ладоге растаял лед, нас вместе с другими эвакуировали из Ленинграда. Мама говорила, что в первый этап – 400 с лишним тысяч и во второй – 500 тысяч человек. Еще говорила мама, что дорога была длиной в 30 километров.

Эвакуировали нас на военных кораблях и катерах. Немцы бомбили и расстреливали с самолетов, вода вокруг кипела, моряки стреляли из пушек и пулеметов, везде падали убитые, раненые, в воздухе стоял рокот и гром. Некоторых детей моряки уносили в машинное отделение, от истощения дети не могли передвигаться сами, а там было тепло и безопасно. Меня тоже занесли туда, и я, прижавшись к горячей металлической стенке, дрожа от холода и страха, плакала. Наши мамы оставались на палубе и многие погибли, их расстреливали из самолетов.

Я никогда не забуду, как плавали в воде мертвые тела детей, женщин среди них – наши героини-моряки. Это был ад. Но я верила, что меня должны спасти; я кричала, звала свою маму, брата и сестер. Помню, как упала на мокрую и скользкую палубу, но меня подхватил моряк огромного роста, подтолкнул к лестнице и велел держаться за поручни, я держалась так крепко, что потом меня от них еле оторвали.

Потом, когда выносили мертвых людей, говорили, что моряки своими телами закрывали маленьких деток.

После переправы нас, голодных, перевозили в товарных вагонах, спали мы на нарах. На остановках к нам подходили солдаты и у некоторых были на глазах слезы (может, вспоминали своих детей).

На каждой остановке выносили мертвых, их хоронили в братских могилах. Немцы бомбили наш эшелон, хотя видели, что от вагонов разбегаются дети и женщины.

Везли нас и на пароходах, и здесь часто причаливали к берегу и выносили мертвых, а на берегу стояли люди: женщины, дети. В их глазах были скорбь и горе. Владимир Александрович

Привезли нас в город Салехард, жить было негде, кругом тундра. Всех, кто приехал этим пароходом, поместили в православной церкви. Спали на цементном полу, постелить и накрыться было нечем. Так все и лежали, прижавшись друг к другу. Когда эвакуировались из Ленинграда, разрешили взять только документы, никаких узлов. Из одежды только то, что надето на себе. В Салехарде брат пошел в школу, ноги заматывал тряпками.

В довоенные годы мой отец работал на Путиловском заводе.

Фотография, на которой он снят со своей сестрой, памятна тем, что именно с нее писался портрет для аллеи Славы. Этой чести удостоивались победители стахановского движения. Отец долгие годы гордился тем, что его портрет, выполненный художником масляными красками, «висел по правую руку от портрета Сталина» (его слова).

В годы войны отец, получив бронь, работал на заводе и был в ленинградском ополчении.

После окончания войны мы не смогли вернуться в Ленинград, так как наша квартира была уже занята другой семьей. Наша семья встретила в городе Моршанске Тамбовской области.

Послевоенные годы – это и школа, и техникум, и главная, единственная, счастливая встреча на всю жизнь с моим мужем – Шмандуровым Леонидом Герасимовичем. Он родился здесь, на Витебщине, в небольшой деревне Торговцы, что недалеко от Орши. Человек военный, после увольнения из армии он жил по приказу. Вместе с ним мы жили и в Горьковской области, и в Ленинграде. Но его всегда тянуло на родину. Так в 1961 году мы оказались в Боровухе-1, а затем в Новополоцке.

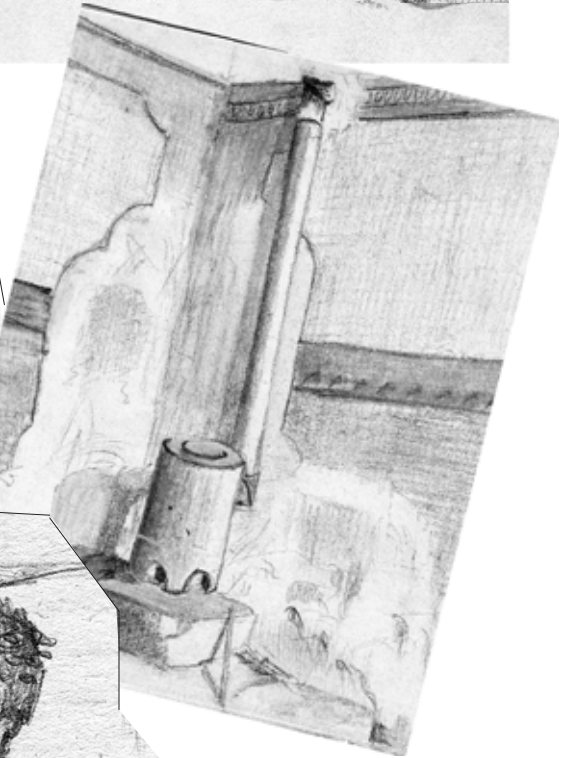
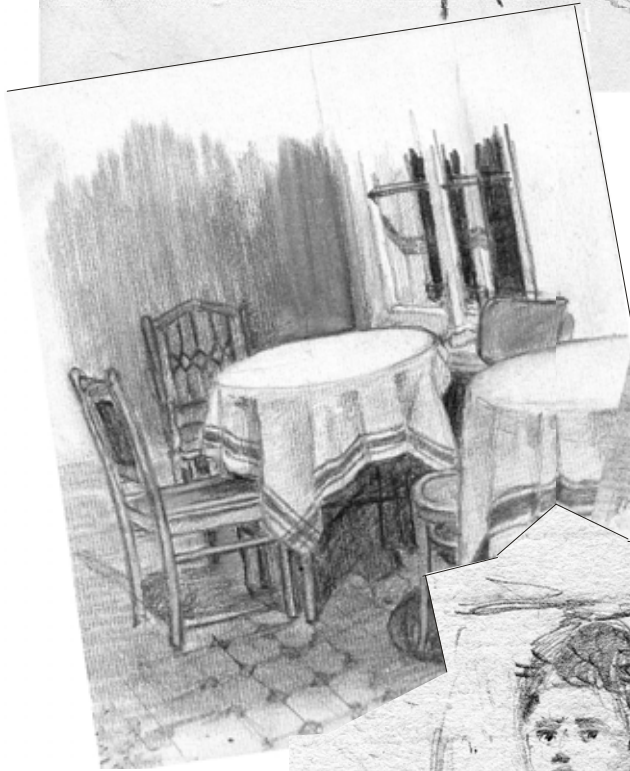
С 1977 года я неизменно работаю на одном месте, комендантом учебного корпуса № 1 НПИ (ПГУ).

Выросли два сына. Подарили мне трех внуков и двух внучек.

Хотя в моей жизни были и голод, и холод, и невзгоды, я считаю, что прожила счастливо, ведь мне встретилось много хороших, добрых, интересных людей.

Ради жизни без войн, блокад и потрясений военными стали мой муж – Шмандуров Леонид Герасимович, наш сын – Сергей и внук – Денис (учится в военной Академии в Минске).

*Людмила Михайловна Шмандурова,
март 2005 года*

**ВОЙНА В СУДЬБЕ
МОЕЙ СЕМЬИ**

ОФИЦЕР-ПОГРАНИЧНИК

Несколько лет моя сестра пишет историю нашей семьи. Отрывки из этих материалов, которые касаются периода Великой Отечественной войны, предлагаются Вашему вниманию.

Наш отец, Рыжкин Владимир Васильевич, был кадровым военным офицером-пограничником.

Службу он начал задолго до начала Великой Отечественной войны, в 1923 году. Имея начальное образование – 4 класса церковно-приходской школы, отец к началу войны получил два высших образования – командное (Московская Высшая пограншкола) и политическое (Военно-политическая академия им. В.И. Ленина). Он отдал пограничным войскам более 40 лет своей жизни, стоял у истоков организации охраны Государственной границы Советского Союза, служил и в Средней Азии, и на Кавказе, на границе с Монголией, Китаем, Японией, на западе Украины. Служил на самых далеких, труднодоступных и сложных погранзаставах.

Становление Государственной границы. Неимоверно тяжелая и трудная служба, жесточайшие условия жизни. Ни дня, ни ночи спокойной, постоянные бои с бандитами, диверсантами, нарушителями границы. Жара, жажда, тропическая малярия. Сколько историй было рассказано отцом об этом периоде службы!

Как правдиво поставлен фильм «Офицеры»! Именно так началась семейная жизнь и моих родителей. Отгороженный занавеской угол в казарме, две солдатские кровати да ящик из-под макарон вместо стола.

Трудные, но тем не менее, счастливые предвоенные годы. Кто-то «делал» политику, стремился любыми путями войти в историю, а люди просто жили, любили, растили детей, охраняли и защищали Родину, свой родной дом.

Дальний Восток, 1941 год, 22 июня, воскресенье. По-настоящему летний, жаркий день. На заставе у солдат свободное время. Отец – дома, с семьей. Все в саду: мама – в гамаке, дети – рядом. Каждый занимается своим делом. Тишина и покой.

Вдруг со стороны заставы бежит дежурный солдат. Отец вскакивает, на ходу одеваясь, тревожно говорит: «Война!» На заставе все уже были го-

товы к этой беде, все знали, ожидали, тем не менее для всех это стало неожиданностью.

Притихшие дети, испуганные жены. Полная неопределенность. Что нас ждет? Фронт на западе или защита границы на востоке? Как поведет себя Япония? Ведь она в союзе с фашистской Германией.

В первые же дни войны все семьи военнослужащих, жены и дети были эвакуированы. Куда, зачем, на сколько? Ничего неизвестно. Спешно, в течение ночи собрались, и, погрузившись на машины, отбыли в неизвестном направлении. Было жаркое лето, из вещей взяли только самое необходимое. Дети чувствовали тревогу и страх родителей, помалкивали, жались к матерям.

Привезли нас в Кемеровскую область, в маленький шахтерский городок Анжеро-Судженск. Жили в маленькой комнатке частного дома. Удобства на дворе, вода в колодце, печка топилась дровами, углем. А впереди зима – суровая, сибирская. Мама сразу же устроилась работать кассиром на шахту. Первое время, пока не было жилья, я даже спала у нее на работе в ящике от письменного стола. Осенью брат пошел в школу, меня отдали в детский сад. Мама, чтобы как-то приодеть и прокормить детей, шила телогрейки, продавала их, тем самым каким-то образом обеспечивала наше существование. Меня с братом она полностью одевала своими руками, шила все – от верхней одежды до нижнего белья.

Осенью 1942 года, когда стало окончательно ясно, что Япония не вступит в войну, нас вернули к отцу на заставу.

Все военное время отец прослужил на Дальнем Востоке на границе с Японией. Очень трудная служба – охранять границу с государством, с которым твоя Родина находится в состоянии войны. Сколько же погибло народу за эти годы!

Очень много создано художественных произведений про войну, про большие и малые битвы и сражения, про героев, отдавших жизни за Родину, за Сталина; множество написано об этом песен, поставлено спектаклей и фильмов. Но я почти ничего не читала, ничего не слышала и не видела из того, как пограничники Дальнего Востока в годы Великой Отечественной войны охраняли рубежи своей страны. А ведь тут тоже совершались подвиги, гибли люди, проводились настоящие боевые и разведывательные операции.

Думаю, Вам интересна будет история, происшедшая на границе в те военные годы. Небольшой эпизод больших событий, непосредственным участником которых был отец, служивший в это время инструктором политотдела.

Шла война. На западных фронтах велись ожесточенные бои с фашистами. А на востоке Япония держит нашу Государственную границу в постоянном напряжении, нарушая ее, нападая на заставы, развязывая настоящие бои.

...Служил на заставе комсомолец, спокойный и исполнительный солдат, которому было поручено ездить на склад в Хабаровск за продуктами. И приспособился этот солдатик, получив продукты, захаживать за буфет. Отрежет буфетчику кусочек мяса, а тот ему рюмочку нальет, сигарет даст, покормит чем-то. И вот однажды, во время такого посещения, за стол к солдату подсел какой-то парень. Разговорились... И вдруг оказывается, что парень тот из одного села с солдатиком. Даже общие знакомые нашлись! Выпили за знакомство. Встречи стали регулярными. Новый друг снабжал солдат сигаретами, кое-какими вещами, давал деньги. Так и продолжалась эта «дружба» некоторое время. Когда однажды «друг» потребовал от солдата расчета за все, что он ему дал, солдат растерялся. Он не мог рассчитаться с «другом»... Последовало первое задание: узнать, сколько человек служит на заставе, сколько имеется оружия, кто начальник, кто заместитель? Что делать??? Солдат принял единственно правильное решение: пойти к командирам и рассказать все, как есть...

И началась игра. «Друг» давал задания, солдат (при помощи командиров) «выполнял» эти задания. Он полностью вошел в доверие к «другу».

Накануне Октябрьских праздников солдат получает особое, последнее задание. «Друг» дал ему шприц и пузырек с какой-то жидкостью и велел в определенном месте остановить машину, нашпиговать мясо этой жидкостью; в определенном месте выбросить пузырек, в определенном – шприц. Все надо было сделать точно, как требовалось: праздничный обед не есть, а уйдя в увольнение, появиться по указанному адресу. В случае правильного выполнения данного задания на заставу он больше не вернется.

Все было выполнено, как велено, и сразу же доложено командирам. Было ясно, что готовилась грандиозная диверсия с отравлением всей заставы. Ведь на завтра был праздник, и из привезенного (отравленного) мяса готовился праздничный обед.

Ночью было тайно собрано совместное комсомольское и партийное собрание, где были выбраны добровольцы для проведения задуманного

«спектакля». Всем им надлежало перед праздничным обедом выпить по таблетке (отец назвал их конным рвотным), что вызовет сильное расстройство желудка, рвоту и временное недомогание. Все это не опасно и вскоре должно пройти.

Военнослужащие, поняв ситуацию, согласились принять участие в этом деле. И вот спустя полчаса после праздничного обеда из Хабаровска в сторону погранзаставы с сиренами понеслись машины «Скорой помощи»!!! Врачи, носилки, паника! Все было инсценировано как надо.

А солдатик отправился по указанному адресу, где уже готовилась операция по аресту всей диверсионной группы. Диверсанты были арестованы.

Все кончилось хорошо. За разработку и проведение этой операции отец получил орден Красной Звезды (или орден Красного Знамени – не знаю точно, потому что у него был и тот, и другой). Солдатик получил памятные часы и отпуск в свою родную деревню.

Вот такая история, далеко не единственная и не самая опасная из тех, в которых отец принимал непосредственное участие.

Кончилась война, самая страшная и кровопролитная война. Кажется, наконец-то наступил мир, без крови, без тревог, без боев.

В 1945 году моего отца направляют на самый сложный в то время западный участок границы. Через весь Советский Союз, с востока на запад, для восстановления и организации новой Государственной границы Советского Союза.

9 мая 1945 года война для нашей семьи не закончилась. Прикарпатская Украина вместе с Закарпатской областью вошла в состав Советского Союза, и западная граница стала самым беспокойным, самым опасным участком. Тут война продолжалась, может быть еще более изощренная, чем прежде.

И так, до самого увольнения отца из Вооруженных сил, война присутствовала в нашей семье – с волнением и страхом, ожиданием и любовью, с гибелью друзей и праздником Победы.

*Ощепкова (Рыжкина) Нонна Владимировна,
кандидат технических наук, доцент кафедры физики,
Яньшина (Рыжкина) Вера Владимировна*

СОКРОВИЩЕ СЕРДЦА

(О нашей землячке Гусноловой-Марченко)

С Зинаидой Михайловной я познакомилась в феврале 1973 года, до этого знала о ней из литературы.

Меня сразу поразила эта удивительная женщина. Она не была похожа на инвалида: красивая, ухоженная, доброжелательная, жизнерадостная.

Своим оптимизмом она заражала всех окружающих людей.

Зинаида Михайловна каждый день рано вставала, приводила себя в порядок, открывала свой блокнот, и у неё начинался трудовой день.

Каждый день был расписан, распланирован: что требовалось сделать по дому, кому позвонить, с кем встретиться.

Не она, инвалид, без рук и ног, просила у людей помощи, а люди шли к ней со своими проблемами, со своими бедами, заботами, неуверенностью в своих силах.

Много лет она была депутатом городского Совета, и свои депутатские обязанности выполняла сполна. Она никогда не кому не отказывала в просьбе, всех принимала, всем оказывала помощь.

Кому-то требовалось устроить ребенка в сад, кому-то необходимо было организовать доставку дров, кого-то положить в больницу и организовать квалифицированную консультацию, кому-то отремонтировать квартиру, с кем-то просто поговорить, утешить, дать совет.

Кроме этого, она часто выступала перед студентами, школьниками, воинами, принимала различные делегации.

При мне только один раз она отказала в приеме одной немецкой делегации.

Когда ей позвонили из горкома партии и попросили о встрече, она ответила: « Я не готова сегодня к встрече с ними, мне слишком тяжело видеть их. Я понимаю, что это не те фашисты, но извините меня».

Почти каждый день к ней приходили люди, которые были проездом в Полоцке несколько часов. Она всех принимала, кормила, угощала чаем, беседовала, отвечала на вопросы. Одни проходили за советом, другие просто посмотреть.

Для меня с Володей были примером её взаимоотношения, с мужем: терпение, взаимоуважение, забота друг о друге, каждый старался доставить радости друг другу.

Первые распутившиеся цветы, первую созревшую ягоду Иосиф Петрович приносил Зинаиде Михайловне. Дарил ей памятные подарки в день рождения, по случаю рождения детей.

И она отвечала взаимностью. Родила девочку в 38,5 лет, потому что муж мечтал о девочке, дочке.

В роддом на третий этаж она поднималась самостоятельно, на протезах.

Она умела быть заботливой, доброжелательной, никогда не лукавила, умела дружить. В друзьях у Зинаиды Михайловны и Иосифа Петровича была половина Полоцка, дружба была сердечная, бескорыстная.

Семь лет, которые я прожила рядом с Зинаидой Михайловной, в моей памяти оставили самые лучшие воспоминания, я многому поучилась у этой замечательной женщины и благодарна судьбе, что она свела нас вместе.

*Екатерина Михайловна Марченко,
старший преподаватель кафедры
теплогазоснабжения и вентиляции
14.04.2005 г.*

P.S.: Она никогда не жаловалась на свою судьбу, только говорила «Не будь я инвалидом, я могла бы сделать больше».

Последнюю публикацию о Зинаиде Михайловне я предлагаю вам:

«На Витебщине учредили премию, которая для ее обладательниц дороже и выше всех наград. Она присваивается ежегодно за высокий нравственный пример в укреплении семьи и воспитании детей, установлении и поддержании гармоничных семейных отношений. И носит имя полочанки, Героя Советского Союза Зинаиды Тусноловой-Марченко.

...К небольшому домику, теперь уже музею, утопающему в саду на берегу величавой Западной Двины, любят приезжать невесты. Они еще не знают, что любовь – это ртуть, которую можно удержать в открытой в сжатой руке. Им кажется, что счастье вдвоем будет вечно, но из всех вечных вещей любовь длится короче всего. Потому что не выносит темных пятен стыда и неверности. Свет ее заставляет блистать каждый предмет, теплота ее способна растопить лед, а ее сладость заглушает всякую горечь. И если женщина до преклонных лет сохраняет нежное сердце, трепетное к избраннику, готовое согреть, защитить и оправдать его в горестную минуту, супружество все вынесет, не потускнеет и не наскучит.

Солдаты той смертельной схватки

Большое счастье Человеку встретить Человека. Зина увидела Иосифа Марченко на танцах в Ленинск-Кузнецком. Девушка она была видная – секретарь комсомольской организации угольного комбината, лучший осо-авиахимовский стрелок. Работала химиком-аналитиком в лаборатории и второй год добивалась отправки на фронт. Но военком отказывал:

– На фронте сейчас нужны люди совсем другой специальности: медсестры, например, санинструкторы.

– Так пошлите меня на курсы!

– Достала ты меня, Туснолобова. Не зря имя твое переводится: «из рода Зевса». Вот направление – с завтрашнего дня пойдешь в школу ротных санинструкторов...

Молодой чернобровый офицер пригласил ее на вальс и так загадочно посмотрел в глаза, что она пошутила:

– Не взгляд, а рентген. Невесту что ли выбираете?

– Впереди фронт. О свадьбе думать не положено. Но в твоих глазах увидел родственную душу.

Через пять минут она знала о нем все. Авиационный техник, родом с Украины, простой и улыбчивый, а впечатление такое, будто знакомы давным-давно.

Три месяца они не расставались ни на день. Вот уже и Зинина практика в госпитале кончилась, а на фронт не посылают. Первым уехал Иосиф. Крепко прижал к груди, молча достал свою фотографию. На обратной стороне карандашом написал: «Моему любимому другу Зине».

Она протянула свою карточку: короткая стрижка, строгое черное платье с белым воротничком и четырьмя белыми пуговками, ни дать ни взять – гимназистка.

Они не клялись любить друг друга вечно, большое чувство всегда молчаливо.

На фронт Зина попала в июле 1942 года. Из первого боя осталась единственным живым санинструктором. Фашисты стремились захватить Воронеж – город в центре плодородных земель. Бились за каждую ложбинку, выступ, кустик. Четыре дня боев – 40 спасенных Зиной бойцов. Бесстрашная и отличный стрелок, она ходит в атаку и этим вызывает к себе большое уважение.

– Старший сержант Гуснолобова, приказываю беречь себя. Нам такие сестры как воздух нужны.

Командир Михаил Тимошенко строг, но выговаривает писарю за то, что тот небрежно ведет учет вынесенных Зиной с поля боя раненых бойцов:

– Да она будет профессором медицины, и вам потом будет стыдно перед светилом науки.

Через неделю командир прикрутит к ее гимнастерке первый боевой Орден Красной Звезды.

В январе 43-го началось освобождение Верхнего Дона. Снегопады и морозы нашим солдатам помогали. 13 января разгорелся бой за станцию Горшечная и Старый Оскол.

«Дуб падает с шумом, а былинка тихо»

У Зины на ногах один валенок черный, другой – белый, шинель не по размеру – колобком, но ползти в ней по снегу удобно. Она в пятидесяти метрах от цели, как приказал командир.

– Тимошенко ранен!

Подгребая снег, она прибавила скорости. Курносое Мишино лицо было белым, как полотно. Глаза неподвижно глядели в небо, Командир был мертв. Быстро взяла его оружие и документы, поползла к другому раненому. И тут ее чиркнуло по руке, горячее жало вонзилось в правое бедро, скальпелем пришлось по затылку. Зина провалилась в темноту.

Очнулась от разговора. По полю шли солдаты. Прислушалась. Речь была немецкой. Большие тени двигались прямо на нее. Надо притвориться мертвой.

– Унд зогар ист руссише вайб! (И даже русская баба!)

При виде женщины, которая тоже воют с немецкими солдатами, офицер пришел в бешенство. Ногой ударил Зину в живот, а прикладом в лицо и голову. Она опять потеряла сознание.

Полковые разведчики нашли ее на вторые сутки. Правой стороной тело вмерзло в кровавую лужицу. Кожа на лбу содрана, нос разбит, на щеке огромный синяк, руки без перчаток покрылись изморозью.

– Сестричка, родная, за что же они тебя так? – наклонился над ней разведчик. – Ребята, ее надо с почестями похоронить. Доставайте ножи, будем откалывать лед...

Они принялись за работу, и, когда попытались вырвать тело из ледового плена, Зина застонала.

– Кладите на маскхалат и бегом в медсанбат!

Она спасла 128 бойцов. Но в медсанбате не оказалось никого, кто спас бы ее саму. Зину Туснолобову срочно переправили в Свердловский госпиталь.

Хирург Николай Васильевич Соколов видел всякое, но, поняв, что от этого прекрасного девичьего тела придется оставить один обрубок, втайне пожалел, что смерть обошла санинструктора стороной. Щадя Зину, он отрезал обмороженные конечности по минимуму, но через некоторое время начиналась сухая гангрена, и снова ампутация. Восемь операций, после последней на кровати лежал запеленатый в бинты метровый кокон, лица не видно, только щелочки для глаз и для рта.

Соколов сутками не выходил из операционной, но Туснолобова все же занимала его мысли. Он сам ее перевязывал, никому не доверял. И, видя налитые слезами глаза, однажды сказал:

– Зина, я придумал рискованную операцию. Если по методу Крукенберга разделить локтевую и плечевую кости, у тебя будет как бы два больших пальца. При хорошей тренировке ты будешь держать иглу, а на свой день рождения и чарочку поднимешь. Мне нужно только твое согласие.

В несчастье судьба всегда оставляет дверцу для выхода. Терпеть мучительную боль днем и ночью может не всякий дюжий мужчина, а тут былинка на ветру, а столько мужества.

– Счастье благотворно для тела, – сказал ей Соколов, – но только страдание развивает способности духа. Я видел, ночью ты качаешь большую руку, как ребенка. Бесперывных дождей и туч не бывает, Зина, прорвемся! Сегодня начнем тренировать новые «пальцы», ждать, пока пройдет всякая боль, нельзя, может быть поздно.

Врач обкладывал Зину подушками, и, сидя в этой «крепости», она училась брать ложку.

Павка Корчагин – духовный брат

Случайная встреча с хорошей книгой может навсегда изменить судьбу человека. Соколов положил на тумбочку «Как закалялась сталь» и красное яблоко – в награду за мужество. Можно представить, чего стоило ему раздобыть яблоко зимой в Свердловске!

Книгу она читала всю ночь, перелистывая страницы языком. И поняла, что жизнь может быть хрупкой, как крылышко стрекозы, но стойкость в час напора ярых злоключений делает удары судьбы ничтожными. Ай да доктор, он давно прочел Зинины мысли о бессмысленности дальнейшего

существования и сделал все, чтобы вновь поверила: человеческая жизнь дороже золотой жилы. Слепой писатель Николай Островский перевернул все в ее душе, убедив: достаточно мгновения, чтобы стать героем, но необходима целая жизнь, чтобы стать достойным человеком.

Утром своими двумя косточками на левой руке она подняла графин.

– А теперь к культе правой руки привяжем специальную манжетку и будем учиться писать, – сказал врач.

Карандаш казался штыком. О буквах не могло быть и речи – только палочки и крючки. Первое слово «мама» появилось на бумаге спустя три месяца. Почти полтора года в госпитале, а дома ничего не знают. Правда, одно коротенькое послание она отправила, продиктовав медсестрам: «Не пугайтесь, что пишу не сама. Это временно. Отдыхаю сейчас в Свердловске... Подумаешь, ранили. Зато сердце целое и голова еще на плечах»... И подписала: 303 стрелковая дивизия, 849 гвардейский полк.

Теперь пришел час выложить чистую правду. Первое письмо Иосифу Марченко. Фотография его под подушкой. Открыла, посмотрела – и будто с ним встретилась. Волевое лицо. Стройный, красивый, в военной форме и щегольских сапогах. Два кубика в петлицах. Кому-то жених на зависть будет. «Мой дорогой Иосиф! Пишу все как есть, ничего не хочу скрывать. Обманывать, ты же знаешь, я никогда не умела. Со мной стряслась непоправимая беда. Потеряла руки и ноги. Горько и обидно оставаться в 23 года инвалидом, получать пенсию и просить подать воды. Видимо, песенка моя спета. Будь свободным, родной. Не могу, не имею права стать преградой на твоём пути. Устраивай свою жизнь, как будто меня никогда не было. Прощай...»

Остаток ночи тихонько проплакала. Первым откликнулся брат Женя, он и приехал в госпиталь. Ко встрече с мамой тщательно готовились. Надели на Зину гимнастерку, прикрепили ордена. Мать вошла в помещение и молча опустилась перед Зиной на колени. Через два дня ее русые волосы стали совсем седыми.

В госпитале оказался корреспондент фронтовой газеты «Вперед на врага!». Хирург Соколов рассказал ему о судьбе мужественной девушки. Тот сфотографировал Зину и спросил, что она хочет передать однополчанам.

– Чтобы отомстили за меня проклятому врагу!

А ночью, опершись на тумбочку, она написала письмо в свою любимую газету «Комсомольская правда». Почерк у нее уже был, как у полкового писаря – крупные, круглые, ровные буквы.

«Друзья, меня нет в ваших рядах, но я всем сердцем с вами. Каждый день я наблюдаю за вашим продвижением вперед...» Рассказала о себе. Родом из Полоцка. Отец завербовался на шахту, и семья переехала в Кузбасс. Потом война и трагедия. «Отомстите за истерзанную землю, за нашу растоптанную молодость, за пожарище наших городов и деревень. Бейте врага! Приближайте светлый час Победы!»

15 декабря 1943 года «Комсомолка» опубликовала Зинино письмо. Болеть стало некогда. В палату приносили письма мешками. Многие были похожи на донесения: «Взяли Велиж. Уничтожили 230 фрицев. Скоро будем в твоём родном Полоцке».

Из заводских ворот выходили танки с надписью на броне «За Зину Туснолобову». А кавалер Орденов Красного Знамени и Красной Звезды летчик Петр Андреев громил врага, счастливо летая на Ил-2, на фюзеляже которого тоже красовалась Зина.

Солдатские письма находили Зинаиду и в Москве, в НИИ протезирования, куда ее отправил хирург Соколов. Сняли мерки. Сделали руки и ноги. И началось новое испытание. Обессилевшее и обескровленное тело не хотело стоять вертикально. Культы ног горели огнем, первый шаг – как по раскаленным углям, чужие ноги за все цепляются и кажутся пудовыми гириями. Вместе с танкисткой Марусей Логуновой, которая после боя тоже осталась без ног, они падали, обливались холодным потом, но упрямо учились ходить без палочки.

Отстегивала протезы-мучители Маруся всегда с частушкой: «Отвяжись, худая жизнь, привяжись, хорошая!»

– Несите, девушки, свой крест. Он превратится в якорь вашего спасения. Научитесь ходить, как Маресьев – пойдете к венцу, – пророчил им протезист.

– Несчастье, доктор, не самый лучший цемент для соединения натур, – тихо сказала Зина.

Зато очень прочный, детка, – ответил он.

В тот же день она доковыляла до своей кровати и увидела на подушке письмо. Почерк Иосифа. Знакомые буквы заплясали в глазах, сердце забилось так, что звук его отдавался в висках. Но вскрыть его Зина боялась. Сутки она оттягивала встречу с тем, что внутри конверта. Наконец взяла себя в руки и надорвала зубами краешек.

Возьми мою руку и сердце

«Милая моя малышка! Родная моя мученица, никакие несчастья не смогут нас разлучить. Нет такой беды, нет таких мучений, которые бы заставили забыть тебя, моя любимая. И в радости, и в горе мы будем всегда вместе. Я тот же, прежний твой Иосиф. Вот только бы дождаться Победы, только бы возвратиться домой, к тебе, моя любимая. И заживем мы с тобой счастливо...»

Из глаз ее брызнули слезы радости за человека, который любит и ничего не боится.

«Ни о чем плохом не думай. С нетерпением жду ответа. Целую тебя. Горячо любящий тебя Иосиф»

От нее осталось только имя, все остальное был ОН! Величайшая трагедия не в том, что люди гибнут, а в том, что перестают любить. Она припала к его губам на фотографии, и на мгновение ей показалось, что они обменялись душами.

Воины 1-го Прибалтийского фронта прислали телеграмму: «Полоцк освобожден. В эту победу вложена частичка твоего сердца».

А сердце Зины рвалось домой. Она сносно научилась ходить на протезах, обслуживать себя сама, чтобы не доставлять хлопот брату и матери.

Ленинск-Кузнецкий принял бывшую лаборантку приветливо. Встречи с ней искали все, кто хотел обогатить свой внутренний мир. Не было только Иосифа. В мае 1945 года получила от него весточку: «Мои госпитальные скитания заканчиваются в Ессентуках. Через неделю приеду к тебе. Твой Иосиф».

Мама подарила свое «шлюбное» крепдешиновое платье. Помогла уложить волосы. Ожидание бередило душу, но зажигало румянцем щеки, любовью светились ее серые глаза. Он вошел, такой же красивый, как был, но возмужавший. Ордена на груди, палочка в правой руке. С боями пройдены Украина, Молдавия, Румыния, даже не царапнуло. А в Венгрии тяжелое ранение в ногу.

Они проговорили до глубокой ночи и все не могли наглядеться друг на друга. Мать забеспокоилась: «Столько, доченька, тебе сидеть нельзя». Но Зина не знала, как встать, боялась показаться беспомощной и неуклюжей. Иосиф будто перехватил ее мысли:

– Не стыдись своих протезов. Я их в госпитале хорошо изучил. Даже помогал товарищу надевать. И с твоими справимся.

– Что ты, я сама. Но было уже поздно. Он подхватил ее, как пушинку, и отнес в спальню. Горячо шептал; «Я не из жалости к тебе приехал, а насовсем. Завтра поедem в загс».

– Ты хорошо подумай, на какую жизнь обрекаешь себя с калекой, – сурово сказала она.

– На счастливую. Кто был на краю смерти, ощущает все не так, как другие. Я видел людей с виду красивых, руки-ноги при них, а внутри они уроды. А твое сердце, Зина, я знаю. Оно одно на миллион.

Утро началось со сборов в загс.

– Работника этой службы можно пригласить на дом, – предложил брат Женя.

– Нет. Мы поедem, как все, – сказал Иосиф.

Нашли лошадь, запрягли в телегу. Истинное счастье – враг пышности и шума. Им хотелось уединения, а приходилось быть на виду у публики.

Зину приглашали выступить то перед комсомольцами, то перед строителями. Иосиф устроился физруком в школе. Ни одежды, ни обуви, одна простреленная шинелька. Но он жил для Зины и считал радостью купить ей на базаре красивую кофточку или простые сережки с камешком. Их отношения были редким счастьем, которое выпадает избранным. Они обсуждали все вопросы. Познавшая страдания, Зина была зоркая умом, несмотря на свою инвалидность, необыкновенно привлекательная, простая и сердечная в отношениях с людьми. Их демонстративная неразлучность вызвала кривотолки: чем только она его приворожила? Крутит мужиком, как хочет, он что – ее любит? Не может быть!

Через год после свадьбы у них родился Славик.

Всю беременность Иосиф носил ее на руках. Пеленал мальчика, купал. Одинокaя соседка вызвалась помогать и была неплохой нянькой. Но вскоре Славик умер. Та же участь постигла и второго сына Толика. Зина почернела от горя...

Их встретил Полоцк величавый

– Давай уедем в твой родной город, – предложил Иосиф. – Видимо, здесь климат не подходит.

Только спустя 5 лет они узнали, что их «няня» болела открытой формой туберкулеза, она и заразила ребятшек...

Вовка родился уже в Полоцке. Иосиф взял ссуду, построил дом на берегу реки.

Устроился в артель «Пищевик», которая вскоре стала консервным заводом, а Марченко – его директором.

Но по-прежнему скромно держался в тени своей знаменитой жены. Зину избрали депутатом горсовета. К ней шли и ехали люди за советом,

помощью, ходатайством. Она встречала их – красивая, подтянутая, всегда при прическе. И никто не знал, каких трудов ей стоило так выглядеть, а еще научиться мыть полы и окна, готовить, штопать и поддерживать в доме чистоту и порядок.

– Мамка, а почему у тебя ножки неживые?

– Подрастешь, расскажу, – с болью в голосе сказала она.

И действительно, однажды взяла его на встречу с людьми. Там сын и узнал, какая героиня его мать.

Был холодный, туманный ноябрь. На скользкой дороге водитель не справился с управлением, и они перевернулись в машине.

– Сыночек, где ты? – кричала Зина, не обнаружив рядом Вовки.

Его благополучно выбросило в окно. А сама она вся в крови, протезы переломаны.

Испуганный подросток взял мать на руки, как это каждый вечер делал отец, и отнес в дом, удивившись, какая она маленькая и легкая.

Иосиф Петрович по-прежнему купал ее в ванной, пристегивал протезы, гладил ее платье по утрам – его Зина должна быть самой красивой. Где он отыскивал отрезки ей на костюм, когда метр простого ситца был дефицитом, – этого не знал никто.

Но самый модный фасон был на Зинаиде Михайловне. Лацкан ее пиджака уже украшали Звезда Героя Советского Союза и платиновая медаль Флоренс Найтингейл. Туснолобова-Марченко стала третьей женщиной в мире, удостоенной этой награды.

Звезду Героя ей вручал Председатель Верховного Совета, Герой Советского Союза Василий Козлов. Налив шампанского, он протянул бокал Зинаиде Михайловне: «Ваш тост!»

– Мой тост за мужа моего Иосифа Петровича! Такой встречается один на миллион. 12 лет за ним замужем, а он все носит меня на руках. Правда, приходится сидеть на овощах и твороге, чтобы держать вес.

Ее слова потонули в аплодисментах. Горожане приветствовали Иосифа Петровича как героя.

Вскоре у Вовки появилась сестренка Нина. Дети стали ее руками, ногами, продолжением ее самой.

Зинаиде Михайловне официально выделили няню. У нее была масса общественной работы. Муж строил корпуса нового завода. Но каждый выходной они уезжали то на рыбалку, то за грибами, то просто в лес. Как плод дерева жизни бывает особенно сладостным перед началом увядания, так и их отношения абсолютно не тускнели с годами, но страшные раны

войны не могли не сказаться на здоровье Зинаиды Михайловны. Накануне Дня Победы в городском Доме культуры должен был состояться большой молодежный вечер. Свое выступление она почему-то записала дома на пленку. А через полчаса у калитки стояла скорая: инсульт. Молодежь в зале слушала речь Гусноловой-Марченко стоя.

В это время врачи боролись за ее жизнь. Иосифа пропустили в реанимацию. Он прижался щекой к ее завиткам у виска и почувствовал, как уходит собственная жизнь. Она ничего не успела сказать, только легкой улыбкой дала понять, что грустить не надо...

Семь лет он жил без нее, и они казались ему вечностью. Таких не разлучает смерть. Сын Владимир Иосифович Марченко, директор газонаполнительной станции, говорит, что часто видит мать и отца во сне. Они были на земле неразлучны и на небе вместе...

В память о Зинаиде «из рода Зевса»

Герои всегда остаются жить в подсознательных глубинах великой сверхличной народной души. Вместе с полочанкой Юлией Викторовной Добрановой, обладательницей премии имени Зинаиды Гусноловой-Марченко, мы идем по берегу Западной Двины к музею.

Добрановой под 60, но выглядит много моложе. Возглавляет профком районного узла почтовой связи. А еще опекает матерей-одиночек как член женсовета клуба «София», солистка народного фольклорного ансамбля, пишет стихи.

Как много я хочу еще успеть!
Прожить не тихо – радостным порывом.
Не свечкою случайной догореть,
А словно на ходу шагнуть с обрыва...

В этом году у них с мужем Сашей рубиновая свадьба – 40 лет вместе. Он дорогу строил, которая проходила через ее деревню Зябки. Вечером зашел в клуб, а там на сцене стоит маленькая певунья, а голос, как у Зыкиной. Вот так песней и взяла сердце парня в плен. Говорят, первая любовь редко бывает счастливой, но Александр был из семьи, в которой супруги любили друг друга. Свекор на свадьбе сказал: «Процветает та семья, в которой счастлива женщина. У нас в роду не принято слабый пол обижать».

– От Саши я никогда не плакала. Он молчаливый, добрый, забота друг о друге наполняет всю нашу жизнь.

Безоблачной ее не назовешь. Сахарным диабетом в тяжелой форме заболела дочь Галя – красавица, умница. После ее смерти осталась внучка Ирочка, которую воспитывают как дочь. У сына родился больной мальчик. Люди никогда не готовы к плохому, с которым придется жить до конца дней. Ободрить, поддержать их в такой ситуации совсем не просто. Юлия Викторовна умеет сказать душевно и тактично, ее отличает порыв облегчить чью-то жизнь, творить добро непрерывно.

– В тяжелые минуты я всегда Зинаиду Михайловну вспоминаю. И

мои беды кажутся маленькими и незначительными. А мужчинам нашим Иосифа Петровича Марченко в пример привожу. Его жизнь – величайший подвиг служения женщине. В моих глазах он – настоящий герой.

Память об этих людях имеет не меньшее значение, чем их присутствие. Так, наверное, и другие полочанки думают – могила Марченко и его жены всегда в

алых гвоздиках. И те, у кого сложилась семейная жизнь, и те, у кого не удалась, идут к ним за незримым советом, помощью и надеждой. Они как хранители Любви...»

*Анна Богданова,
«Медицинский вестник»,
24 февраля 2005 г.*

Из семейного архива Гуснолобовых-Марченко

СЛОВО ОБ ОТЦЕ

Мой отец, Болгаренко Владимир Федорович родился в украинской крестьянской семье на Черниговщине 26.01.1923 г. Окончил в Чернигове педагогические курсы и с 17 лет работал учителем неполной средней школы. Готовился к поступлению в Несвижский педагогический институт, но планы изменила война. С первых ее дней был призван в ряды Советской Армии и направлен на учебу в Днепропетровское артиллерийское училище. Весной 1942 г. в 19 лет получил

свое первое воинское звание – младший лейтенант – и был направлен на Северо-Кавказский фронт. Во время боев за Кавказ в 20 лет был принят в ряды КПСС.

В 1943 – 1944 гг. в составе отдельной истребительно-противотанковой артиллерийской бригады, командуя батареей артиллерийских орудий, защищал и освобождал родную Украину на 4-м и 2-м Украинских фронтах. В 1945 г. участвовал в боях за освобождение Румынии, Польши, Чехословакии. День Победы встретил в освобожденной Праге в звании капитана. С первого до последнего дня своего пребывания на фронте находился на передовой, приходилось с боями выходить из окружения, участвовать в рукопашных схватках, несколько раз вызывать огонь на себя. Был три раза тяжело ранен, контужен. До конца жизни носил в себе фашистскую пулю и осколок снаряда. За свое мужество награжден 4 орденами и 11 боевыми и юбилейными медалями. В 19 лет награжден первым орденом – Красного Знамени, затем награждался орденами Красной звезды, Отечественной войны I и II степени. После окончания Великой Отечественной войны остался на

Капитан В.Ф. Болгаренко (второй справа в верхнем ряду) с боевыми друзьями, Польша. г. Вадовице, 22 июня 1945 г.

военной службе. Служил в Прикарпатском, Одесском, Белорусском военных округах, группе Советских войск в Германии.

Закончил службу командиром отдельной ракетной части в звании подполковника.

После демобилизации работал в г. Новополоцке ст. инспектором по кадрам спецуправления № 181 треста № 24 «Спецмонтажстрой». Награждался медалью «За доблестный труд» и другими знаками отличия, почетными грамотами.

До последних дней участвовал в военно-патриотическом воспитании молодежи. Встречался со школьниками и работающей молодежью, делился воспоминаниями о своих фронтовых друзьях, которых никогда не забывал, о трудных военных днях, растянувшихся на долгие годы, горьких потерях и радости Победы.

*Любовь Владимировна Дмитриченко,
библиограф 1 кат., дочь*

Связка гранат

Октябрь 1942 года. Гитлеровские полчища, захватив богатые просторы Кубани и Ставрополя, бешено рвались к нефтеносным районам. Жесткие бои завязались в предгорьях Кавказского хребта. Противотанковый артиллерийский полк, защищая город Нальчик, весь день отбивал атаки фашистских танков. Уже вышли из строя все орудия, кончились боеприпасы, а фашисты все наседали и наседали...

...Младший лейтенант Земляк, раненный в обе ноги, лежал у разбитого орудия. Еще минуту назад, когда в расчете не было человека, способного вести огонь, он выпустил последний снаряд, но танк не остановился. Теперь и орудия не было. Рядом с ним лежали убитые: командир младший сержант Громов и наводчик ефрейтор Малютин. Справа в стороне от него стонал тяжелораненый бронебойщик Раимов. Вокруг валялись пустые гильзы от снарядов и обломки изуродованного орудия. Около Раимова на горке пустых патронных гильз лежало длинное противотанковое ружье и свернутая плащ-палатка.

Кружилась голова, подступала тошнота, хотелось пить. К правому бедру прилипла напитавшаяся кровью одежда, и было такое ощущение, будто по ноге ползают муравьи. Острая боль чувствовалась у колена левой ноги.

Преодолевая боль, Земляк поднял голову и посмотрел туда, где горели танки. Их было несколько. Они время от времени выбрасывали черные клубы дыма, которые тут же подхватывались легким ветром и плыли по кукурузному полю. Злобно лязгая гусеницами, из дыма выполз фашистский танк и двигался прямо на Земляка. Дрожала земля, строчил танковый пулемет, и над головой со свистом пролетали нули. Сверкая отполированными гусеницами, танк приближался. Черный с белым оттенком крест на броне зловеще подпрыгивал и на глазах увеличивался.

Земляк машинально вынул из кобуры наган, но, вспомнив, что в нем осталось только два патрона, положил его за борт телогрейки и посмотрел вокруг. Потом, усиленно работая руками, напрягаясь всем телом, несколько раз перевернулся и, очутившись рядом с мертвым Грозовым, ощутил под собой что-то круглое и твердое. Перевернувшись еще раз, он увидел связку гранат, зажатую в руке командира орудия.

– Нет, гад! Дальше ты не пройдешь! Я тебя не пущу...

Схватил связку гранат, уже не чувствуя боли, оперся на левую руку, зубами выдернул предохранительную чеку и бросил связку под танк. Яркая вспышка ослепила глаза, что-то острое кольнуло в шею, невидимая сила подхватила и бросила в сторону. Земляк потерял сознание. Очнулся он от толчка в спину и открыл глаза. Склонившись над ним, стояли командир батареи лейтенант Цыхоня и разведчик Задерновский, а рядом высилась громадина фашистского танка с разорванной гусеницей.

*В. Болгаренко,
подполковник запаса, член внештатного отдела
по военно-патриотическому воспитанию*

ДЗЕЦІ З ЗААЗЕР'Я

Беларусь – прыгожая краіна. Яе прыгажосць не яркая, а сціплая і пяшчотная. Чым болей жыву, тым болей прасякаюся сумнай любоўю да радзімы маёй маці і яе братоў. Гэта вёска Заазер'е, што на Аршаншчыне. Размешчана яна на ўзгорку, пад якім – невялікае возера, а каля яго, крыху далей – яшчэ адно, а яшчэ далей – Арэхаўскае возера, на беразе якога была пабудавана першая электрастанцыя на Беларусі – БелДРЭС.

Я ніколі не бачыла сваіх бабулю Сцепаніду і дзядулю Івана. Іван Шарыпа, мой дзед, загінуў на Першай сусветнай вайне. Адноўчы, ужо ў 1918 годзе, Сцепаніду на вуліцы аклікнуў аднавясковец, які вярнуўся дадому з вайны: «Твайго Івана даўно забілі. Не чакай яго...» Раптоўная навіна загубіла жанчыну, яна не перанесла смерці мужа.

Уадначас сіротамі засталіся пяцёра дзяцей: Рыгор (1907 года нараджэння), Раман (1910 года нараджэння), Васіль (1912 года нараджэння), Фруза, мая маці, (1915 года нараджэння) і Ганна (1917 года нараджэння). Жылі тым, што малодшыя, Васіль з Фрузай, пабіраліся па навакольных вёсках, а старэйшыя, Рыгор з Раманам, працавалі падзённа. Увечары усе збіраліся дома... Калі адноўчы, вярнуўшыся дахаты, яны знайшлі памерлай сваю малодшую сястрычку, то ўздыхнулі з палёгкай: «Вось і клопату меней, вась на адзін рот паменела...» Даруем ім дзіцячую жорсткасць, памятаючы, на якое ліхалецце прыпала ім жыць.

На пачатку 20-х гадоў, калі пачалася барацьба з беспрытульнікамі, іх спрабавалі размеркаваць па розных дзіцячых дамах і калоніях, але яны зноў і зноў вярталіся ў сваю родную вёску, трымаючыся адзін аднаго...

Тут, у Заазер'і, усе закончылі пачатковую школу. Фруза пайшла вучыцца далей у школу сялянскай моладзі. Пасля яе заканчэння паступіла на рабфак пры Віцебскім педагагічным інстытуце. Рыгор, Раман, а потым і Васіль уладкаваліся на працу ў леспрамгасе.

У снежні 1929 года Рыгор быў залічаны чырвонаармейцам у асобную роту сувязі. У 1932 годзе ён паступіў у школу авіяцыйных тэхнікаў у Іркуцку, а ў 1936 – 37 гадах ўжо быў выкладчыкам эксплуатацыйнага курсу. Менавіта тады у гэта вучылішча паступае і яго брат Васіль, які пасля заканчэння вучобы быў накіраваны ў атрад выпрабавальнікаў самалётаў. У 1939 годзе ён быў абвінавачаны ў шкодніцтве і знаходзіўся ў зняволенні. Яго выпусцілі ў снежні 1941 года. **Васіль Іванавіч Шарыпа загінуў у снежні 1941 года пад Вязьмай.**

Рыгор Іванавіч Шарыпа ў снежні 1937 г. быў прызначаны тэхнікам звяна 1-й хуткаснай бамбардзіровачнай авіяцыйнай эскадрыллі. Загадам НКА № 00212 ад 20.04.1938 г. прызначаны старшым інжынерам эскадрыллі 44-га хуткаснага бамбардзіровачнага авіяпалка, у складзе якога ў 1940 годзе прымаў удзел у Фінскай вайне (у барацьбе з белафінамі – запісана ў даведцы).

З пачаткам Вялікай Айчыннай вайны Шарыпа Р.І. – старшы тэхнік 325-й асобнай разведвальнай авіяэскадрыллі. **Рыгор Іванавіч Шарыпа загінуў 1 жніўня 1942 года.**

Калі мая маці вучылася Пад час вучобы ў Віцебскім педагагічным інстытуце, брат Рыгор высылаў ёй свае харчовыя талоны. Па гэтых талонах з сяброўкамі па чарзе хадзілі ў сталовую для вайскоўцаў. Паколькі хлеб у хлебніцах ляжаў свабодна, то кожная павінна была прынесці яго ў інтэрнат студэнткам як мага больш. У хуткім часе ў зборы хлеба маёй маці пачаў дапамагаць адзін з лётчыкаў... Яны ажаніліся, у 1937 годзе ў іх нарадзіўся сын Ігар. З верасня 1939 года маці з мужам, Прашко Рыгорам Леанідавічам, знаходзіліся на новастворанай дзяржаўнай мяжы ў горадзе Аўгустоў. **Рыгор Леанідавіч Прашко загінуў 22 чэрвеня 1941 года.**

Калі ўначы 22 чэрвеня пачалася баявая трывога, быў аддадзены загад вывезці жанчын з дзецямі. Іх давезлі да Мінска, які ўжо бамбілі. Далей яны рушылі пешшу ў бок Смаленска, наперадзе адступаючай Чырванай Арміі. Непадалёку ад Смаленска ў жніўні 1941 года, калі фашысцкія войскі іх дагналі і разгарнулася жорсткая бітва, маці з сынам вярнулася ў сваю родную вёску Заазер'е. У хуткім часе, калі ў вёску прыйшлі фашысты, яна была арыштавана і пасаджана ў турму як жонка ваеннаслужачага. Аднавяскоўцы, сабраўшы сала, мяса, яек, выкупілі яе з палону. У 1941 годзе такое яшчэ было магчыма. Разам з усімі заазерцамі маці і сын перажылі гады ліхалецця.

Пад час вызвалення Беларусі фашысты замацаваліся ў Заазер'і на могілках, якія размяшчаліся на ўзвышшы і адкуль раскрываліся шырокія далягляды. Каб выбіць ворага з вёскі, па могілках быў адкрыты артылерыйскі агонь. Таму не захавалася месца пахавання бабулі Сцепаніды. У 1944 годзе, пасля вызвалення Беларусі, маці была прызначана дырэктарам дзіцячага дома на ст. Хлюсціна (Мінска-маскоўская чыгунка). З 1947 года Шарыпа Ефрасіння Іванаўна працавала настаўніцай хіміі ў школе на БелДРЭСе.

Адзіны, хто прайшоў усю Вялікую Айчынную вайну з 22 чэрвеня 1941 года па 9 мая 1945 года быў Шарыпа Раман Іванавіч.

Калі пачалося будаўніцтва першынца беларускай энергетыкі, Раман Іванавіч працаваў на будоўлі, а потым рабочым БелДРЭСа.

Расказвае дачка, Шарыпа Марыя Раманаўна: «У 1939 годзе бацька прызываецца ў Рабоча-сялянскую Чырвоную Армію і адразу аказваецца ў гушчы падзей сталінскай знешняй палітыкі ў якасці радавога выканаўцы яе стратэгіі і тактыкі. У верасні 1939 года ваюе супраць войска Польшкага за далучэнне Заходняй Беларусі да СССР. У адпаведнасці з «пактам Молатава – Рыбентропа» савецкія войскі спыняюцца на лініі Аўгустоў – Беласток – Бельска-Падляск.

Генеральны штаб СССР, рыхтуючыся да вайны, найбольш небяспечным стратэгічным напрамкам лічыў Украіну, а не Беларусь. На гэтым напрвмку гітлераўскае вярхоўнае камандаванне ў чэрвені 1941 года ўвяло ў дзеянне самыя магутныя свае групы.

22 чэрвеня 1941 года, у першы дзень вайны, пад Беластокам Раман Іванавіч атрымлівае сваё першае раненне і змяшчаецца ў шпіталь. Пасля шпіталю ён быў адпраўлены на Каўказ. Тут ён не толькі ўдзельнічае ў баявых дзеяннях у складзе стралковай дывізіі, але і выконвае спецыяльныя заданні па падрыву чыгункі, ліквідацыі нямецкіх вагонаў з боепрыпасамі, наладжванні кантактаў з мясцовым, антыфашысцкі настроеным, насельніцтвам. Тут, у Краснадарскім краі, Раман Шарыпа ўпершыню сутыкнуўся з фактам, што не ўсе грамадзяне СССР горача любяць савецкую ўладу. Выконваючы дыверсійнае заданне, ён сустраўся з прадстаўніком кубанскага казацтва, пагражаючага далажыць немцам аб яго прысутнасці ў станіцы. Выхад, каб уратаваць не толькі сваё жыццё, але і гонар савецкага салдата, быў адзіны: знішчыць здрадніка, як знішчалі ворагаў. Медаль «За абарону Каўказа» Раману Іванавічу быў уручаны толькі 10 кастрычніка 1945 года.

Аб далейшым баявым шляху Шарыпы Р.І. сведчаць, па-першае, даведкі, выдадзеныя ваеннымі шпіталямі: аб раненні, кантузіі; па-другое, лісты падзякі за выдатныя баявыя дзеянні ад імя Вярхоўнага Галоўнакамандуючага Маршала Савецкага Саюза таварыша Сталіна: 25 чэрвеня 1944 года – за ўдзел у баях пры прарыве ўмацаванай абароны немцаў, прыкрываючай **Бабруйскі напрамак**; 28 ліпеня 1944 – за вызваленне **Брэста**; 21 студзеня 1945 – за ўзяцце горада **Гумбінен**; 31

студзеня 1945 – за горад **Фрыдланд**; 10 лютага 1945 – за горад **Прэйсіш-Айлау**; 29 сакавіка 1945 – за ўдзел у разгроме ўсходне-прускай групы нямецкіх войскаў паўднёва-заходней **Кёнігсберга**. Апошняя падзяка атрымана Гвардыі старшым лейтэнантам Раманам Іванавічам Шарыпам паводле загада Вярхоўнага Галоўнакамандуючага Маршала Савецкага Саюза таварыша Сталіна па войсках Чырвонай Арміі і Флота ад 2 мая 1945 года № 359 войскам, якія ўдзельнічалі ў баях за авалодванне **Берлінам**.

Паміж гэтымі падзеямі было раненне пад Брэстам, шпіталь. Вяртанне на фронт, на тэрыторыю Прыбалтыкі. Тут ён аказваецца пад пільнай увагай СМЕРШа і абвінавачваецца ў развале дысцыпліны ў сваім падраздзяленні. «Развал» быў у тым, што байцы пры ўзяцці аднаго з літоўскіх «мястэчак» не ўстрымаліся ад пачастунка «бімберам» (самагонкай), які быў прапанаваны мясцовымі жыхарамі. З пункту гледжання СМЕРШа вінаватым у гэтым быў, безумоўна, камандзір. Пад суд яго не аддалі, але вынеслі іншае рашэнне: прызначыць камандзірам штрафной роты. Як вядома, штрафныя падраздзяленні ўзначальвалі былыя камандзіры і камісары. Яны павінны былі «змаць крывёю» сваю правіннасць. Рота, у якую быў прызначаны камандзірам Р.І. Шарыпа, удзельнічала ў штурмах Гумбінена, Фрыдланда, Прэйсіш-Айлау і Кёнігсберга.

У газеце «Ленінскі заклік» (Орган Смалевіцкага райкома Камуністычнай партыі Беларусі і раённага Савета дэпутатаў працоўных) ад 6 студзеня 1972 года ў артыкуле «**Кавалер ордэна Аляксандра Неўскага**» расказваецца наступнае: «Нашы войскі гналі фашысцкага драпежніка ў ягонае логава. На тэрыторыі Усходняй Прусіі кожны горад і кожная вёска былі ператвораны гітлераўцамі ў крэпасці, былі акружаны дотамі і дзотамі.

Ля аднаго населенага пункта праходзіла лінія абароны фашыстаў. Раману Іванавічу Шарыпу было загадана знішчыць доты, падавіць агнявыя пункты праціўніка і забяспечыць прасоўванне нашых войскаў наперад. Заданне было выканана бліскуча, вораг быў выбіты з умацаванага раёна і ў паніцы адступіў. Раман Іванавіч Шарыпа за выкананне гэтай аперацыі і праяўленую мужнасць, а таксама за прыняцце самастойнага рашэння быў узнагароджаны ордэнам Аляксандра Неўскага.

Далей былі ордэн Чырвонай Зоркі і іншыя ўзнагароды...»

Да іншых узнагарод можна дадаць медалі: «За абарону Каўказа», «За ўзяцце Кёнігсберга», «За ўзяцце Берліна», «За перамогу над над Германіяй у Вялікай Айчыннай вайне 1941 – 1945 гг. »

У пасляваенны час Раман Іванавіч вяртаецца на БелДРЭС. Калі пачалося будаўніцтва электрастанцыі ў Жодзіне, ён з сям'ёй пераязджае туды. Цяжкасці, з якімі сутыкаюцца ўсе, хто мяняе месца жыхарства, дапамаглі пераадолець сябры. Новікаў Аляксандр Аляксандравіч, Пашук Мікалай Міхайлавіч – такія ж франтавікі, прайшоўшыя вогненныя шляхі Вялікай Айчыннай, былі надзейнымі дарадцамі. Яны да апошніх дзён былі вернымі, сапраўднымі сябрамі.

З артыкула: «Увесь час пасля вайны Шарыпа Р.І. працуе энергетыкам і крочыць у першых шарэнгах. За добрасумленную працу ветэран узнагароджаны ордэнам Працоўнага Чырвонага Сцяга, медалём «За доблесную працу», Ганаровай граматай Вярхоўнага Савета Беларускай ССР. Ветэран вайны і працы не пакінуў строя: ён працуе начальнікам змены паліўна-транспартнага цэха Смалевіцкай ДРЭС».

Раман Іванавіч Шарыпа памёр 3 снежня 1979 года. Яго хавалі ўсім горадам, труна стаяла ў Доме культуры энергетыкаў, ігралі два аркестры. І ў апошні шлях, некалькі кіламетраў, да могілак яго пранеслі на руках.

...На сінявокай Беларусі шмат вёсак з назвай Заазер'е. Яны не менш прыгожыя, чым Заазер'е на Аршаншчыне. Час ад часу думаю: колькі Рыгораў, Васілёў, Раманаў, Іванаў жыло ў іх да вайны? Праз што прайшлі яны ў час вялікага выпрабавання? Хто з іх вярнуўся дадому? Як склаўся іх жыццёвы шлях? Кім былі ў пасляваенны час? Ці былі яны шчаслівымі?

*Грудніцкая Тамара Аляксандраўна,
загадчыца Музея навукі і асветы Полаччыны пры ПДУ*

БЫЛА ВОЙНА В БОБЫНИЧАХ...

Мало кто знает деревню Бобыничи Полоцкого района.

До войны в ней в основном жили евреи и лишь незначительную часть населения составляли белорусы. Бобыничи была по тем временам зажиточной деревней, даже не деревней, а местечком. Местечко имело свой маслозавод, школу (а она была не в каждой деревне), почту, парикмахерскую. У многих евреев были свои лавки, где продавались ткани, кулинарные изделия и многое другое. Местечко Бобыничи находилось в семи километрах от границы с Польшей. Рядом – колхоз имени Мелешко, созданный в 1929 г. и названный в честь первого председателя колхоза, убитого кулаками.

22 июня 1941 года деревня жила обычной жизнью: работали в поле колхозники, паслись коровы. Заливались жаворонки. Таких голосистых, как около Бобыничских озер, нигде больше нет! Местечко еще не знало, что впереди – четыре года войны, мучительных и жестоких.

Фото автора

Весть о начавшейся войне облетела Бобыничи за считанные минуты. Жители догадывались, что это произойдет, но не думали, что так скоро. Многие молодые люди уходили добровольцами на фронт. А те, кто оставался, ждали и верили в победу. И жили сводками Совинформбюро. Верили, что Красная Армия всех сильнее, что противник будет побежден.

И лишь узнав днем 15 июля 1941 года, что в Полоцке установлен оккупационный порядок, жители Бобынич поняли, насколько силен противник...

С начала войны каждые сутки в сельском совете дежурили несколько комсомольцев, чтобы не пропустить ни одного важного сообщения. Так и в этот день на дежурство заступили две комсомолки, среди них была Нина Бутько, моя бабушка, дочь бригадира колхоза им. Мелешко. Позвонили из Ветринского райкома партии и попросили девушек, чтобы те пригласили к телефону председателей колхоза и сельсовета, чтобы передать важное сообщение. Нина Бутько, оставив свою подружку в сельсовете, побежала, прежде всего, к своему отцу. Вскоре в сельсовете собрались отец Нины, Бутько Марк Тимофеевич, и два председателя – колхоза и сельского совета. Им сообщили, что немцы находятся в 7 км от Ветрино. Председатель колхоза был расстроен, ведь ему приказали срочно эвакуировать скот. А куда?

*Бутько Нина Марковна (слева),
1944 г.*

На следующее утро местные жители стали угонять колхозный скот в глубь страны на восток. Некоторые семьи уходили вместе с обозами. Через двое суток наткнулись на танки. «Наши едут! Наши!» – понеслось по обозам. Мальчишки побежали к танкам. Но из открытой смотровой щели танка прозвучали слова: «То ест немецкий танк, а не русский кочерг». Ребята бросились бежать. Немцы! Так близко! Началась паника. Куда угонять скот? Беженцы решили вернуться назад, в местечко.

*Бутько Нина Марковна
и Подсадник Николай Андреевич,
учитель немецкого языка,
1951 г.*

ка прозвучали слова: «То ест немецкий танк, а не русский кочерг». Ребята бросились бежать. Немцы! Так близко! Началась паника. Куда угонять скот? Беженцы решили вернуться назад, в местечко.

16 июля 1941 г. немцы оккупировали Ветрино.

17 июля 1941 г. в мою родную деревню ворвались немцы.

Был солнечный день, и никто даже не мог подумать, что именно сегодня деревня начнет жить по-иному. Заслышав гул мотоциклов, бобыняне бросились прятать продукты, скот, кур. Гитлеровцы остановились в школе, где когда-то в просторных классах звенели

детские голоса. Здесь разместился гарнизон из 25 человек. Немцы оплели весь участок гарнизона колючей проволокой. Они брали у хозяев все, что хотели. Хозяйки, видя, как убивают последнего поросенка, заливались слезами. Стоило кому-нибудь возразить, как тут же его расстреливали, а хату сжигали.

Особенно зверствовали немцы в лавках евреев. Их выгнали из домов, не разрешив ничего взять с собой. Евреев собрали в три дома. Там, прижавшись друг к дружке, евреи ждали смерти. Но смерть пришла нескоро, лишь через долгие месяцы. А пока их ждала изнурительная, под плетками, когда за каждое неловкое движение били, работа на маслозаводе. Питались они объедками, которые оставались от фашистов. Некоторым евреям удавалось сбежать из-под стражи, но на следующий день беглецов находили и расстреливали. Да и куда убежишь без продуктов и теплой одежды?

Немецкая комендатура, находившаяся в Ветрино, узнав о том, что в этом местечке по сравнению с другими районами Белоруссии евреи живут «благополучно», направила в Бобыничи карательный отряд.

...Ясным, морозным днем евреев вели на расстрел. Они шли, прощаясь с местами, где они родились и жили, с добродушными белорусами и со своей жизнью. Были среди них дети. Выведя евреев в поле возле кладбища, немцы заставили их рыть могилы. Мерзлая земля не поддавалась лопате... 28 января 1942 г. навечно осталась в памяти бобынян. В этот день было убито 108 евреев.

С появлением партизан положение жителей Бобынич ухудшилось. Немцы ввели комендантский час. Теперь после семи вечера за околицу нельзя было выходить. Но это не пугало патриотов. Люди темными ночами, когда немцы спали, передавали военнопленным, бежавшим из лагеря (был в д. Будьковщина с июля 1941 г. по июнь 1944 г.), продукты и одежду. Если немцы узнавали про эту связь, то вешали всю семью.

В Бобыничах связной с отрядом «Мститель» была Мария Редько. Эта веселая и умная женщина перед войной работала участковым зоотехником в Бобыничском сельсовете. В июне гитлеровцы схватили Марию в Ветрино и хотели расстрелять, но все же отпустили. Потом, возвращаясь из Полоцка, припоздала в дороге и вернулась в деревню позже комендантского часа. Немцы плеткой исхлестали ее. В сентябре 1942 г. Мария Редько принесла в отряд «Мститель» план укрепления полицейского участка и огневых точек в Бобыничах. Составили его вместе с Марией Редько подпольщики Кирилл Викторович Суворов и Николай Гаврилович Николаев.

Осенью 1942 г. партизанами был уничтожен маслозавод. Мария Редько подобрала надежную охрану, которой руководил наш человек – Павел Ильич Позняк. Партизаны отряда «Мститель» договорились о встрече с Марией в 12 часов ночи у дороги на деревню Углы. Кухто, замкомбриг, стоит, прислонившись спиной к шершавому стволу дерева, и смотрит на дорогу. Его тревога становится все сильнее и сильнее. Вчера от Марии пришло сообщение, что все готово к операции. Почему связной нет? И вдруг снизу, из белой туманной дымки, доносится звук осторожных шагов, легких, почти неслышных. Партизан дает пароль: звучно три раза щелкает прицельная рамка карабина.

В ответ Редько дважды стучит камушками, зажатыми в руках. На дороге появляется один человек, а за ним другой. Подходят Суворов и Николаев. Надо быстрее гнать партизанские повозки – масла на заводе собралось много. Вчера инспектор был доволен и даже вынес за это благодарность рабочим от имени рейха.

...Тихо и осторожно группа окружает маслозавод. Почти неслышно подъезжают повозки. Сторож помогает открыть ворота, грузит вместе с партизанами масло. Когда все готово, он подходит к Суворову, протягивает ему руки:

– Теперь берите меня в плен, Кирилл Викторович. Что завтра немцам говорить?

– Скажешь, что все забрали партизаны с пулеметами.

– Хорошо. А сколько их?

– Двадцать человек.

– Скажу больше, чтобы страшнее было. Мол, тридцать человек я насчитал, а потом они все шли, шли, шли...

– Правильно, дед! Скажи, что со счету сбился, пусть у них в глазах черти прыгают.

Партизаны связывают сторожа и кладут на крыльцо. Старый Никифор бьется в руках партизан: он ничего не может сказать, потому что рот ему уже завязали тряпкой, катается по крыльцу, стучит ногой в стену, пытаясь привлечь внимание. На помощь сторожу торопится Николаев.

– Да вы что, с ума посходили?! Поджарим деда – сейчас же завод поджигать будем.

Сторожа переносят на бугор, кладут под деревом за дорогой. Именно он, дед Никифор, почти два часа искал ключи от склада, когда приехал инспектор. Поэтому-то все масло задержалось на заводе и не было отправлено в Ветрино.

Он лежит под деревом, смотрит на пожар. Пламя лижет стены, огнем занялась крыша... В местечке один за другим раздаются три торопливых выстрела. Часовой в полицейском гарнизоне поднимает тревогу. Взлетают красные ракеты. По заводу с дзота бьет станковый пулемет.

Стрельба из дзота усиливается. Суворов предлагает отступить.

Партизаны скрылись за темной стеной леса.

Кухто отдает приказ: подпольная группа должна перерасти в самостоятельный отряд. Командиром подпольной группы в Бобыничах назначают К.В. Суворова, а И.Т. Николаева – его заместителем. Главная задача – собрать людей, подготовить их к открытым боям и регулярно проводить диверсии: разрушать мосты, выводить из строя дороги, создавая для гарнизона в Бобыничах невыносимые условия.

Группа Суворова отлично выполняла порученные задания. По ночам на дорогах, ведущих из Бобынич на Ветрино, Загатье, Прозороки, где тоже расположились гарнизоны фашистов, разрушались и пылали мосты.

В группу Суворова принимали только тех, кто имел свое оружие. А как его сделать из ничего? Но и тут нашли выход. Когда-то партизаны подожгли в Фариново склады с немецким оружием. Мужчины из Бобынич отправлялись в Фариново, где делали подкопы под сгоревшие склады и собирали ящики с патронами, дула от автоматов. В Бобыничах организовали мастерскую, там изготавливали автоматы: железное дуло и деревянный приклад. Сами делали и гранаты.

В Бобыническом гарнизоне гитлеровцы и их прислужники, опасаясь нападения партизан, усилили охрану. В каждом шорохе им чудилось приближение народных мстителей. Стоило только возникнуть подозрительному шуму или треску, как сразу же без предупреждения, стучали пулеметы, взлетали в небо ракеты.

Теперь же гарнизон в Бобыничах был поднят по настоящей тревоге. Заняв удобную высоту, «Мститель» вел прицельный огонь по укреплениям врага. От здания к окопам бегут по траншеям полицейские. С каждой минутой огонь из гарнизона усиливается. Но он не приносит никакого вреда отряду «Мститель». Спрятавшись за холмом, партизаны меняют позиции. На старом месте остаются только двое. Время от времени они стреляют по гарнизону, потом прячутся в укрытие, а фашисты продолжают палить по пустому месту. «Мститель» бьет по вспышкам выстрелов, по дзотам, по окнам зданий. Ракеты из гарнизона летят во все стороны. Это хорошо для партизан. Вся местность освещена и отлично просматривается.

За озером, по дороге к станции, как взрыв, вспыхивает пламя. Оно быстро растет, ширится... Проходит еще несколько минут, и громадное зарево встает над молодым сосняком. Это группа Суворова в намеченное время зажгла мосты.

– Молодец, Суворов! Ну и молодец! – восхищенно говорит Кухто и не может сдержаться, – Ура, хлопцы!

Взвод дружно подхватывает «ура!».

Внезапно в небе загораются сразу три ракеты. Яростно бьют пулеметы. Это уже не прицельный огонь, а бешенная беспорядочная стрельба. Гитлеровцы начинают бросать гранаты за проволочное ограждение. Одна за другой взлетают ракеты. Но свет их уже не так ярок – все небо над Бобыничами окутано дымом. Гитлеровцы не жалеют боеприпасов.

Дмитрий Васильевич Тябут приказывает снять заслоны и уходить. Довольные партизаны возвращаются в лагерь. Потерь во взводе нет.

А в полдень приходит разведка из Бобынич: в ночном бою убито 5 фашистов и ранено 10. Убитых похоронили на кладбище за поселком.

Вечером, перед заходом солнца, у отряда – новые сведения. Бобыничский староста получил приказ начальника гарнизона прислать хорошие повозки и 12 ездовых.

Известия эти и радуют, и обескураживают: по-видимому, фашисты решили гарнизон в местечке снять. Партизаны предвидели такой поворот и намеревались с завтрашнего дня держать на дороге к станции засаду. Но никто не предполагал, что события будут развиваться так поспешно. Комбриг «Мстителя» Д.В. Тябут поднял два взвода: необходимо как можно быстрее добраться до Бобынич и контролировать дорогу, ведущую на станцию. Впереди колонны выслали конную разведку в составе отделения.

Тябут ждет утра. Гарнизон загадочно молчит. Посылают разведчиков. Они возвращаются довольно быстро и докладывают – гарнизон пуст. Оказывается, гитлеровцы к вечеру закончили погрузку и движутся на станцию: еще одну ночь сидеть в гарнизоне они не отважились.

Взводы направляются в Бобыничи.

Население радостно встречает партизан. Над зданием сельсовета поднимается красный флаг. Никто не приказывал жителям собираться к зданию сельсовета, но они все тут, и сам по себе начинается торжественный митинг. Оживленный говор. Шутки. Смех. Рядом с местными жителями стоят партизаны. Их расспрашивают. Деревенские мальчишки с завистью смотрят на новые автоматы. Д.В. Тябут по поручению Ветринского

райкома партии поздравил местных жителей с освобождением от гитлеровских захватчиков. Читают сводку Совинформбюро. Люди на площади стоят, затаив дыхание. Потом выступают Николай Муравьев, партизан из местечка Бобыничи, Суворов, Мария Редько. Всех слушают с необычайным вниманием, потому что каждое слово под этим красным стягом согревает людские сердца.

После митинга партизан засыпают вопросами. Главное, что волнует людей, – как дальше жить?

– Вот оно в чем дело... – говорит седой дед, – жить-то как нам? А если вы завтра от нас двинете – фашисты нас побьют. Радоваться мне, может, уж и не к чему, я-то свое время отрадовался, о вас думаю. О хлебе я думаю, – продолжает он, и шум в толпе утихает, люди начинают прислушиваться к его словам. – Жить-то как нам теперь? По какому закону?

– По советскому, конечно. Жить и работать. Воевать с фашистами!

– А с поставками нам как быть? Когда гарнизон был, староста приказывал: хлеба не отвезешь – повесят на березе у школы.

– Можно ли написать письмо на фронт?

– А как с мылом теперь будет?

– Правда ли, что в январе война уже закончится?

Кто-то предлагает сровнять с землей гитлеровский гарнизон. Это предложение поддерживают все. В руках людей появляются лопаты и ломы. Руководство берет на себя Суворов. Он ведет колонну добровольцев на гору к гарнизону. Часа через два от него мало что осталось. Дзоты скрыты, проволочные ограждения сброшены. Целы только те укрепления, в которых амбразуры повернуты в сторону станции. Здесь будет партизанская застава.

Начинают принимать заявления от тех, кто хочет вступить в отряд. Записалось 30 парней, все они вливаются в группу Суворова, которая теперь уже стала самостоятельным отрядом «За Родину». Командиром его назначается лейтенант Махоньков, служивший до войны в одном из танковых батальонов, начальником штаба – Суворов, комиссаром – Николаев. Временным местом дислокации отряда становятся два населенных пункта – Бобыничи и Углы, расположенные недалеко один от другого. К октябрю 1942 г. партизаны отряда «За Родину» уничтожили у деревни Муравьи, недалеко от Бобынич, 15 фашистских солдат.

Люди местечка Бобыничи после освобождения опять зажили в мире. Местные жители всячески помогали партизанам: вязали варежки, шили из

простыней маскировочные халаты, из парашютов – нижнее белье, делились продовольствием. Они понимали, что и от них зависит приближение победы. Население Бобынич было хорошо информировано о положении наших войск, т.к. Ветринский подпольный комитет партии направлял грамотных людей, которые проводили лекции о международном положении, рассказывали о героической борьбе советского народа против гитлеровских захватчиков. Наряду с этим в Бобыничах возводилась вторая линия обороны. Ведь не исключено, что фашисты вернуться.

28 марта 1943 г. отряд «За Родину» столкнулся в бою с подразделением Гиль-Родионова. Это подразделение было сформировано из числа бывших советских воинов, которые попали в плен в первые дни войны и в тяжелых условиях согласились на службу немцам.

Когда партизанские отряды приходили в Бобыничи, то это всегда был праздник. Зимой 1943 г. в местечке дислоцировался отряд «Большевик». Во многих отрядах есть свои кружки художественной самодеятельности. В «Большевике» тоже хороший кружок. И партизаны решили устроить концерт местному населению.

Народ собрался в хате Родионихи. Она жила одна, муж умер еще до войны, сын Василий – в партизанах. Пожилые женщины уселись возле хозяйки, в углу у печи. Часть комнаты приспособили под сцену. Добрую половину зрителей составляли девчата. Много сил, выдумки вложил в этот концерт командир отряда «Большевик», Сысуев. Вначале следует небольшая сцена из жизни отряда: разведчики берут в плен фашистского часового. В огромных лаптях, надвинутых на валенки, в парике – его одевает всегда тот, кто исполняет роль фашиста, – часовой похаживает на посту и испуганно дрожит. Когда партизаны хватают его, он закрывает глаза и очень смешно голосит: «Гитлер капут! Партизан гуд! Всему капут!» Зрителям эта сцена очень нравится. Дружными аплодисментами награждают исполнителей и других номеров, тоже импровизированных, полных смеха и злого юмора. Есть и художественное чтение. И выступление фокусника, занятно орудующего двумя пустыми кружками.

...Пока все было мирно. Наступила весна, и бобыняне, несмотря на военное положение страны, приступили к севу хлеба. В сельскохозяйственных работах помогали и партизаны, они понимали, что одним сельчанам поле не засеять. Но скоро настали тяжелые времена. Гитлеровцы набрались сил и стали гнать наши войска от Лепеля и Полоцка. Они получили приказ на уничтожение деревень. Уничтожению подлежали и Бобыни-

чи. Карательные отряды превратили деревни Солоневичи, Журавно, Буерово в ад. Людей, которые были связаны с партизанами, сгоняли в сараи и живыми сжигали. Тех, кто не успел уйти, отправляли в Германию.

Шел 44-й год, самое начало.

Из деревни Бутьковщина партизаны отряда «За Родину» вынуждены были отступить. В отместку за сопротивление каратели расстреляли 30 молодых парней.

Основная цель гитлеровцев – прорваться к линии фронта. Но сначала надо уничтожить Бобыничу. Партизаны не могли сдержать натиска гитлеровцев и отряд «Большевик» в феврале 1944 г. оставил Городок и Загатье.

Основной удар был направлен на деревню Муравьи – гитлеровцы рвались к Бобыничам. В боях за Муравьи принимали участие партизанские отряды «Мститель», командир Д.В. Тябут, и «Большевик», командир Сысуев. В результате этих боев «Мститель» потерял 12, а «Большевик» – 5 человек. Гитлеровцы – почти в 10 раз больше. Но впереди ждут еще более жестокие бои. Смогут ли партизаны долго выдержать? Хватит ли сил?

Под натиском превосходящих сил противника партизанские отряды отходят с линии обороны. Нужно продержаться как можно дольше. Один день без отступления – это победа! Каждый понимает это. Близок фронт, и нужно делать все возможное, чтобы не дать противнику укрепиться в партизанском крае. Но как же трудно выполнить эту задачу! А потери растут...

В конце марта 1944 г. гитлеровцы блокировали огромную территорию, где были сосредоточены партизанские отряды «Смерть фашизму», «За Родину», «Мститель», «КИМ» и «Большевик».

Комбриг отряда «За Родину» А.Ф. Маханьков дал приказ эвакуироваться населению деревни. Но эвакуировались не все. Ведь кому-то надо сеять хлеб. Тогда комиссар отряда «Большевик» И.И. Стрикель организовал партизан на помощь населению в посеве хлеба. Сеяли ночью. Надеялись, что этот хлеб будут убирать люди, уже не думая об опасности, не боясь окрика фашистов. Будут убирать, петь песни, не всматриваясь в небо и не выискивая в голубом просторе черные силуэты смерти...

А немцы тем временем заняли аэродром, где приземлялись наши самолеты. Не на чем отправлять раненых, а их становилось с каждым днем все больше и больше.

Погрузив необходимое на повозки, бабыняне убегают от немцев. Женщины кутают в одеяла детей. Не слышно ни шуток, ни смеха. Вместе с

населением уходят и партизаны, помогавшие в посеве хлеба. Горят дома, повсюду запах смерти, крики людей.

Оставшееся население гитлеровцы сгоняли в сараи и сжигали.

...Каратели шли цепью для того, чтобы ни один партизан не остался в живых. Если партизану удавалось залезть на дерево и остаться незамеченным, то у него был шанс сохранить свою жизнь. Но после войны было найдено много деревьев, на которых висели скелеты. Это эхо той трагедии.

В конце концов местных жителей и часть партизан гитлеровцы загнали в Голубицкую пущу. Что эта была за жизнь?! Питались только тем, что резали скот, который удалось угнать. Когда и этого не стало, начали резать коней. Женщины, преодолевая страх, в полях собирали картошку. Гитлеровцы обнаружили беженцев. Начались бомбежки.

Отряды «Смерть фашизму», «Мститель», «Большевик», «За Родину» были в несколько лучшем положении. Им помогали, из-за линии фронта доставляли самолетами и сбрасывали на парашютах оружие, медикаменты, питание.

Разведчики отрядов установили, что линия обороны врага между деревнями Ушачи и Березенец не очень сильно укреплена. Ее можно прорвать. В лесу, левее деревни Большое Матырино, противник не обнаружен. Первым переправляется через реку отряд «Смерть фашизму» во главе с командиром Киселевым. За ним следует «Большевик», «Мститель», другие отряды и группы. Начинается молчаливый марш в ночи. Тишину ломает пулеметная очередь. Как вскрик, чей-то голос:

– Ура!

И сразу за ними, словно из-под земли, рванулся и покатился над полем, над рекой грозный и страшный тысячный рев:

– Ура!!!

Партизанская лавина захлестывает окопы, дорогу. Короткая рукопашная схватка закипает у машин. Стрельба. Взрывы гранат. Гитлеровцы, охранявшие большак, перебиты. Путь вперед свободен. И снова стремительный, в полном молчании, марш вперед.

Партизаны решают идти в Голубицкую пущу: здесь большой лесной массив (маленькие леса гитлеровцы научились быстро блокировать). Другого выхода нет.

В головной колонне идут «Мститель» и «Смерть фашизму». На флангах движутся «За Родину» и «Большевик». Однако фашисты снова

*Бутько Марк Тимофеевич,
председатель с/совета «Бобыничи»,
зам. комдива по хозяйству
у Тябута, 1953 г.*

обнаружили партизан. Приняв бой, партизаны прорвали окружение и вошли в Голубицкую пущу.

Какая была радость, когда сотни людей, загнанные гитлеровцами в болото, увидели своих освободителей.

Используя огромный перевес в силах и средствах, каратели лезли напролом. Партизанам приходилось постоянно маневрировать. Хорошо зная местность, они наносили внезапные удары с тыла и флангов, устраивали засады, уничтожали гитлеровцев из пулеметов и автоматов, забрасывали гранатами. И все равно партизанам приходилось отступать. В итоге упорных боев, длившихся почти месяц, противник захватил обширный плацдарм. Какой ценой это

ему досталось?! Партизаны убили 8300 и ранили около 13000 солдат и офицеров, уничтожили и подбили 59 танков, 116 автомашин, 7 бронемашин, десятки орудий и минометов. Немалые потери понесли и партизаны. В боях с карателями смертью храбрых пало около 840 народных мстителей, ранено более 1000 человек. Но все партизанские бригады, вырвавшиеся из блокады, сохранили свою боеспособность. Вместе с партизанами вышло из блокады более 15000 человек, в том числе и бобынян.

5 мая 1944 г. партизаны, прорвав блокаду, освободили мирных жителей.

28 июля была освобождена Белоруссия.

Мирное население возвращалось в свои, уже свободные, деревни. Возвращались, мечтая о мире. Мир – какое маленькое слово, но как же оно много значило для бобынян: жить, любить, рожать детей, пахать и сеять, собирать урожай...

...Многие жители Бобынич оставались в родной деревне. Некоторые уходили работать в Ветрино на железную дорогу. После войны председателем сельского совета колхоза им. Мелешко стал Бутько М.Т. (мой прадедушка). Ему предстояло поднимать колхоз из руин.

Более 60 лет прошло после тех событий, которые развернулись в этих краях. Каждую весну в Бобыничи приезжают участники боев. А их

все меньше и меньше... Приезжают вспомнить то, что было, поклониться могилам тех, кто сложил головы на бобыничской земле.

На самом высоком месте в Бобыничах стоит памятник. На мраморной доске золотыми буквами высечены имена погибших:

Партизаны:	Белер Ф.Ф. Васюкович М.Е. Гаврильчик Г.П. Кухаренко П.Я. Мачульский К.В. Подсадник Д.Н. Райкин А.В.
Младший лейтенант	Ольховский И.Б.
Лейтенант	Васильев Н.Т.
Старший лейтенант	Лисин Д.В.
Рядовой	Павлов Н.М. Романенко П.Г. Черкасов Д.Н.
Старший сержант	Марьин Л.Д.

Памятник в Бобыничах

Вечная слава освободителям...

Татьяна Дембинская, ФЭФ

МОИ ДЕД И ПРАДЕД

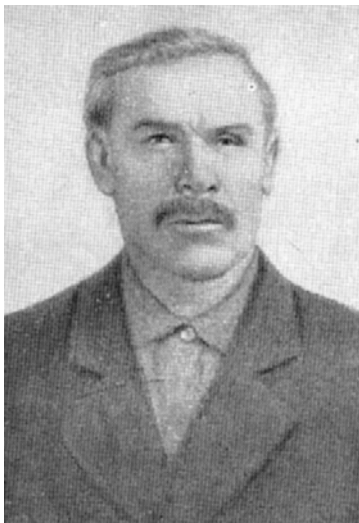
Война... война... ВОЙНА...

Сегодня мы много говорим о войне, но мало думаем о ней. И тому есть оправдание – это очень страшно.

И все же иногда я задумываюсь, какой бы была судьба моих родных, если бы не война. Наверное, все было бы совсем иначе. Сейчас об этом трудно судить.

Я хочу рассказать о войне на примере моей семьи.

Бабушка не любит говорить о войне, ведь такая боль не утихнет и через много-много лет. Иногда она рассказывает мне, как жили люди во время войны, как сражались с захватчиками. Много из того, о чем сейчас расскажу, я узнала из книги Героя Советского Союза – Михаила Сидоровича Прудникова «Неуловимые» и «Неуловимые действуют», а также из рассказов бабушки.

Н.С. Тишкевич, 1940 г.

Непосредственными участниками спасения детей детского дома, которые описывает в своей книге М.С. Прудников, были мои родные. Итак...

Мой прадед, Николай Станиславович Тишкевич, был секретарем партбюро детского дома, что располагался в селе Быковщина, в шести километрах от районного центра Ветрино. Николай Станиславович – бывший красногвардеец, боец бронепоезда «Красный путиловец». Однажды, теплой июльской ночью 1941 г. поступило тревожное предупреждение о том, что на детский дом должны напасть немцы. Детей надо было срочно спасать! За одну ночь было собрано то немногое, что имел дом, и утром дети и взрослые двинулись в путь на восток. Через несколько дней колонна оказалась у станции Лосьвида. На платформе стояли советские солдаты, и радостные дети бросились к ним навстречу. Но, вдруг... раздалась длинная пулеметная очередь. Наши солдаты были под конвоем немецких оккупантов! Несколько ребят погибло, а остальные были захвачены в плен. Во время бомбежки, которая началась

*Сидоровичу
Михайловичу
Тишкевичу
От авиатора
М. Сидоровича
4/11-61*

*Автограф Героя
Советского Союза
полковника
М.С. Прудникова, 1961 г.*

вскоре, детям детского дома удалось бежать. Они остановились на окраине деревни Оболь. Руководители решили не двигаться дальше, предварительно не разузнав обстановки. Группа во главе с Василием Тишкевичем (сыном Николая Станиславовича, братом моего дедушки) наткнулась на гитлеровцев, и стало ясно, что единственно правильным решением будет вернуться назад в Быковщину. Мешало только одно: дорога назад была отрезана немцами. А детей надо спасать, ведь у них еще вся жизнь впереди... Выход был найден очень рискованный: мужчин положили на дно телег, сверху накидали одежды и посадили детей. Когда караван был остановлен

П.Н. Тишкевич, 1945 г.

немецким патрулем, женщины долго объясняли, что везут только детей... маленьких детей. Трудно представить, что творилось в сердцах этих женщин в тот момент... И дети вернулись в свой пустой и разрушенный детский дом.

Немецкие оккупанты часто наведывались в детдом, чтобы забрать даже те крохи, которые были у них. Не было ни одежды, ни еды, ни каких-либо медикаментов. На детей было больно смотреть: худые, изможденные, с запавшими и потухшими глазами... Старших детей и евреев приходилось прятать, чтобы их не забрали на принудительные работы. Мой прадедушка создал подпольную организацию на тот случай, если придется сражаться с врагом лицом к лицу. А дедушка, Петр Николаевич, установил тесную связь с разведчиками и периодически докладывал о положении в детском доме. Положение все ухудшалось... Вот как описывает свой визит в детский дом М.С. Прудников: «Две малышки сосали, причмокивая губами, засаленные тряпки, которыми, очевидно, когда-то вытирали посуду. А рядом ползала по полу полуголая девочка, похожая на скелет, и ладонями сгребала пыль, видно, надеялась найти крошки хлеба». Николай Станиславович доложил, что делается все возможное, чтобы спасти детей.

Тогда были созданы два специальных отряда. Одному поручили доставку продовольствия в детдом, а другому – его охрану. Первый отряд возглавлял мой дедушка, второй – Петр Фролович Белоусов. Зимой и летом, осенью и весной партизаны «Неуловимых» помогали детдому. Вскоре бригада получила приказ переместиться на запад для выполнения боевых задач. «Отец» детдома, Николай Станиславович, вынужден был также двинуться на запад, так как его в любой момент могли схватить гестаповцы.

Партизанам пришли на помощь его жена, дочка, сын, то есть вся семья Тишкевичей включилась в дело защиты детей...

К сожалению, дальнейшая судьба как детского дома, так и моей семьи очень печальна...

В Быковщине расположился фашистский штаб, и детей спрятали в крестьянских семьях...

Василий Николаевич, дедушкин брат, был посажен в тюрьму в Полоцке, где и погиб. Самого Николая Станиславовича и его дочь Настю немцы застрелили во время Ушачского прорыва, когда «прочесывали» лес... Трудно понять, как пережила все эти потери моя прабабушка.

Отца моей бабушки, Баханькова Ефима, немцы заживо сожгли в землянке при отступлении. Наверное, они хотели причинить еще больше боли и зла напоследок. Его даже нельзя было похоронить – это запрещалось...

Все, что я рассказала – только маленький фрагмент из истории одной простой семьи. А сколько таких семей пострадало от этой жестокой войны?!

Люди! ПОМНИТЕ прошлое и ЦЕНИТЕ настоящее!!!

Ирина Дабижка, гр. 04-АБ

ЧТОБЫ ПОМНИТЬ

Уже 2005 год, новое тысячелетие. Глядя на молодые, просторные и светлые улицы городов, даже не верится, что была Великая Отечественная война, что с тех пор прошло только 60 лет.

Мой дедушка, Савчик Иван Францевич, жил в деревне Гедевичи Вилейского района. Он был добрый, рассудительный, степенный и мудрый человек. Дедушка служил рядовым в пехоте. В первые месяцы войны был ранен при выходе из окружения, но продолжал воевать. Он много пережил в той войне.

Другой мой дедушка, Николай Арсентьевич, жил в маленькой деревеньке Роштово Верхнедвинского района, что возле деревни Борковичи. Когда началась война, его мобилизовали вместе с односельчанами. В первом же бою их часть попала в окружение. Прятались в лесу, а когда фронт ушел далеко, пробрались домой. Во время оккупации Белоруссии на Росонщине было организовано партизанское движение. Помощь моего дедушки очень пригодилась в партизанском отряде, там он возил на подводах продукты и грузы. По характеру был очень добрый, веселый и любил животных. Вся живность в его хозяйстве ходила как дрессированная, даже поросята выполняли команды как собаки. В деревне его прозвали «Бароўскі чараўнік». Дедушка лихо «резал» на гармони польку, любил песни о море, хорошо играл в шашки и учил всему этому внуков.

Я хочу рассказать еще одну историю. Семья мужа бережно хранит в памяти воспоминания о героически погибшем дедушке и отце – Тишаеве Петре Трофимовиче (1910 г. р.). Родом Петр Трофимович из д. Елшанка Кошкинского района Куйбышевской области. Когда ему было 10 лет, его отца расстреляли белополяки.

Во время службы в армии в Белоруссии Петр познакомился с хорошей девушкой Фаиной, женился на ней и решил остаться в Полоцке. Он был внимательным и любящим мужем и отцом. Его ценили и в семье, и на службе.

Вот что помнят и рассказывают о нем дочь и сестра его жены – моя свекровь.

После военной службы Петр Трофимович остался на сверхсрочную, учился в Полоцком военном училище, а по окончании был направлен на службу лейтенантом в 49-й полк 50-й стрелковой Полоцкой дивизии. Полк размещался в Боровухе-3 под Полоцком, а потом – в районе Спасского город-

ка. С самого начала он участвовал в финской войне, где командовал пулеметной ротой.

После финской войны вернулся и был представлен к ордену Красного Знамени. Позже в декабре 1939 года о нем и его солдатах в газете «Красная

звезда» появилась статья «Тишаевцы». Его портрет поместили в Полоцком доме офицеров на Доску почета. Эту фотографию любимого человека всю войну берегла жена.

В 1940 году их 50-ую стрелковую дивизию отправили в Западную Белоруссию, а в декабре 1940 года снова вернули в Полоцк. Размещались казармы в Спасском городке, напротив Спасо-Ефросиньевского монастыря.

Перед самой войной 17 июня 1941 года 49-й полк из Полоцка был передислоцирован в Молодечно. Первый бой они приняли под Березино, но потерпели поражение, так как кончились боеприпасы. Были окружены, связи не было. Танки обстреливали их часть, оставшиеся в живых были вынуждены скрываться в болоте. Позже оказалось, что 14 человек из их дивизии вышли из окружения под Вязьмой. Во время попытки выйти из окружения, Петр Тишаев был ранен. Его ранение было серьезным, осколок вместе с тканью и бумагами от документов застрял между сломанных ребер. Он не мог идти самостоятельно, терял сознание. Его повезли домой на телеге переодетым в гражданскую одежду, а документы, погоны и медаль прибили снизу под доски. За время возвращения Петр Трофимович исхудал и осунулся. Срочно нужна была врачебная помощь, чтобы извлечь у него осколок.

Приезжая через деревни, они натыкались на немцев, иногда немцы отбирали телегу, чтобы перевозить награбленные продукты. Чтобы их отпустили, они придумали легенду о том, что сын везет домой раненого отца. Лейтенант был молодой и вполне сходил за сына. Добравшись до родной деревни Рыбаки, они узнали, что дом сожжен немцами, а семья самого Тишаева, как и семьи других военных, в первые дни войны уже была эвакуирована в Сталинград. Из всей их большой семьи чудом остались живы его теща Кагукина Лепистинья Елефановна и сестра жены Кабаченко Нина Факеевна с малолетней дочерью Лизой (вскоре она заболела и умерла). Соседи боялись их взять к себе, и единственный, кто проявил смелость и

приютил бездомных, был житель из деревни Чернещина-1 Иван Бегунов (а возможно, Гуков). Лейтенант, который привез Тишаева, передал его теще, а сам решил прорываться к фронту и сразу же ушел.

Нина Факеевна проявила мужество, договариваясь с фельдшером военного госпиталя Александром Бычковым о том, чтобы тот вытащил осколок. Фельдшер был пленным, и его заставили работать в полоцком госпитале на Красном мосту.

Они договорились, что придут в госпиталь рано утром, до того, как появится немецкий доктор. Нина с трудом дотащила до госпиталя еле живого Петра. Там Бычков, без наркоза, извлек огромный, размером с куриное яйцо, осколок и отдал его Нине. Нужно было уходить. Петр терял сознание, Нина чудом доволокла его до ближайшей подворотни, где они и укрылись. Из-за потери крови у Петра не было сил идти, с 6 часов утра до самого вечера они шли до Задвинья, где жила жена брата. Нужно было передохнуть, но их не пустили в дом. Пришлось ждать темноты и прятаться от патрулей у железной дороги в кустах и болоте (в районе нынешней улицы Мариненко). Когда стемнело, Нина довела Петра домой. Потом Лепистинья Елефановна и Нина спрятали его в бане и выхаживали. Сейчас я представляю то большое расстояние, что им пришлось пройти, и восхищаюсь смелостью и мужеством молодой женщины, которая не побоялась спасти раненого.

В деревне стали поговаривать, что их семью хотят выдать немцам. Чтобы не подводить тех, кто дал им крышу над головой, решили уйти к партизанам. К тому времени стали говорить о партизанском отряде, что появился в лесах около Полоцка. Нина стала искать с ними связь. В ноябре 1942 года они втроем ушли в лес в качестве рядовых партизанской бригады Мельникова. Их отрядом командовал Лобонок. 3 декабря 1942 года Петра Трофимовича Тишаева назначили командиром взвода.

По заданию они ходили взрывать железную дорогу между деревней Фариново и Полоцком. Узнав о напряженных боях под Сталинградом, Петр решил, что семья его погибла, и перестал дорожить своей жизнью.

...В тот день разведчики пошли узнать, где находится карательный отряд, который ожидался из Полоцка. Неподалеку от аэродрома в Бецком, рядом с которым был дот, отряд наткнулся на врага. От неожиданности некоторые партизаны побежали в лес, а Петр Тишаев бросился к пулемету в укрепление. Он дал возможность другим уйти подальше. Петр подпустил врагов поближе и пошел на них с гранатой, но выстрелом ему перебило руку. Фашисты схватили Петра, сорвали с него погоны, медаль и подожгли

его. В деревне сожгли несколько домов. На следующий день в Полоцке появились фашистские листовки, в которых сообщалось, что убит главный партизан.

Когда карательный отряд ушел, вернулись партизаны. Тело Тишаева забрали и на плащ-палатке понесли в д. Межно. Нина не давала хоронить Петра, просила подождать мать, чтобы и Лепистинья Елефановна простилась с ним. Она очень любила Петра и называла его сыном. На третий день командир Лобанок сказал, что больше ждать нельзя, что фашисты переправились через Двину и нужно уходить из деревни. Партизаны выкопали могилу, и тут из леса, спотыкаясь и падая, выбежала Лепистинья Елефановна. (От расстройств она перепутала дороги и пошла в другую сторону. Долго бродила по лесу, а на вторые сутки вышла к деревне.) Она упала на завернутое в плащ-палатку тело Петра и стала плакать, причитая, что его хоронят без гроба, что у него осталось трое деток. Все вспомнили, что за трое суток не сделали гроб, но уже нужно было спешить, и похоронили в плащ-палатке. Потом в той же могиле похоронили еще четверых партизан.

Его жена, Кагукина Фаина Факеевна, в 1948 году после эвакуации из деревни Ягодная Толовка Сталинградской области вернулась с тремя детьми в Полоцк. Сейчас из родных в живых осталась только сестра, Кабаченко Нина Факеевна. Вот она и рассказала нам о Петре Трофимовиче.

За памятником, который стоит на деревенском кладбище, ухаживаем мы, родные, и дети из ближайшей школы Заозерского сельского совета.

После Великой Отечественной войны, в 1948 году пришла награда Тишаеву Петру Трофимовичу. Посмертно он награжден орденом Великой Отечественной войны.

*Светлана Ивановна Пивоварова,
канд. техн. наук, инженер,
председатель профкома сотрудников ПГУ*

ФРОНТОВОЙ РАЗВЕДЧИК

Во всем мире Беларусь называют республикой-партизанкой: так широко борьбой ответил наш народ фашистским захватчикам. Россонщина – не исключение. Одним из первых партизанских отрядов стал отряд «Боевой», о котором в энциклопедии говорится:

«Боевой» – спец. партизанский отряд Наркомата Государственной безопасности БССР (НКГБ), который в Отечественную войну боролся против оккупантов на территории Белоруссии и Литвы. Создан в октябре 1941 г. из спортсменов-добровольцев. В марте 1942 г. «Боевой» переправился в тыл врага на лыжах (44 чел.), командир – А.С. Горячев, а с 7 августа 1942 г. – В.Л. Неклюдов (Герой Советского Союза с 1944 г.). Отряд действовал в Россонском, Полоцком, Верхнедвинском, Освейском, Ветринском районах Витебской области, Мядельском, Докшицком, Ошмянском районах Вилейской области, в южно-восточных районах Литовской ССР.

В ходе боевых действий значительно пополнился за счет местного населения.

Партизаны отряда «Боевой» пустили под откос 128 вражеских эшелонов, в т. ч. 3 бронепоезда; разбили и повредили 102 паровоза, 1058 вагонов и платформ, 113 автомашин и мотоциклов, 8 танков, 4 бронемшины, 1 самолет; взорвали и сожгли 78 мостов, 16 складов с боеприпасами и продуктами; разрушили 9,5 км железнодорожного полотна, более 6 км телефонной связи.

20 июля 1944 г. отряд (370 чел.) соединился с частями Советской Армии».

Разведчиком этого отряда был Геннадий Дмитриевич Савейко. В его родной деревне Соколище создан музей боевой славы отряда «Боевой», часть экспозиции которого посвящена Г.Д. Савейко.

Капустенок Геннадий Владимирович долгие годы занимался восстановлением истории героической борьбы отряда «Боевой». Им написаны повесть «Подвиг «Боевого», очерки, посвященные участникам отряда. Страницы книги, посвященные Г.Д. Савейко, предлагаются здесь.

*Антонина Леонидовна Савейко,
библиотекарь ПГУ*

«...– Как случилось, что ты стал фронтовым разведчиком?»

Геннадий чуть задумался, вспомнил далекое прошлое и начал рассказ издалека.

...В первые же дни оккупации гитлеровцами их местности он вместе с братом Леонтием организовал в деревне Латышево подпольную боевую группу. Вместе с учителем Сергеем Григорьевичем Казаченком, тоже подпольщиком, добыли радиоприемник и регулярно принимали сводки Совинформбюро, которые потом распространяли среди населения, потом стал бойцом партизанского отряда «Боевой».

В мае 1943 года отряд уходил к новому месту назначения, в Бегомльский район. Гена лежал больной воспалением легких с высокой температурой. Доктор Шадурский посоветовал оставить Савейко на месте в деревне Купелище, до полного выздоровления. По указанию командира с ним оставалась медсестра Зюня из деревни Залесье.

В.Л. Неклюдов сказал Гене:

– За тобой придет связной, а если захочешь, то сам приходи в деревню Витуничи.

Зюня ухаживала за Геной как за родным – доставала яйца, молоко, кормила, как можно лучше, и это пошло на пользу. Молодой и здоровый организм победил болезнь. После стало известно, что Савейко перенес не только воспаление легких, но и брюшной тиф.

Может, Гена поправился бы и быстрее, но он волновался, его все время не покидала мысль: «Когда же за мной придет связной?» Возникла другая мысль, более противоречивая: «А придет ли?» Все это лишало его покоя. А когда начал подниматься с кровати, они с Зюней приходили к родителям Савейко в деревню Латышево, которые снабжали их хорошими продуктами, и это ускорило его выздоровление.

Однажды, возвращаясь обратно в Купелище, встретили Женю Большакова, в прошлом партизана отряда «Боевой». Но Гена не знал, что тот давно перешел в разведгруппу 1-го Прибалтийского фронта. Товарищи обрадовались встрече. Гена думал, что Женя и есть тот связной, о котором говорил командир, а Женя, в свою очередь, был доволен, что нашел недостающего разведчика для их группы. Когда же все выяснилось, Гена заупрямился:

– Я должен идти в свой отряд, – заявил он твердо.

Но Большаков стоял на своем. Он рассказал Савейко, что в их группе не хватает восьмого разведчика, что они имеют свою рацию и непосредст-

венно связаны с разведотделом Первого Прибалтийского фронта. Если он согласен присоединиться к их группе, то те передадут в Москву, а там сообщат Неклюдову.

Гену увлекала опасная работа армейских разведчиков, он понимал, что там опасно и ответственно – это его еще больше интриговало. Женя знал, что Савейко как бывший подпольщик и партизан вполне обладает качествами разведчика и не хотел отступать. Большакову удалось уговорить его встретиться с командиром группы. Сомнения Савейко, чтобы его не посчитали в отряде дезертиром, были развеяны. Так Гена Савейко стал восьмым разведчиком группы Гриши.

Во время войны опыт к солдату приходит быстро, если он не погибает. Гена был сообразительным, смелым и ловким парнем. В его работе фронтового разведчика большую роль сыграл опыт подпольной борьбы с гитлеровскими захватчиками. Он терпелив, вынослив, умел выжидать, а это неотъемлемые качества разведчика. Знал повадки гитлеровцев и их пособников. Скоро среди товарищей он завоевал авторитет и общее уважение. А у разведчиков, как и у альпинистов, все связано одной веревкой. Каждый надеется на товарища, как на самого себя.

...Геннадий Дмитриевич сбросил газ, выключил скорость, и машина какое-то время катилась по инерции, а потом медленно начала сбавлять скорость и остановилась на обочине дороги. Вдоль шоссе, по канаве, росли высокие кусты ольхи на протяжении нескольких сот метров. Геннадий Дмитриевич вышел из машины и произнес:

– Вот это место, которое я хотел тебе показать.

Савейко подошел к большому черному камню-валуну, обросшему со всех сторон зелеными пятнами мха, и остановился. Какое-то время молча смотрел на него, потом подозвал меня и сказал:

– Это памятник о засаде. Один он видел, как я очередью сбил мотоциклиста и захватил ценные документы.

Мы сели на траву. Сквозь ветки ольхи слабо просматривалась дорога, и еле была видна машина.

– Раньше они здесь были реже, – объяснил Савейко. Видимо, находясь на этом месте ему было легче вспоминать все, что происходило здесь много лет назад.

В декабре 1943 года группа Гриши получила приказ выйти за линию фронта. Шли вместе с партизанами первой Дриссенской бригады. Гена и здесь был на высоте как разведчик. Он находился все время в главной час-

ти колонны и вел партизан через линию фронта. Перешли ее удачно. Но потом, как стало известно, всех партизан обмундировали, вооружили автоматическим оружием и дали несколько дней отдыха. Потом зачитали приказ Штаба партизанского движения – всем партизанам вернуться в прежние места действий.

Из разведчиков Гриши сформировали новую группу. Командиром назначили капитана Ивана Никитовича Перова. В состав группы входили: Валентин Плевков, Мария Новосельцева, Лена Суровнева, Гена Савейко, Федор Перов, радист Василий Мамчиц и Женя Большаков.

Разведчики получили задание провести разведку дислокации немецких войск и укреплений в районе города Себеж. Их самолетом доставили на озеро Страдное, в район расположения 2-й Дриссенской бригады. Всех восьмерых маленький самолет не мог взять, и Гене пришлось лететь одному на У-2. Шел он на небольшой высоте. Внизу часто возникали большие огненные шары, похожие на разрывы цистерн с горючим, в разных местах светились ракеты. Небо то и дело бороздили прожекторы. У-2 трудно было поймать в луч на такой высоте, а когда это случалось, летчик мастерски выходил из него, опускаясь на минимальную высоту. Все исчезло, как удалились на несколько километров от линии фронта. Гена сидел рядом с летчиком. Было спокойно.

– Узнаешь? – вдруг спросил летчик.

– Да! – ответил Савейко, – это озеро Нещедро.

Здесь Геннадий проходил с частями Красной Армии, сопровождая колхозный скот в глубь страны. Правда, видеть так, как сейчас, ему не приходилось, но узнал его сразу. Ведь перед вылетом особые ориентиры изучались по карте до мельчайших подробностей. Возвращаясь тогда в свою деревню, Савейко видел откормленных гитлеровских солдат, чистых, веселых, уверенных в своем походе. На пути встречались сотни машин и мотоциклов. Длинная вереница велосипедистов ехала по обочине дороги, растянувшись на десятки километров. Все было подчинено скорости. Страшно было. И тогда Павел Антонович Куксенюк, депутат Верховного Совета БССР, видя приунывшие лица колхозников, сказал:

– Товарищи, запомните, это временное явление. Будут они драпать назад, как драпали в восемнадцатом году.

Это были слова авторитетного человека, и Геннадий запомнил их на всю жизнь. Он был уверен, что именно так и будет.

А когда пролетали над железной дорогой Себеж – Резекне, летчик снова спросил:

– А это узнаешь?

– На этой дороге еще в ноябре 1942 года я участвовал в подрыве двенадцатиметрового железнодорожного моста, – сказал Савейко.

– Вот оно как! – услышал Савейко не то удивление, не то восторг.

Больше летчик ничего не спрашивал, видимо, понял, что имеет дело с опытным разведчиком. Геннадий тоже смотрел в иллюминатор и про себя отмечал необходимые ориентиры. Кто его знает, что может случиться впереди, куда приземлишься, и что там, внизу, тебя ждет. Вспомнил про взрыв моста и подумал: тогда под опоры было положено 300 килограммов плавленого тола, и так рвануло, что на расстоянии ста пятидесяти метров, где он тогда находился, лес осветило, как днем.

Мысли Савейко отвлекли пять светящихся внизу точек и голос летчика.

– Вот мы и долетели.

Самолет начал делать разворот, и костры остались в стороне, потом вышли на прямую линию, и они запылали ярче. Гена прыгнул и приземлился в сотне метров позади костров, на озере Страдное.

– Как долетели? – спросил подбежавший Перов.

– Нормально!

Разведчики были довольны, что они все в сборе. Ночевали в лесу в наспех сделанных шалашах из еловых веток. Утром Перов распределил разведчиков на четыре группы, в каждой – по два человека, и дал задание. Савейко с Новосельцевой должны разведать концентрацию войск с северной стороны Себежа, и они раньше других покинули лагерь. Им нужно было пройти более пятнадцати километров прежде, чем выйдут на исходный рубеж. Раньше в сборе разведывательных данных разведчикам помогали партизаны, но после того как многие отряды ушли за линию фронта, стало труднее. Приходилось рассчитывать только на самих себя. Гена с Машей сразу были намерены провести наблюдение за шоссе Полоцк – Опочка, со стороны деревни Песчаное, где был размещен немецкий гарнизон.

В лесу разведчики встретились с бежавшими от гитлеровцев гражданскими людьми. Они жили лагерем. И Гена с Машей решили временно остановиться у них. Им пришла по душе учительница Ольга Сергеевна Кузнецова, ей они представились как муж и жена – беженцы. Но Ольга Сергеевна поняла, кто они, и всячески способствовала в их конспирации.

Наблюдение за шоссе Полоцк – Опочка позволило обнаружить, что кроме той дивизии, которая стоит на этом участке, идут машины с номерами других частей. Без «языка» не обойтись. И Гена решил осуществить свой план, который уже несколько дней вынашивал в голове. С ним он познакомил Новосельцеву:

– Так мы ничего не узнаем, нужны более решительные действия.

– Что ты предлагаешь? – спросила Маша.

Она была таких же лет, как и Гена, стройная, красивая. «Ей бы носить туфельки и шелковое платье, а не грубую солдатскую форму и кирзовые, не по размеру, сапоги», – подумал Гена. Ему жаль было эту молодую девушку, и он твердо заявил:

– Надо захватить мотоциклиста с почтой, когда он будет ехать из гарнизона. Я уже все предусмотрел и даже нашел место для засады. Пойду туда я один.

– А как же я? Останусь здесь и буду тебя ждать? Нет уж, – запротестовала Маша и добавила: – Что скажет командир?

– А он не узнает, – ответил Гена.

Маша поняла, что свое решение он не изменит и все же попыталась убедить его. Но когда увидела, что уговоры бесполезны, согласилась.

...Геннадий Дмитриевич поднялся, оперся левой рукой о камень и произнес:

– Посмотри вон туда, – и рукой указал в сторону шоссе, опоясывающее дугой озеро, – отсюда хорошо видно, какой идет транспорт. Я сидел на этом камне. Помоги на него забраться.

Я подтолкнул товарища. Несмотря на свой стокилограммовый вес, Геннадий Дмитриевич легко вскочил на него и, протягивая мне руку, сказал:

– Залезай и ты!

С Геннадием Дмитриевичем мы стояли на этом большом черном камне и смотрели на озеро Осына и видневшуюся вдали деревню Песчаное. Легкий ветерок дул со стороны озера, слабо шевелил листву на верхушках деревьев – стояла тихая ясная погода. Но Савейко, как мне показалось, этого не замечал. У него перед глазами была другая картина...

...Рядом проносились грузовые и легковые машины. Изредка проскакивали мотоциклы. Только что проехал гитлеровец на мотоцикле с коляской, в которой сидел еще один фашист. Их Гена пропустил. Скоро появился мотоцикл без коляски. Гена взвел автомат, обломал ольховую ветку, заслонившую дорогу, и как только поравнялся, дал короткую очередь. Но

мотоцикл продолжал двигаться. «Неужели промахнулся?» – пронеслась молнией мысль. Гена соскочил с камня и в несколько прыжков оказался на шоссе, вслед мотоциклисту дал еще очередь. Какое-то время он еще двигался вперед, а потом круто повернул влево и слетел в канаву.

В любую минуту могли появиться машины. Гена быстро подбежал. Немец лежал придавленный мотоциклом. Стащил его и по канаве укатил дальше в кусты. Вернулся, снял с фашиста обе сумки: полевую и большую с бумагами, надел их на себя, схватил гитлеровца за ремень и перетащил через канаву дальше от этого места. В стороне гарнизона слышались выстрелы.

«Все же наделал шума. Вместо одной пришлось дать две очереди. Чего доброго, может выехать разведка, ибо немцы поняли, что стреляли из русского автомата», – подумал Геннадий и сделал отвлекающий маневр: вытащил у фашиста из кобуры четырнадцатизарядный бельгийский кольт и выстрелил два раза. Немцы больше не стреляли. Сняв ремень, положил пистолет в кобуру и, забрав трофеи, поторопился уйти подальше от этого места. Скоро слышалось урчание моторов, Гена залег в выемке за кустом высокой ольхи и посмотрел на дорогу – шла целая колонна машин. «Опоздай на несколько минут и все кончилось бы плохо», – подумал Гена. Машины прошли, и все затихло. Снял кобуру с пистолетом с немецкого ремня, надел на свой ремень и осторожно начал пробираться к лесу. Там, в условленном месте, его ждала Маша Новосельцева.

И все же появился Геннадий неожиданно. Она заметила его, когда он был совсем рядом. Увидев на его лице кровь, испугалась и бросилась к нему, готовая оказать помощь.

– Ранен? – тревожно воскликнула она.

– Нет! Все в порядке!

Маша вытащила из кармана платочек и вытерла щеку, а потом крепко, по-дружески, поцеловала его в обветренные губы. Гена был счастлив. Его обдало жаром, и приятно стало на душе. Усталости как не бывало. Маша была довольна, что Гена вернулся цел и невредим. Никогда он не узнает, какие мучения пришлось ей перенести, пока ждала возвращения. Оставшись одна, она ругала себя за то, что согласилась с ним. Не нужно было этого делать. А вдруг с ним что-либо случится, ведь всякое может быть, что тогда она скажет командиру? Почему оставила одного? Другая противоречивая мысль сбивала эту и тревога на какое-то время заглохла. «Все должно быть хорошо, парень он ловкий, храбрый, выдержанный

и сделает все как надо». Ее слух в лесной тиши ловил каждый посторонний звук, а когда услышала две очереди, обрадовалась. Она поняла, что это он стрелял и сразу сникла, когда услышала еще два глухих пистолетных выстрела. У него ведь не было пистолета, значит, в него стреляли. Не раздумывая, Маша бросилась бежать на помощь, но поняла, что это бессмысленно, вернулась назад, прижалась к согнутой сосне и по щекам потекли горькие слезы. А когда увидела живого и невредимого, обезумев от радости, обняла и поцеловала как самого дорогого человека.

– Здесь что-то есть ценное, – сказал Гена, снимая сумки. Маша первой открыла полевую, но там, кроме трех десятков патронов к пистолету да нескольких бумажек, ничего не было. Несколько патронов пробиты пулей. Теперь Гена понял, что первой очередью угодил в эту сумку, поэтому фашист и продолжал ехать. Смертельной оказалась вторая очередь. В большой сумке находились солдатские письма и несколько пакетов. После тщательного осмотра установили, что они из разных частей.

– Это стоящий трофей и его быстрее надо передать командиру, – сказала Маша. Гена согласился с ней. Распрощались с Ольгой Сергеевной. Через несколько часов разведчики прибыли к командиру. В тот же день письма и другие бумаги были разобраны, исследованы, а утром следующего дня радист Вася Мамчиц передал подробную шифровку в разведотдел фронта. По номерам полевых почт удалось установить пять дивизий, которые исчезли из поля зрения фронтовых разведчиков и давно ими разыскивались. В очередной радиограмме командование всей группе объявляло благодарность, а Савейко награждался орденом Отечественной войны I степени.

Не вернулась на базу разведчица Лена Суровнева. Обращаясь к своим разведчикам, капитан Перов сказал:

– Что-то случилось с нашей Леной. Она должна была прийти еще три дня тому назад. От населения поступило сообщение, что какую-то девушку поймали немцы. Сильно мучили, а потом расстреляли.

Начались поиски. Разведчики облазили все картофельные ямы в лесу около деревни Волясы. Гена с Валентином и Машей подошли к последней, она находилась чуть в стороне от других, и увидели – земля нарушена. Не хотелось верить, что Лена может быть здесь. Сердце учащенно забилося, и Гена испугался своему предчувствию. Копнул несколько раз лопатой и увидел пальцы женской руки... Подошли остальные разведчики с Перовым и вместе разрыли яму. Это была она. Лену вытащили и положили рядом.

Маша плакала, не стеснялись своих слез, плакали и остальные разведчики. Лена была истерзана зверскими пытками – вся в черных пятнах, одежда разорвана в клочья. Очевидцы утверждали, что гитлеровцы привязывали ее к телеге и таскали по пыльной дороге. Но все равно признаний не добились. Лена была без чувств. Озверелые палачи не удовлетворились этим и сделали еще несколько выстрелов.

При допросе фашисты добивались признаний: откуда и куда идет, с какой целью. Им хотелось знать, где база разведчиков, сколько их, но это-

У могилы Лены Суровневой. 1973 г.

го они не добились от разведчицы. Лена выбрала самое страшное – смерть.

Случилось это в тот день, когда Гена очередью уничтожил фашиста. В короткой речи во время похорон Гена сказал:

– Недавно мы с Машей добыли ценные документы и уничтожили гитлеровского мотоциклиста. Пусть это будет началом нашего мщения. С этого дня мы

постоянно будем мстить за тебя, наш дорогой товарищ!

Так думали и остальные разведчики. Похоронили Лену Суровневу без салюта на горе, где когда-то стояла деревня Рудня, уничтоженная гитлеровскими захватчиками. Рядом – озеро Глубокое. С горы оно хорошо видно. Большие серые волны пенились, набегая одна на другую, они быстро достигали берега и разбивались о его песчаные выступы. Оно как будто вместе с разведчиками выражало свой гнев и ненависть к гитлеровским палачам. Разведчики запомнили это место и поклялись вернуться сюда с победой...

И слово свое они сдержали. Но для этого им пришлось пройти сотни километров по вражеским тылам и выполнить ряд ответственных заданий.

В июне 1944 года Перову приказали продвинуться вперед и разведать укрепления гитлеровцев в районе города Даугавпилса. В это время Советская Армия осуществляла операцию «Багратион» по разгрому фашистов в Белоруссии. Стремительное наступление наших войск не позволило выполнить это задание – разведчики соединились с частями Советской Армии и были отозваны в город Городок Витебской области.

– Как будем добираться? – спросил капитан.

– Проголосуем и на попутке доберемся, – ответил кто-то из разведчиков.

Остановились на обочине шоссе Даугавпилс – Витебск. Нескончаемым потоком шли на запад советские танки, машины, «катюши» и другая боевая техника. Разведчикам нужно было в сторону Полоцка. Им скоро повезло.

В Полоцке везде были развалины и груды разбитого кирпича. Вокзала тоже не было. Весь город свободно просматривался с машины. Лишь кое-где виднелись одиноко стоявшие двухэтажные и трехэтажные здания. Пересекли город и выехали на Витебскую дорогу. Здесь сохранились почти все деревянные дома. Рядом с дорогой, справа, течет полноводная Двина. В этом месте она широкая и хорошо видна с высокой набережной. По обочине дороги валялись вражеские разбитые машины. Опрокинутые и обгорелые, они ничуть не были похожи на когда-то грозную технику. Приятно было ощущать, что мы теперь сильнее фашистов и что разведчики – частица Советской Армии. В пять часов вечера подъехали к Городку. Здесь было чище, видно, как залечиваются фронтовые раны: засыпаются воронки от снарядов и бомб, расчищены улицы. В небольшом двухэтажном домике, стоявшем в живописном месте на окраине города, размещался их отдел. Разведчиков уже ждали. Их принял полковник, заместитель начальника отдела, а когда все расселись на стулья в его кабинете, вошел сам начальник отдела – полковник. Он поприветствовал разведчиков и сказал:

– С вами не вернулась Лена Суровнева, она погибла геройской смертью. Указом Президиума Верховного Совета СССР она посмертно награждена орденом Отечественной войны I степени. Вы тоже все награждены орденами Советского Союза.

Заместитель начальника подошел и, открыв дверь в другую комнату, кому-то что-то сказал. Сразу же появился капитан, который в руках нес семь красных коробочек. Подошел к столу и положил их перед полковником. Начальник взял одну из них, поднялся и сказал:

– Орденом Отечественной войны I степени награждается Геннадий Дмитриевич Савейко.

Гена поднялся и стал по команде «смирно». Полковник подошел и прикрепил орден к гимнастерке, а потом вручил и орденскую книжку. Пожал руку.

– Мы гордимся тобой, – сказал он.

– Служу Советскому Союзу! – четко произнес Геннадий.

Командира группы разведчиков капитана Перова наградили орденом Красного Знамени.

После получения наград разведчики вернулись к себе, и кто-то сказал:

– Не мешало бы обмыть награды, товарищ командир.

– Водой будешь обмывать, что ли? – упрекнул товарища Савейко.

– Разве мы перестали быть разведчиками? – произнес Валентин Плевко.

– Не нужно спорить, ребята, – вмешался Перов, взял свой вещевой мешок и достал три бутылки «московской» и объяснил: – Полковник предвидел такую ситуацию и приказал старшине выдать.

Кушать разведчики на кухню не пошли, а поручили Маше доставить ужин в палатку. Нашли небольшой столик и две скамейки. Подошел Перов с солдатским котелком. Он первый положил в него свой орден, а потом по его примеру все остальные. Мамчиц вылил сразу в котелок водку из поллитровки.

На столе стояло восемь одинаковых новеньких алюминиевых кружек, в которые Перов потом разлил ее поровну, и сказал:

– Все мы думаем об одно и том же, так и должно быть, иначе мы – не единая семья. Выпьем за светлую память нашей Лены, которой никогда больше не будет с нами. Благодаря ее мужеству и стойкости, мы остались живы и сможем отомстить за нее. Вечная ей слава и наш земной поклон.

Стояли молча. На суровых загорелых лицах разведчиков была скорбь. Выпили тоже молча. Разом сели и закусили. Разобрали ордена и прикрепили к гимнастеркам. Проголодавшиеся разведчики быстро опустошали миски, в которых находились тушенка и другая закуска. Вася Мамчиц взял последнюю бутылку и поровну разлил в семь кружек. Восьмая так и стояла нетронутая с кусочком хлеба. Поднялся Гена.

– Дорогие мои друзья, вы знаете, кто мы такие – мы щупальца нашей армии, мы ее глаза и уши – везде мы первые, а первым не всегда бывает легко. Будут среди нас, может, и новые жертвы, ничего не поделаешь – война, а она беспощадна. Будем же всегда ко всему готовы и не дрогнем: поступим точно так же, как поступила наша Лена.

Все дружно столкнулись кружками, получился глухой металлический звук, поднялись и, стоя, выпили. Это была их клятва.

Далеко за полночь засиделись разведчики. Все переговорили. И тут ребята надоумили Гену навестить своих родственников, хотя бы на корот-

кое время. Капитан обещал узнать завтра, долго ли пробудут здесь, и если будет хоть малейшая возможность – походатайствует, чтобы его отпустили.

Гена впервые крепко задумался о своих родителях, что даже сон не брал. Ему очень захотелось сейчас побыть с ними, его голова была переполнена различными мыслями. Он не выдержал и вышел из палатки.

Перов тоже не спал, он уже давно сидел на скамейке. Увидев Савейко, подвинулся и сказал:

– Садись, я тоже не могу уснуть, не могу забыть Лену. Как вспомню зверства фашистов и представлю ее муки, дрожь проходит по телу. А она ведь наверняка думала о нас и умерла с надеждой, что мы остались живы и вспомним о ней. Молодец девочка. – Перов достал пачку сигарет, предложил Гене, сам закурил и продолжил дальше: – Только в войне до полной победы над фашизмом мы найдем свое утешение. Там, в тылу, чувствуешь себя другим, перед тобой есть цель, к ней стремишься, знаешь, что ты должен сделать. А здесь мы как бездельники, не похожие на себя.

– Я с вами согласен, товарищ капитан, – сказал Савейко, – у меня точно такое же чувство, что я готов бить фашистов на каждом шагу, пока они не дадут нам спокойно жить.

Капитан докурил сигарету, затушил окурок о землю и, поднимаясь, сказал: «Надо все же пересилить себя и уснуть. Завтра будут другие дела, советую и тебе».

Гена посидел еще немного и тоже пошел в палатку. Укрываясь одеялом, подумал о капитане: «Правильный человек, внимательный и смелый. Такими и должны быть командиры». Перевернулся на бок и уснул.

Просыпался тяжело. Он чувствовал, как его тормозили, но глаза никак не мог открыть, а как услышал голос капитана: «Проснись же, чемпион по сну, все рекорды побил – уже одиннадцатый час», – сразу открыл глаза. Перед ним стоял капитан, бодрый, улыбающийся. И Гена невольно подумал: «Откуда он только силы черпает, спал меньше меня, а сколько переживаний за всех и за каждого из нас, за него и жизнь не пожалеешь отдать».

– Вот тебе увольнительная на три дня, навести родителей. Теперь Гена по-настоящему проснулся, протер глаза, прочитал увольнительную и сразу поднялся.

– Вот, что значит спать в безопасности, давно так не спал, – оправдывался Савейко.

– Зайди к старшине и получи паек, он уже знает, – сказал капитан и вышел из палатки.

Старшина был в хорошем настроении и сразу принялся отоваривать Савейко. Достал несколько банок свиной тушенки, яичный порошок, крупу, сахар. Прошел в дальний угол сарая и принес пол-литра «Московской». Улыбнулся и сказал:

– А это для встречи с родителями. Теперь зайди вон туда, сними свое обмундирование и подбери новое.

Появился Гена в палатке разведчиков неузнаваемым,

– Вот будет радость родителям, – сказала Маша, – просто позавидуешь.

Провожали Гену все разведчики. Плевко взял вещевой мешок товарища и нес до самой дороги. Там они посадили Гену на попутный ЗИС. Шофер оказался родом из Витебска, но долгое время жил в Воронеже. Быстро нашли общий язык и всю дорогу разговаривали. До Полоцка доехали быстро, дальше машина не шла. Гена пошел пешком. Ему нужно выйти на противоположную сторону города, на шоссе Полоцк – Клястицы, и, не доезжая до Соколища три километра, повернуть налево в сторону своей деревни. Скоро ему посчастливилось сесть в штабной «Виллис», где кроме шофера, находился старший лейтенант. Разведчик всегда интересуется окружающими людьми, происходит это помимо его воли. Геннадий узнал, что старший лейтенант интендантской службы дивизии едет в Россоны по служебным делам. Человек он малоразговорчивый, и Гена был доволен, что никто не перебивает его мысли. Куда ни посмотрит – везде знакомые места. Вспомнил, как вот здесь, у хутора Половинники, в июле 1942 года они из засады разбили немецкий карательный отряд в 75 человек и захватили оружие, документы с пароконным фургоном. Тоже были отъявленные фашисты.

Скоро выходить. Уже видна сломанная ветром толстая береза и за ней сразу поворот в его деревню. Гена попросил остановиться, поблагодарил шофера и старшего лейтенанта, вышел из машины, перешел на другую сторону дороги и зашагал в свою деревню. До Латышева оставалось не более трех километров, и ему никак еще не верилось, что он скоро будет дома и увидит отца с матерью. Ноги сами несли к отцовскому порогу. Только вот дома-то не было. Еще в июне 1942 года его сожгли гитлеровцы. Тогда они с братом пришли из отряда и построили землянку, в которой и жили пока родители. Гена шел быстрым шагом. Приятно облегало все тело новенькое обмундирование. Это капитан постарался, чтобы родители увидели его таким. На груди поблескивал эмалью новенький орден. Далек виден молодой дубок, который отец посадил в день его рождения. Над зем-

лянкой вьется дымок. Подошел, постоял около навеса, где стояла печь, а потом решительно перешагнул порог в землянку. Отец и мать не поверили своим глазам. Они смотрели на молодого красивого солдата. Первая опомнилась мать.

– Сынок! – и первая бросилась к нему.

Подошел отец и крепко обнял сына. Спросил, как воюет и надолго ли домой.

– Воюю, как и все, – сказал Гена. – На войне всегда кровь, гибнут товарищи, не хочется об этом говорить. Главное – гоним фашистов на запад.

Разговорам, казалось, не будет конца. Вечером пришел сосед Федор и обратил внимание Геннадия на пепелище, незасеянную землю.

– Вернешься совсем домой, – сказал он, – изберем тебя председателем. Будем вместе восстанавливать колхоз, строить дома.

Гена готов хоть сейчас начать заниматься этим, но война еще не окончена и его долг – быть там, на переднем крае, и даже за ним – во вражеском тылу выполнять ответственные задания разведчика.

...Незаметно проскочили три дня отпуска. Геннадия провожали всей деревней. Мать со слезами на глазах наказывала:

– Береги себя, сынок, мы с отцом будем тебя ждать...»

НАЧАЛО БЫЛО ПАРТИЗАНСКИМ

Как и многим представителям поколения 50 – 60-х годов, мне достаточно хорошо известно, какой ценой наши отцы и деды отстаивали свободу и независимость нашей Родины в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками, обеспечив нам и нашим детям светлое счастливое детство.

Мой отец – Грозберг Геннадий Петрович – был непосредственным участником Великой Отечественной войны. Родился он в 1925 году в поселке Барань (ныне город Барань) Оршанского района Витебской области в семье служащего. В 1941 году окончил 9 классов средней школы и 22 июня добровольцем вступил в комсомольский истребительный отряд по борьбе с немецкими диверсантами. С июня 1943 года воевал в качестве рядового-подрывника 36-го отряда 8-й партизанской бригады под командованием Героя Советского Союза С.Г. Жунина, принимал непосредственное участие в «рельсовой войне».

«Километра за два до железной дороги бригада остановилась. Командиры отрядов объяснили партизанам предстоящую задачу. Нужно было разрушить обе колеи железнодорожного полотна на протяжении до трех километров. 12, 28 и 36-й отряды составили главную ударную силу. 12-й отряд с правого фланга наносит удар вдоль железной дороги к станции Трацилово. 28-й отряд действует западнее высоты 221,3 и наносит удар по дороге Словени – Сидоровка, держит под прицелом будку и переезд. 36-й отряд наступает в направлении Каменки, уничтожает блокпост. Группы подрывников 8-го отряда передавались 12-му, 30-го – 36-му, 24-го – 28-му отрядам. Они должны были действовать совместно, одновременно. 24-й отряд обеспечивал левый фланг и устраивал засады на дорогах Славное – Гута – Коврижино. 30-му отряду было приказано устроить засады на участках дороги Красиное – Монастыри и произвести обстрел станции Трацилово, а 8-му отряду – на высоте 221,3.

*С.Г. Жунин с группой партизан 36-го отряда:
в первом ряду (слева направо): Б. Вершинин – разведчик бригады,
С. Г. Жунин – комбриг, Т.Н. Кавецкий – комиссар отряда, М. Шерстобитов –
командир диверсионного взвода; Во втором ряду подрывники: И. Шутов, Л. Хомицкий,
Г. Грозберг, П. Лаппо, В. Лаппо*

По сигналу бригада ринулась па врага. Партизаны блокируют бункеры и будки, ползут к рельсам. Первым взобрался на насыпь командир «пятерки» Петр Лаппо. Неподалеку от него действуют Павел Мухин и Валентина Подчуфарова. Руководит закладкой мин Михаил Шерстобитов. А из бункеров свистят пули. Но партизаны, кажется, не обращают па это внимания. Геннадий Грозберг при помощи стальной скобы крепит заряд. Это он сам придумал такой способ. Раньше мину засыпали песком, что не всегда было надежно, да и затрачивалось много времени. Парень приобрел опыт подрывника. Одно время он был в группе Кудрявцева, а сейчас во взводе Михаила Шерстобитова. Боевое крещение получил в прошлом месяце, уничтожив связь между Шенелевичами и Храпами. Потом вместе с Михаилом Глинкой взорвал мост. Перед «рельсовой войной» ходил с Шерстобитовым на диверсию в район станции Трацилово. Пустили под откос эшелон с военным грузом. И вот сейчас Грозберг спокойно действует под вражескими пулями. Кто-то подтаскивает ему снаряд. Это для большего эффекта. Ведь на шоссе Шепелевичи – Храпы Геннадий уже применил такой способ. Когда вместе с миной детонирует и снаряд – результаты отличные», – так впоследствии (в 1974 году) напишет автор С.Г. Жунин в книге «От Днепра до Буга» В это время родители отца находились в концентрационном лагере в г. Борисове (освободила их Советская Армия в 1944 году).

После соединения партизанской бригады с частями действующей армии с августа 1944 года отец продолжает воевать на фронте: сначала наводчиком, а затем, после присвоения воинского звания сержант, командиром расчета 45-мм противотанкового орудия.

1945 год он встретил в Пруссии. Однако 23 февраля 1945 года под Кенигсберг получил тяжелое ранение. Лишился ноги, множеством осколков повредило руки, голову, вторую ногу. Демобилизовался инвалидом Отечественной войны II группы.

В 1946 году поступил, а в 1948 окончил Оршанский учительский институт. Работал директором семилетней школы в Крупском районе, потом в средней школе № 15 г. Орши. Заочно окончил Смоленский педагогический институт. В 1970 году вместе с семьей переехал в город Новополоцк. Работал в средней школе № 4 учителем истории. За активное участие в разработке и внедрении передовых технологий в процесс обучения неоднократно поощрялся Министерством образования, являлся Отличником народного образования. Одним из первых в Белоруссии создал кабинет истории и обществоведения, признанный не только специалистами-историками СССР, но и Финляндии и ГДР.

В 1975 году Указом Президиума Верховного Совета БССР отцу было присвоено звание «Заслуженный учитель Белорусской ССР».

В 1976 году вынужден был уйти на заслуженный отдых по состоянию здоровья. Однако и находясь на пенсии, он проводил активную работу по военно-патриотическому воспитанию подрастающего поколения. Среди правительственных наград – орден Отечественной войны I-ой

степени, три медали «За отвагу», медали «Партизану Великой Отечественной войны», «За взятие Кенигсберга», «За боевые заслуги».

Не стало отца в 1995 году после тяжелой болезни. Однако мои дети по его рассказам, воспоминаниям, фотографиям, комментариям к военным фильмам много узнали о Великой Отечественной войне и на живом примере дедушки поняли, какой ценой завоевана ПОБЕДА.

*Юрий Геннадьевич Грозберг,
канд. техн. наук, доцент, зав. кафедрой
«Конструирование и технология РЭС»*

Падрыўнік

У канцы вуліцы Зарэчнай, што ў пасёлку Барань, жыве настаўнік – інвалід Вялікай Айчыннай вайны Генадзь Пятровіч Грозберг. Сюды і сабраліся на сваю першую пасляваенную сустрэчу былыя падрыўнікі 36-га атрада партызанскай брыгады Героя Савецкага Саюза Сяргея Георгіевіча Жуніна.

Быццам родныя браты, сустрэліся М.І. Шарстабітаў, Г.П. Грозберг, І.П. Шутаў. П.М. Лапа, Л.І. Хаміцкі, В.А. Лапа, Б.М. Вяршынін, былы камісар атрада Ц.М. Кавецкі і былы камандзір брыгады С.Г. Жунін.

Успаміны, успаміны... У кожнага свой лёс, у кожнага свой подзвіг. Хочацца сказаць пра арганізатара сустрэчы і былога адважнага падрыўніка Генадзя Пятровіча Грозберга.

...У жніўні сорок трэцяга брыгада накіравалася да чыгункі. Задача: узарваць рэйкі і шпалы. Побач з Пятром Лапам і іншымі пры дапамозе стальной скабы мацуе зарад да рэек Генадзь Грозберг. Скаба – гэта яго вынаходніцтва. Больш надзейна і эканоміць час. Падрыўнікі працуюць парамі. У выпадку выхаду са строю аднаго – справу закончыць другі.

– Запальвай! – чуецца голас камандзіра.

Кулем скочваюцца на дно кувета. Марудзіць нельга: шнур вельмі кароткі.

За ноч узарвана 950 рэек, разбіта некалькі казармаў, блок-пастоў.

– Здрава ты прыдумаў наконт скабы, – пахваліў Генадзя камбрыг Жунін, – Цяпер можаш адпачываць цэлых двое сутак.

– Што вы, таварыш камбрыг, хіба можна адпачываць у такі час? – запярэчыў юнак.

Да гэтага камсамалец знішчыў сувязь паміж Шапалевічамі і Храпамі, а потым разам з адным падрыўніком – мост і павозку з гітлераўцамі. Удзельнічаў у падрыве эшалона ля станцыі Трацылава. Ён жа падавіў кулямётнае гняздо, калі атрад вёў бой з Паўлавіцкім гарнізонам...

...3 аперацыі вярнуліся ў добрым настроі, хоць і вельмі стомленыя. Да падрыўнікоў падышоў камісар атрада Ціхан Кавецкі (таксама аршанец):

– Эскадрон ідзе ў засаду. Хто з вас пойдзе дабраахвотнікам замініраваць шасэ?

– Я, – першым адклікнуўся Генадзь.

За ім азваліся іншыя. І гэта заданне было выканана. Грозберг, Лапа, Глінка атрымалі падзякі ад камбрыга. Яшчэ б! Ад трох мін на шасэ стварыўся затор, узарвалася некалькі аўтамашын з гітлераўцамі. Партызанскаму эскадрону было над чым «папрацаваць».

...Успаміны, дакументы. Колькі іх! Прайшоў Генадзь Пятровіч Грозберг і многія краіны Еўропы, быў цяжка паранены, застаўся без нагі.

Чулы, сціплы, добры чалавек, зараз ён вучыць дзяцей. Вучыць любіць Радзіму, свабоду, мір.

*М. Пацёмкін,
слухач Мінскай Вышэйшай партыйнай школы,
газета «Ленінскі сцяг», 1973 г.*

ПАРТЫЗАН, НАСТАЎНІК, ПІСЬМЕННІК

Мой бацька, Шамрыла Мікалай Пятровіч, нарадзіўся 22 жніўня 1921 года ў вёсцы Міхедавічы Петрыкаўскага раёна Гомельскай вобласці. Да Вялікай Айчыннай вайны закончыў Бабруйскі педабрафак і адзін навучальны год (1940 – 1941) працаваў настаўнікам у Плебанаўскай школе Валкавыскага раёна. У чэрвені – кастрычніку 1941 года быў упаўнаважаным па эвакуацыі буйной рагатай жывёлы ў глыб Расіі ад калгаса «Сейбіт» Петрыкаўскага раёна. З кастрычніка 1942 года па ліпень 1944 года – партызан 125-га атрада Петрыкаўскай партызанскай брыгады Палескага злучэння. З ліпеня 1944 па кастрычнік 1945 года знаходзіўся ў радах Чырвонай Арміі. Ваяваў на франтах Вялікай Айчыннай вайны. Меў цяжкія раненні, быў інвалідам вайны II групы. Узнагароджаны двума ордэнамі Чырвонай Зоркі, ордэнам Вялікай Айчыннай вайны і пяццю медалямі.

З кастрычніка 1945 па ліпень 1983 года з невялікім перапынкам працаваў дырэктарам Міхедавіцкай васьмігадовай школы. Закончыў Мазырскі настаўніцкі і Гомельскі педагагічны інстытуты.

Бачанае і перажытае ў жахлівых гадах вайны не дала яму спакою. Я і сёння памятаю, як доўгімі зімовымі вечарамі ён расказваў нам з братам пра свае ваенныя дзеянні, пра карнікаў, якія не шкадавалі ні малых, ні старых. Пра тое, як немцы забілі старэйшую сястру і трохгадовага браціка, як не вярнуўся з вайны яго бацька (мой дзед) і на руках у маці засталася восем малых дзяцей. Як ён, старэйшы ў сям’і, замяніў ім бацьку. Расказваў пра сваіх баявых таварышаў, якія назаўсёды засталіся ляжаць на палях бітваў, як глядзеў смерці ў вочы...

Мы з захапленнем слухалі расказы свайго бацькі, ганарыліся ім.

Сёння, праз 60 гадоў пасля Перамогі, я нізка кланяюся і схіляю галаву перад светлай памяццю майго бацькі і ўсіх тых, хто не дажыў да гэтага вялікага Свята, хто дараваў нам жыццё і блакітнае неба над галавой.

І вялікі ім дзякуй!

З 1995 года мой бацька – член раённай камісіі па стварэнню гістарычна-дакументальнай хронікі «Памяць» Петрыкаўскага раёна. Ён – аўтар многіх апавяданняў гэтай хронікі: «... Прыгаворваецца да расстрэлу», «Школа на папялішчы» і іншых. У 1945 годзе ў газеце «Сталінская праўда» было размешчана яго пісьмо з фронту да землякоў роднай вёскі.

Пастаянныя сустрэчы з моладдзю, ветэранамі вайны і працы, друкаванне сваіх нарысаў і апавяданняў пра вайну ў абласных і рэспубліканскіх газетах, часопісах, літаратурна-публіцыстычных альманахах натхнялі яго на напісанне зборніка твораў на ваенную тэматыку. Але раптоўная смерць у студзені 2000 года не дала ажыццявіцца яго марам. Рукапіс застаўся без свайго гаспадара...

На суд чытачоў прадстаўляю ўспаміны аб той вайне, апавяданні майго бацькі, якія былі надрукаваны ў літаратурным альманаху пры Петрыкаўскай раённай газеце «За новыя рубяжы».

*Людміла Мікалаеўна Сурмач,
бібліятэкар I кат. ПДУ*

Маці

Усіх яе трох сыноў я добра ведаў. З малодшым, Германам, вучыўся з першага класа, хаця ён быў старэйшым за мяне на два гады: нейкая хвароба затрымала яго дома. На службу ў армію ён пайшоў у 1939 годзе. Перад вайной на кароткатэрміновыя зборы былі прызваны і старэйшыя – Савасцяян і Волесь. Затым – не застаўся дома і стары Ануфрый.

Усіх чатырох адправіла Пелагея Міхайлаўна Акуліч на абарону Радзімы. Адправіла і да гэтага часу не дачакалася...

Калі ўвосень сорок другога года партызанскі атрад імя Балотнікава размясціўся ў Міхедавічах, Пелагея Міхайлаўна ўзяла да сябе на кватэру, а потым усынавіла малалетняга партызана яўрэйскага хлопчыка Мішку, які цудам застаўся жывым пасля гібелі бацькоў у Курыцічах. Яму было тады чатырнаццаць гадоў.

Даглядала, апранала, выпраўляла ў партызанскі нарад і з нецяярпеннем чакала яго вяртання.

З паўгода ўсё ішло добра. А ў сакавіцкую халепу сорок трэцяга года ён не прыйшоў – мы прыцяглі яго дадому. Ледзь живога, бледнага, з падвязанай на грудзях, абкручанай у рыззе акрываўленай рукой і тулавам. Яна не спала, чакала Мішу. І ўбачыўшы на парозе мяне з акрываўленым на руках Мішам, не ўскрыкнула, не палохала яго, нічога не пытала.

– Сыночак, родненькі, пацярпі... Я зараз, ... – шаптала яе дрыжачыя вусны, а доўгія агрубелыя пальцы разматвалі цёмнакарычневы клубок, з якога сцякалі на падлогу кроплі крыві. Я падтрымліваў яго за плечы, беллага, як палатно, а яна, не маючы ніякай медыцынскай адукацыі, абмыла ў місцы цёплаю вадою руку, затым звычайнымі сялянскімі ножнамі паабстрыгала абсмаленыя ласкуці сухажылляў, мяса, скуры, якія бездапаможна звісали з абяскроўленых белых костчак бясформенных астаткаў пальцаў.

Потым успомніла – у яе ж нарыхтавана засушанае лісце падарожніку. Паслала старэйшую, Зіну, каб прынесла.

Абгарнула далонь і тое, што засталася ад пальцаў, размочанымі лістамі, а Зіна разрывала на доўгія палоскі братавы паркалёвыя сарочкі, якія любоўна захоўваліся на дне ў матчыным куфры.

Гэтак жа сама апрацавала шырокую і глыбокую, амаль да самай касці, рану і на бядры.

...На досвітку Пелагея Міхайлаўна была на ўзлессі і рупліва абстругвала кару з маладых дубовых парасткаў. Адвар з яе – найлепшы сродак для паласкання і зажывання ран...

А здарылася вось што.

Пад аховай снежнай завеі атрад карнікаў разлічваў знянацку захапіць ці знішчыць старажавы партызанскі заслон ля ваколіц Падозбіна, пад Бабунічамі. Яны ехалі на шасці падводах.

Партызанская разведка ўстанавіла маршрут іх руху і паведаміла свайму камандаванню. Спешна заляглі партызаны ў ланцуг.

Залп. Спалоханыя коні ўздыбіліся, рванулі ў бакі і панесліся па заснежаным полі, а некаторыя развярнуліся і рухнулі ў снег.

Другі залп. Адазвалася некалькі нямецкіх аўтаматчыкаў і кулямётчыкаў. Партызаны пайшлі ў атаку.

Толькі Мішка падняўся для чарговай кароткай перабежкі, леваю рукою падтрымліваючы кішэню, у якой былі абгорнутыя ў хусцінцы два запалы для мін (мы рыхтаваліся ў падрыў на жалезку), як рэзкі пякучы трэск апаліў руку і нагу вышэй калена. Трэба ж такое: варожая разрыўная куля трапіла ў запал. Мішка спатыкнуўся, упаў у снег і больш не падняўся. У разгар бою і ў завеі не адразу заўважылі, што яго няма.

Яго мы знайшлі, калі карнікі адступілі, пакінуўшы на полі бою забітых коней, вінтоўкі, патроны, гранаты. Абвязалі ў рэшткі яго вопраткі. Нехта даў сарочку, знайшлі кавалак нямецкай коўдры. Мне даручылі даставіць яго дадому, да Пелагеі Міхайлаўны.

Лёгка сказаць: «Даставіць». А як гэта зрабіць практычна? Надышла ноч, завея не сціхае. Пра дарогу і думаць няма чаго. З Падозбіна да Міхедавіч добрых тры кіламетры. Да партызанскага шпіталю – усе дзесяць. Не панясеш, хаця ў маёй камандзе чатыры чалавекі.

Параіліся і прыдумалі. Пры дапамозе нажоў сяк-так зрэзалі дзве маладыя яліны, звязалі іх разам, лепш укуталі Мішку ў нейкае рыззё, якое знайшлося на нямецкіх разбітых санях, асцярожна паклалі раненага на гэтыя яліны і волакам пацяглі. Па чарзе, па-двух...

Забітыя коні былі маладыя, тлустыя. Не прападаць жа дабру. Аблупілі, разабралі. Мясца часткова скарысталі для партызанскай кухні, а

рэшту разабралі мясцовыя партызаны для сваіх сем'яў. І для мяне хлопцы напакавалі торбу конскага мяса. Я аднёс сваёй маці. Не цікавілася, не пыталася, адкуль яно, якое. Ведала: я прынёс – значыць добрае. Дзяцей трэба было кармць – іх у яе, апрача мяне, сямёра. Са скур шылі маршчакі – так называліся скураныя лапці...

Цяпер Міхаіл Сямёнавіч Рапапорт жыве і працуе ў Ноўгарадзе. Паважаны і аўтарытэтны ў сваім калектыве. Добрая ў яго сям'я.

Не забывае ён сваю другую маці. Наведваецца да яе, прывозіць падарункі. Адноўчы мне давялося быць сведкай іх сустрэчы.

Мы чакалі яго на вуліцы ля веснічак. Вось пад'ехала машына. З яе вылез, трымаючыся за дзверцы здароваю рукою, Міша і памалу накіраваўся да яе. Яна распасцёрла рукі насустрач. Нахаду ён зняў з куксы шырокую пуховую хустку, накінуў ёй на плечы.

Абняліся, цалаваліся, плакалі. Потым аберучкі яна ўзяла яго куксу з рэшткамі закручаных пальцаў, прыціснула да дрыжачых ад хвалявання губ.

– Сыночак, родны... – шапталі яны, як у тую памятную, сакавіцкую ноч.

Гэтыя слёзы... і ў радасці слёзы, і ў горы слёзы. Я ўпершыню бачыў вочы, якія плакалі без слёз. Выплакаліся ўсе. Ды ніхто не ведае і не скажа, колькі іх трэба, каб толькі ўтапіць у іх хаця б адно мацярынскае гора.

...Чакае маці сыноў з вайны. Чакае мужа, старэйшую дачку. Не спіць уначы, не спіць удзень: а можа, каторы спозніцца і паціху пастукае ў шыбку – каб не праспаць, пачуць. Павінен жа хоць адзін прыйсці.

Не спіцца Пелагеі Міхайлаўне. Варочаецца з боку на бок.

Ці то спрасоння лопне крыллем начная птушка дзе-небудзь у застрэшшы, ці лускне мароз у рашчэліне старой дзічкі над акном, ці адзавецца сабака на вуліцы, ці нават піскне мыш-палёўка ў закутку – усё чуе яна. Ей здаецца, што гэта нехта з сыноў з'явіўся на падворку ў вобразе начных гукаў і напамінае маці аб сабе. Пра Ануфрыя, мужа свайго, яна неяк менш думае: яму пара б ужо памерці сваёй смерцю.

Яна ўстае, уключае святло, ладзіцца на прыпечку, затым носіць на стол і стаўляе-перастаўляе стаканчыкі, тарэлачкі, сподачкі, налівае ў шклянкі з чайніка нарыхтаванай яшчэ з вечара кавы і нешта гаворыць сама сабе.

Прачнулася праўнучка Зіна (У памяць старэйшай дачкі праўнучку назвалі яе імем).

– Бабуля, што вы ўсё нешта гаворыце самі з сабой?

З добрым чалавекам і пагаварыць прыемна... Спі, унучка, спі.

Не дачакалася маці сыноў: на 99-ым годзе жыцця не стала Пелагеі Міхайлаўны...

Гузiк з зорачкай

Самы звычайны. Металiчны. З зорачкай. З салдацкай гiмнасцёркi. Трохi прыплюснуты, з бакоў памяты, пагнуты...

Доўга зберагаў яго, насiў ва ўнутраным кармане пiнжака, як дарагую рэліквiю, а больш як талiсман, пакуль за працоўнымi мiрнымi клопатамi ўжо ў аднаўленчыя гады не згубiў, не ведаю, дзе i як. Цi то дзецi ўзялi сабе на цацку, цi можа жонка, аглядаючы карманы пiнжака, выкiнула як непатрэбную рэч.

Ён збярог мне жыццё. Так-так, збярог i...

Каму з ветэранаў вайны давялося ўдзельнiчаць у баях пад Альдамам, прыгарадзе Шчэцiна, што ў вусцi Одэра на Балтыцы, той ведае, якiя там былi гарачыя i ўпартыя баi.

Прамалацiла наша артылерыя подступы да Альдама – справа за пяхотай. А яе няма. Там, дзе не прайшла пяхота, тэрыторыя не занята! Каго паслаць? Хто праверыць i замацуе адваяваны рубеж? Ён невялiкi: у шырыню з паўкiламетра, а ў глыбiню i таго менш – невялiкi пяточок, палоска старога густога лесу.

Звычайна ў наступленнi кулямётчыкi размяшчаюцца трохi ззаду наступаючых радоў або збоку, на стыку падраздзяленняў, каб у час бою не пашкодзiць сваiх. Мы бачылi, што нашы пярэднiя рады мо трэцi цi чацвёрты раз паднiмалiся ў атаку. I кожны раз iх было ўсё менш i менш. Чакаем контратакi – яе няма.

Вось у гэты час i малацiла наша артылерыя па гэтаму пяточку. Малацiла ўпарта, настойлiва не менш, як паўгадзiны. Цi можа, нам так здалося? Яго трэба заняць, а няма каму.

Злева таксама была палоска хвойнiку-маладняку, але адтуль нiхто не страляў, i нашы пушкi не бiлi па iм.

Рашылi паслаць нас, кулямётчыкаў. У нас таксама мала людзей. У маiм разлiку з пяцi па штату толькi два чалавекi: у час наступлення засталiся на полi бою, хто паранены, а хто забiты. Апошнiм ранiла наводчыка Ваську, родам з-пад Чарнiгава. Таксама хлопец у сарочцы нарадзiўся: куля толькi дзынкнула ў каску, прабiла яе, адрыкашэцiла i над правым вiском у чэрапе пакiнула разорку сантыметраў на дзесяць, як карандаш. Я глянуў: нi крывiнкi ў разорцы – куля апякла валокны, i яны не паспелi яшчэ набрыняць крывёю. А там, у глыбiнi, варушацца белыя тканкi – мазгавая плёнка дыша.

Васька не спалохаўся: не было калі. Ён хуценька выхапіў індывідуальны пакет, прыціснуў яго да раны і, я заўважыў, радасны папоўз у тыл, далей ад гэтага пекла.

Калі трохі супакоілася і стала цямнець, камандзір нашай кулямётнай роты капітан Белкавец абышоў усіх нас – пяць станкачоў засталася, а ў разліках, як і ў мяне, па два-тры чалавекі. Падмацаваць няма кім: пяхота загінула.

Задача: паціхоньку ўсім пяцярэм разлікам прасунуцца за той лясок і з таго краю заняць абарону. Ён з намі.

Папаўзлі. Пацягнулі кулямёты. Капітан уперадзе: ведае, куды. Я апошнім. Значыць, маё месца крайнім справа, за пятакком.

Прабраліся. На перадку нас не заўважылі ці, можа, не было каму заўважаць. Поначы наткнуліся на варожыя траншэі, прайшлі паўз іх. Па нас секанула аўтаматная чарга, ззаду, за намі, разарвалася граната. Прышлося трохі адступіць.

Акапаліся. Усё добра, як мае быць. Як на перадавой. Капітан праверыў усе разлікі, пажадаў шчаслівай ночы і ад мяне, апошняга, папоўз у цемру, у тыл.

Я ўстанавіў кулямёт, заправіў стужку і рашыў праверыць. Ноч не спакойная: то тут, то там адзіночныя стрэлы, а то аўтаматныя чэргі. Я не любіў без дай прычыны страляць, выяўляць сябе. Але тут захацелася стрэльнуць, хаця б разок: праверыць кулямёт – пасля чысткі не страляў ім. Націснуў на гашэтку: два-тры аўтаматныя выстралы і – замоўк кулямёт. Мацней цісну на гашэтку – цішыня...

Пахаладзела ў мяне ў сярэдзіне. Пачакаў трохі, супакоіўся, абдумаў, чаму кулямёт не дае аўтаматнай чаргі? Праверыў замок, стужку, ці не перакошана, ці патрон прапушчаны ў ёй, а можа, шляпку ў патроне абарвала? – Не, усё, як трэба.

– Давай яшчэ раз папробуем, – гавару Грышку.

– Давайце, – абыякава згадзіўся ён. А што яму? Ён ні за што не адказвае. Каробкі са стужкамі пры ім.

Адвёў замок, не спяшаюся, усё яшчэ раз абдумаў, націскаю на гашэтку – два-тры выстралы і – стоп! Не адпускаю гашэтку – маўчыць кулямёт...

Халодны пот выступіў на твары, адчуваю – кроплі пакаціліся ўніз. Стаю, думаю, не адпускаю ручак. Значыць, трэба шукаць прычыну. Нешта заядае, тармозіць.

Кулямёт я ведаў дасканала. На вобмацак дакладна вызначыў кожную дэталю і яе месца, ведаў іх прызначэнне.

На брустверы разаслаў гімнасцёрку, поначы выняў замок, разабраў, прачысціў кожную дэталю, змазаў (масла і анучкі заўсёды ў запасе), вычысціў унутраную частку магазіннай каробкі, сабраў.

Праверыў – тое самае... А я на самым перадку, на мяне ж уся надзея і на табе! – бяззбройны. Аўтамат пакінуў у абозе. У разліку нас удвух – хаця б кулямёт са стужкамі цягнулі...

Я ў трох асобах – і камандзір разліку, і зараджаючы, і наводчык. Для падносу каробак далі вось гэтага Грышку. Ён яшчэ нідзе не быў, не абстраляны, свісту кожнай пулі кланяецца.

На свой жах і рызыку я рашыў пакінуць агнявую пазіцыю, адысці у тыл і далажыць камандзіру роты ці каму-небудзь з пяхотных камандзіраў, што я агаліў невялікі ўчастак фронту з-за няспраўнасці кулямёта.

Адышлі метраў трыста, у той самы малады гаёчак, што прыкмеціў я вечарам, шукаю камандзіра роты. Усюды, кругом спяць людзі, па аднаму, па некалькі. Будзіць не стаў: дзе тут поначы знойдзеш таго камандзіра? Трэба чакаць раніцы.

Наламалі галля, падаслалі і палеглі бліжэй да сонных. На аднаго я галаву паклаў – лягчэй і цяплей будзе.

Не заўважылі, як заснулі і раніца наступіла. Светла, толькі туманна.

Што ж гэта ніхто не ўстае? І салдат, на якім мая галава ляжала, не падымаецца. Штурхаю – не ўстае. Я мацней і – божа мой! Ён жа мёртвы. Сон як рукою зняло. Гляджу кругом – усе забітыя. Ляжаць па аднаму, па два, па некалькі разам адзін на адным. З раскінутымі рукамі, скорчаныя ў прадсмяротных муках. Хаця б адзін ранены...

Грышка мой зусім абмяк. Прыкрыкнуў на яго:

– Не адыходзь ад кулямёта і... – а сам кінуўся шукаць капітана. Прабег у адзін бок, другі – усюды ляжаць... Колькі іх – не злічыць.

Капітана я такі знайшоў. Ён і яшчэ некалькі афіцэраў са штаба абследавалі гэтае страшнае месца пабоішча. Аказваецца, у гэтым ляску немцы зрабілі засаду-лавушку. Расставілі аўтаматчыкаў і чакалі, пакуль сюды скопяцца нашы байцы. І калі яны сабраліся сюды, як у ахоўнае месца, адразу адкрылі шквальны агонь з усяго аружжа. Раненых потым дабівалі...

Я далажыў капітану аб усім. Вопытны ён быў чалавек. Відаць, у яго ўжо былі такія здарэнні. Ён моўчкі падышоў да кулямёта, адкрыў крышку,

дастаў замок, заглянуў у магазінную каробку і дастаў адтуль з левага вугліка гузік. Самы звычайны. Металічны. З зорчайкай. З салдацкай гімнасцёркі. Трохі прыплюснуты, памяты. І падаў мне:

– Схавай на памяць...

Я інстынктыўна мацнуў каўнер сваёй гімнасцёркі – там не хапала аднаго гузіка. Хуценька паклаў яго ў карманчык і праверыў работу «максіма» – выдатна і ні адной затрымкі...

На перадаваю, на маю агнявую пазіцыю, мы ішлі ўтрох. Капітан нёс каробкі са стужкамі, а я з Грышкам кацілі кулямёт. Там наша рота. Толькі нейкая таямнічая цішыня.

Вось і мой акупчык. Як пакінуў уночы, так нічога і не змянілася. Я застаўся ля яго, стаў ладзіцца з кулямётам, а капітан пайшоў правяраць сваю роту.

І раптам на ўвесь голас, не зважаючы, што недзе блізка немцы, капітан крычаў:

– Сяржант, сюды!..

Ля кулямёта – Грышка. Я ўсхапіўся і да капітана.

Жудасная карціна паўстала перад маімі вачамі. У першай, другой, ва ўсіх чатырох нашых кулямётных ячэйках ні аднаго жывога байца. Усе расстраляны ў сваіх акупчыках. Ні адзін нават не выпаўз на броўку. Як сядзелі ці можа драмалі ў акупчыках, так усіх іх і прыкончылі немцы. Усю кулямётную роту – чатыры разлікі, адзінаццаць чалавек. Кулямётаў не зачাপілі...

Акамянела душа. Слёзы зацвярдзелі ў вачах...

Я прылёг да аднаго з кулямётаў і ў іх бок, без разбору, выпусціў усю кулямётную стужку. Ніхто мне адтуль не абазваўся: яны раптоўна наляцелі на нашых кулямётчыкаў, расправіліся з імі і ўцяклі.

Пяць кулямётных акупчыкаў. Адзін мой – пусты...

Успомніце, ветэраны, хто быў пад Альдамам, тыя баі. Раскажыце ўнукам. З Петрыкаўшчыны там было многа, толькі мала ўцалела. Можа, з адным з іх я спаў у тую неспакойную ноч, палажыўшы на яго галаву, бо нічога благога мне не прыснілася.

З тых, хто быў пад Альдамам і застаўся жывым, я ведаў аднаго Рэвуцкага Міхаіла Іванавіча. З Лучыц. І яго ўжо няма...

А пра капітана я раскажу другім разам. Ён таксама з нашага раёна...

На Эльбе

У другой палавіне дня 2 мая 1945 года наша танкавая калона выйшла на правы бераг Эльбы каля Вітэнберга. Дэсантнікі саскаквалі з танкаў і спешна займалі абарону, хаця ў гэтым не было асаблівай патрэбы: на тым беразе – амерыканцы!

Яны адразу заўважылі нас. Салютуюць сустрэчы, перамозе з аўтаматнай зброі. Салютуем і мы – уверх, над Эльбай: няхай кулі зверху шлёпаюцца ў ваду. Але я не спяшаюся ачысціць кулямётныя ленты свайго «максіма» і не даю такой каманды наводчыку.

*У канцы вайны можна крыху адпачыць і папазіраваць...
р. Одэр, сакавік 1945 г.*

Больш тысячы кіламетраў я пракаціў яго па ваенных дарогах ад Віслацкага плацдарма, дзе мне яго, новенькім, уручылі перад Новым 1945 годам, да гэтай далёкай нямецкай ракі. Я вынес яго ля Альдама пад Шчэцінам, калі немцы кальцом-траншэяй акружалі-абкапвалі мяне. Я не пакінуў яго ў водах Одэра пры яго фарсіраванні. Я не адступіў з ім ля канала Гафель-Одэр, калі немцы пайшлі ў контратаку – яны адступілі. Яго цела адшліфавана маімі рукамі.

І не так проста расставацца з ім: гэта не вінтоўка. І кулямётныя ленты няхай будуць цэлыя, гатовыя – я беражліва, па-партызанску, расходваў боепрыпасы. Ён стаіць каля маіх ног, адпачывае пасля цяжкіх баёў, пабліскваючы пад праменьнямі майскага сонца. А аўтаматныя дыскі вычысціў, не пакінуў ні аднаго патрона.

Яна, Эльба, шырокая, паўнаводная. Як наш Дняпро. Але з берагоў не выйшла. Кацяцца-гойдаюцца хвалі, пеняцца ля берагоў. А на іх то тут, то там з'яўляюцца нейкія цёмныя прадметы. (Мала што могуць несці хвалі ракі ў вясеннюю паводку!). Я не звяртаў на іх увагі, пакуль адзін з іх не шархануўся на пяску каля маіх ног – труп! Аж ускаланула мяне. Труп нямецкага салдата. Другая хваля, большая за першую, нібы доўгаю рукою, захаціла яго, загарнула, перавярнула разоў два-тры, быццам паказваючы мне яго твар, і пакаціла далей.

Уважліва стаў прыглядацца на раку... Плывуць-пагойдваюцца на хвалях цёмныя прадметы. Плывуць трупы нямецкіх, савецкіх, радзей амерыканскіх салдат. Плывуць у Балтыку. Значыць там, вышэй па рацэ, на

поўдні, яшчэ ідуць баі... А мы... а наша 61-я армія ўжо закончыла свае баявыя дзеянні.

К 18 гадзінам дэлегацыя амерыканскіх салдат на пантонах переправілася на наш бераг. Мы сустрэлі іх і правялі на ўскраіну горада.

Праз паўгадзіны адбылася цырымонія сустрэчы. З аднаго боку дарогі выстраіліся нашы салдаты, чалавек 25, насупраць – амерыканскія.

Справа страявым крокам выйшаў на сярэдзіну паміж радамі наш камандзір палка палкоўнік Вінаградаў, магутны, шыракаплечы, што асілак з карціны Васняцова. Злева насустрач яму падышоў амерыканскі палкоўнік Трумэн, стрыечны брат прэзідэнта ЗША таго часу, таксама мажны, высокі, прыгожы.

Салдаты саюзных армій замерлі ў напружанай цішыні. Вось палкоўнікі сышліся, абняліся, тройчы пацалаваліся, гаварылі словы прывітання, падзякі, шчырасці. Кожны на сваёй мове, але перакладчыкі не патрэбны былі.

Затым злева да іх амаль у самы прытык пад'ехала амерыканская легкавая машына. Шафёр вылез з кабіны і стаў у свой строй.

Мы бачым, як амерыканскі палкоўнік паказвае на машыну – значыць дорыць яе.

Вінаградаў падазваў свайго ад'ютанта, нешта паціху сказаў яму, і той бягом кудысьці адлучыўся. Не прайшло і дзесяці мінут, як ён пад'ехаў на прыгожым гнядым кані. Спрытна саскочыў з сядла і перадаў каня палкоўніку. Вінаградаў падвёў рысака к Трумэну. Той кінуў свайму шафёру, перадаў яму аброць і паказаў, куды адвесці каня. З нашага строю выйшаў салдат, сеў у машыну і ад'ехаў у бок.

І зноў палкоўнікі абняліся, тройчы пацалаваліся.

А затым... а затым я ўжо не змагу ўзнавіць у памяці ўсё тое, што адбылося ў той час. Мы змяшаліся з амерыканцамі. Віншаванні, абдымкі, пацалункі. То з адным, то з другім. Яны прывезлі ў сумках кансервы, спірт, загорнутыя ў цэлафанавую паперу прадукты, розныя рэчы для падарункаў нам, савецкім салдатам.

Тут жа, на абочыне шашы, разаслалі брызент, расставілі выпіўку, закуску. Абмяняліся падарункамі. Хаця ў нас для іх нічога не было. Я атрымаў касцюм амерыканскага салдата.

Потым неяк прыціхлі нашы байцы, прыслухоўваючыся да гукаў знаёмай музыкі. Мне здалося, што мілагучныя, прыемныя, такія знаёмыя з юнацтва гукі «Кацюшы» нясуцца аднекуль з вышыні, з нашай роднай сталіцы, прабіўшы тысячакіламетровы паветраны калідор і дагналі нас ля Эльбы. «Слухайце вы, амерыканцы, наш голас, нашу музыку!»

Як я любіў гэту песню! Помню, у жніўні саракавога года нас, маладых выпускнікоў Бабруйскага педрабфака, накіравалі на настаўніцкую работу ў Заходняй вобласці Беларусі. Усю дарогу ад Бабруйска да Жыткавіч, сабраўшыся ля вакон вагона, мы спявалі. Я спяваў толькі «Кацюшу».

І вось гэта мелодыя тут, над Эльбай, за тысячу кіламетраў ад родных мясцін і пасля такіх крываваў бітваў. Мелодыя наша, а словы не нашы. Услухоўваюся і не разумею: «Што я, аглух ці забыў даўно знаёмае? Дык гэта ж англійскі тэкст!». Неўзабаве

Расцветалі яблони и груши...
ужо на нашай, рускай мове.

Нашы салдаты падхвацілі яе, потым далучыліся і амерыканцы – паплыла песня над Эльбай. Адзін з амерыканцаў выйшаў на шашу, стаў танцаваць па-свойму, не па-нашаму, неяк крывуляючыся і прытоптваючы абедзвюма нагамі зразу. Да яго далучыліся яго сябры. Затым смялейшыя з нашых салдат сталі ў круг – і танцы сталі агульнымі.

Над рэчкай няслася:

А любовь Катюша сбережет...

Я думаў, што па радыё перадавалі яе. Аж не! Гэта амерыканцы прыняслі магнітафон і ўключылі «Кацюшу» у перамоганосную святочную цырымонію сустрэчы.

Не паспелі мы аддыхацца ад «Кацюшы», як хтосьці з нашых правеў пальцам зверху ўніз па ладах хромкі-гармоніка – і задорны, вясёлы, «рускі» змяніў яе. Нейк плаўна, з прытупваннем, прыгожа выбіраючы нагамі і рукамі, пайшлі адзін за адным нашы танцоры. Хіба знойдзеца ім раўня сярод амерыканцаў ды і другіх народаў і нацый у рускіх танцах! То выбіваюць чачотку, то юлою верцяцца на каблуку ці наску, то колам ідуць па кругу, то ўпрысядкі сапернічаюць адзін перад другім. Хіба злічаш фігуры, рухі, заходы, выходы ў імклівым віхры рускага танца!

Здаецца не было найлепшай душэўнай асалоды, чым любавання скакамі салдат, а яшчэ, калі і сам у крузе.

Да позняга вечара весяліліся мы на беразе шырокай паўнаводнай Эльбы, радуючыся жыццю і вялікай Перамозе...

Міхедаўцы старэйшага пакалення, ды не толькі міхедаўцы, помняць першага пасляваеннага дырэктара школы ў незвычайнай армейскай не нашай форме. І мала хто з іх здагадваўся, што я быў у форме амерыканскага салдата, якую атрымаў у падарунак пры сустрэчы на Эльбе 2 мая 1945 года...

Няўжо патомкі тых, хто ўрачыста сустракаўся, абдымаўся, цалаваўся, весяліўся пад музыку нашай «Кацюшы» ў перамоганосныя дні 45-га на Эльбе, распачнуць новую крываваю бойню паміж сабой?

Не! Такого быць не можа!

МНЕ СУЖДЕНО БЫЛО ЖИТЬ

Мне суждено было жить и учиться там, где жили и умирали во время блокады Ленинграда мои родственники. Я воспитана на воспоминаниях военного времени моих родителей. Все следующее повествование написано со слов матери и отца.

В июне 1941 года, когда началась война, моему отцу, Петрову Вячеславу Ивановичу, было 12 лет, а матери, Андреевой Вере Николаевне – 11. Они жили в г. Ленинграде. Фашисты стремительно наступали, и создалась угроза оккупации города, поэтому все взрослое население было вывезено рыть окопы. На время работы родителей детей помещали в детские дома Ленинградской области. Отец мамы, дед Николай, боялся за жизнь своих

Вера и Борис, 1940 г.

детей: дочери Веры и сына Бориса, потому что возникла опасность захвата детского дома оккупантами. Он поехал и забрал детей обратно в город.

Фашистские войска уже в сентябре 1941 года были у стен Ленинграда – началась блокада, город оказался в кольце: на севере – белофинны, с запада и юга – немцы. В октябре 1941 года в результате диверсии были сожжены Бадаевские продовольственные склады – этого продовольствия хватило бы городу на несколько дней. Мой отец рассказывал, что люди ходили на пепелище и искали обугленный сахар.

Испытание голодом жителей блокадного города еще только начиналось, никто тогда не знал, что оно продлится 900 дней. В ноябре 1941 года грянули сильные морозы, ниже -20°C , и продолжались до марта 1942 года. Таких суровых морозов еще не было – это второе испытание, которое нужно было пережить. Не было света, отопления, люди ставили печки-буржуйки в квартирах, сжигая в них все, что горело – тряпки, мебель.

В ноябре 1941 года ввели карточки на хлеб, выдавали по 125 граммов хлеба (ровно 3 спичечных коробка) в день рабочим, служащим и детям. Хлеб был из ржаной муки черного цвета с опилками и бумагой. Варили кожаную обувь, ремни, обои, жарили на касторовом масле, если оно было, и если было, что жарить. Съели всех животных, ели и людей. Иногда

прорывались самолеты с «Большой земли» и сбрасывали продовольствие на город, тогда можно было получить кусочек шоколада. За зиму к весне 1942 года город был устлан трупами людей, боялись эпидемии, и было дано распоряжение: тем, кто будет вывозить трупы, выдавать по 250 грамм хлеба и стакан водки. Мертвых вывозили на Пискаревское кладбище, где были вырыты рвы, куда и сбрасывали трупы (сейчас это Пискаревский мемориал погибшим жителям города). По некоторым данным с сентября 1941 года по весну 1942 года умерло от голода и холода около 1 млн ленинградцев.

3 марта 1942 года на руках моей матери умер пятилетний брат Борис. Его последними словами было: «Хочу кушать...»

Дед Николай, отец мамы, был начальником литейного цеха завода «Большевик». Он умер в 1941 году в цеху.

*Дед Николай,
1940 г.*

Прадед Николай – дед мамы – работал на заводе имени Ленина. Он умер также на работе в декабре 1941 года.

За всю блокаду маминых родных умерло 9 человек.

В апреле 1942 года начали выдавать бесплатно семена и разрешили копать вокруг домов «огородики». Когда появились трава и листва, со слов мамы: «...Мы ели траву как козы, по мешку в день».

От голода у сильно истощенных людей проявлялись дистрофические поносы, и они через несколько дней умирали. Моя мама ослабла до такой степени, что не могла поднять двухлитровый бидон с водой.

В апреле 1942 года открылась навигация на Ладожском озере, и начали эвакуировать людей на «Большую землю». Маму и бабушку Сашу 30 августа 1942 года привезли на поезде к Ладоге, посадили на катер и в сопровождении конвойных кораблей, под обстрелом, перевезли на «Большую землю», потом отправили в Башкирию. Есть слова в песне о Ладоге:

«Эх, Ладога, родная Ладога –
«Дорогой жизни» названа!»

В 1944 году, после снятия блокады, мама с бабушкой вернулись обратно в Ленинград.

У моего отца за время блокады умерло 16 родных. Остались в живых мать – бабушка Аня, отец – дед Иван, старшие сестры: Анна, Надежда,

Александра. О судьбе одной из сестер – Галине, стало известно только после войны. В начале войны она находилась в доме инвалидов под Лугой Ленинградской области. Во время наступления фашисты закрыли их в доме и сожгли.

Мой отец в январе 1942 года, когда ему было 12 лет, был отправлен в Ленинградский педиатрический медицинский институт в палату для умирающих детей, которую называли «покойницей». По его рассказам «... Зрелище было страшное, каждый день привозили по несколько десятков детей и столько же увозили умерших. К нам постоянно подходила доктор Ирина Николаевна (в честь ее меня назвали Ириной). В палате оставались живыми в течение трех недель только я и девочка восьми лет – Оля. Кормили утром и вечером двумя соевыми лепешками и поили питьем из еловых иголок. Папа рассказывал: «Однажды привезли мальчика и на ужин положили ему две лепешки, ночью я проснулся и увидел их, удивился, что они не съедены и съел сам, как бы одолжил, чтобы утром отдать свои. Но утро для мальчика не наступило, он умер еще вечером. На всю

*Четырнадцатилетний юнга Вячеслав Петров,
май 1944 г.*

жизнь у меня осталось болезненное ощущение, что украл у него».

Было и другое воспоминание отца: «В соседнюю одноместную палату положили лечиться мальчика от ожирения (!). Он с трудом передвигался. Это был сын исполкомовских работников, у него в тумбочке всегда лежали шоколад и тушенка».

В феврале 1942 года мой дед Иван, мичман военно-морского флота, узнав, что сын умирает, пришел за ним в палату, завернул его в шинель и отнес на корабль. Вместе до конца войны они служили на минном траль-

щике в Финском заливе, защищая подступы к городу со стороны Балтийского моря. Мой отец был зачислен юнгой на корабль в 12 лет.

После окончания войны он был награжден медалью «За оборону Ленинграда» и «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». И в дальнейшем связал всю свою жизнь с морем, прослужив офицером в военно-морском флоте 47 лет.

Хочу рассказать еще одну историю моей мамы, которая случилась вскоре после войны, в сентябре 1945 г. в Ленинграде, и которая меня поразила. Мама рассказывала:

«Город был полон пленных немцев, они восстанавливали разрушенные дома. Около нашего дома пленные проводили коммуникации. Однажды во время перерыва в работе заиграла губная гармошка. Играл молодой немец, ему было лет 25. Увидев меня у окна, он подошел и попросил хлеба. Хлеба у меня не было, я ему через форточку спустила вареную картошку. Каждый день в одно и то же время он играл, а я ему передавала то морковку, то кусочек сала, то еще что-нибудь съестное. Узнав про это, меня сильно избила мать, она кричала: «Они уморили голодом брата, отца, а ты его кормишь!» Мне было все равно очень жалко голодного человека, и я продолжала его кормить; длилось это около трех месяцев. И вот однажды вечером, когда я возвращалась из школы домой, меня окликнули конвоиры и сказали, что меня ждет «мой» немец. Я подошла, и он на ломаном русском языке сказал, что его зовут Франц, что я очень хорошая девочка, и что он скоро уезжает домой, и поэтому хочет подарить свой талисман, который дала ему его мать, отправляя на войну. Он подал золотую брошку в виде «бантика», в середине – изумрудик с двумя мелкими жемчужинами».

Эта брошь сохранилась у мамы до сих пор.

Детство моих родителей прошло в страшных испытаниях голодом блокады. Родители мне говорили: «Никогда не осуждай поведение голодных людей». Моя мама и сейчас не смотрит фильмы про войну, а отец всегда плакал, когда видел, как умирали дети.

*Ирина Вячеславовна Антохина,
врач санатория-профилактория ПГУ*

ЯГАДЫ НА КРЫВІ

*«А жыць ім хацелася. Жыць было трэба.
Усё ж адляцела з дымам да неба,
І засталіся суровымі днямі
Назвы самотныя нам з камямі»*

П. Броўка

Пра фашызм чалавецтва ведае, здаецца, ўсё. Попел мільёнаў ахвяр яго стукае у сэрца людзей. І таму так важна, каб на ўвесь свет гучала праўда пра фашызм. Вёскі, спаленыя разам з людзьмі – гарачая, балючая, гнеўная праўда і памяць Беларусі. Жыхары больш як двухсот нашых разбураных у вайну гарадоў і больш за дзевяць тысяч спаленых вёсак, многія сотні якіх знішчаны разам з жыхарамі, – маюць што сказаць свету.

У час вайны на Беларусі загінуў кожны чацверты жыхар, але ёсць такія мястэчкі, дзе загінуў кожны другі.

...Калі пачалася вайна, маёй бабулі Валянціне Васільеўне Пілюшынай было толькі 17 гадоў. Жыла яна тады ў вёсцы Ліпаўкі Верхнядзвінскага раёна. Была гэта невялікая беларуская вёска ў 20 двароў, захінутая ад вятроў беластволымі бярозамі і высачэзнымі соснамі, утульная і кампактная, з густымі кустамі бэзу ў палісадніках.

У 1943 годзе Ліпавак не стала. Немцы спалілі вёску разам з жыхарамі, у ліку якіх былі бацька, маці і брат маёй бабулі. Сама яна ўцякла ў лес і хавалася там ад фашыстаў. Але яе ўсе ж злавлі і адправілі ў лагер. За гады вайны бабуля пабывала ў чатырох лагерах, у тым ліку ў Саласпісе і Майданеку.

Гэта былі страшныя, жудасныя лагеры – лагеры смерці. Там з людзей выціскалі ўсе, што можна, знішчалі сотнямі тысяч. Яны паміралі ад непасільнай працы, гінулі ў камерах-душагубках, іх палілі ў крэматорыях.

У лагеры бабуля была чорнарабочай. Часам даводзілася выконваць такую работу, што нават падумаць страшна. Зняволеных прымушалі па лоць клубніцы, і калі б наглядчык заўважыў, што хто-небудзь з'еў хаця б ягадку, забіў бы на месцы.

Але гэта яшчэ не ўсё. Самае жудаснае тое, што попел, які застаўся ад спаленых людзей, немцы выкарыстоўвалі ў якасці ўгнаення пад клубніцы. Потым жа гэтыя ягады пасылалі ў Германію – ягады, якія выраслі на людской крыві.

Цэлых тры гады адпрацавала бабуля ў лагерах, пакуль фашысты не адправілі яе на фабрыку, дзе шылі шынелі і іншую вопратку для немцаў. Там яе заўважыў багаты латыш і выкупіў за даволі вялікія грошы.

З таго часу яна працавала ў гаспадара. Жыццё, вядома, не з лёгкіх, але ўсё ж лепш, чым у лагеры. У латыша было шмат жывёлы, так што даводзілася працаваць дзень і ноч.

І вось нарэшце прыйшло вызваленне. Людзі спяшаліся вярнуцца дадому. Мая бабуля таксама накіравалася ў родную вёску, а калі прыйшла туды, жахнулася – усё спалена, голад, разруха. І такі лёс напаткаў многія тысячы беларусаў.

Пілюшына Ала, 00-ФЯ

ЛЮБОВЬ И ВОЙНА

Наша семья родилась на войне.

Для вятского парня Суевалова Михаила Николаевича 1911 года рождения она началась в 1938 году боями на Хасане, за которые он получил свой первый орден. Вдоволь помотался он по военным дорогам (Москва, Воронежский фронт, 3-й Украинский фронт. Ленинградский фронт, Волковыск, Полоцк), наглядился и испытал все ужасы войны. Сохранился военный дневник моего отца: растрепанная толстая тетрадь с пожелтевшими страницами, исписанными чернильными

и карандашными записями, выцветшими от времени. Дневник заполнен сведениями об общих положениях на фронте, подробнее о них он писать не имел права. О личных тревогах, переживаниях и встречах написано куда больше. Из военного дневника моего отца: «Идем пешком. Пурга. У дороги труп фрица, разбитые машины. Вот она, дорога отступления немцев. Подходим к Дону. Мост взорван. Семилуки – в развалинах».

И все же на военных дорогах были совсем спокойные, такие дорогие сердцу встречи. Запись из дневника моего отца от 10 июля 1942 года: «Сегодня с утра на реке встретили мальчуганов, которые ловили рыбу корзинкой. И невольно вспомнилось детство, такая же ловля на реке Свече. Быстро разделся и стал с ними ловить. Все это навеяло много мыслей о прошлом, и так захотелось увидеть родные места, отца...»

Суевалов М.Н. награжден тремя орденами – дважды орденами Красной Звезды и орденом Отечественной Войны, восемью медалями.

Уже в конце войны встретил лейтенант присланную к нему на службу сибирячку Валентину Петровну Мильскую. В апреле 1945 г. они поженились и 50 лет прожили вместе. Мужественный, предельно честный, очень сильный мужчина, и красивая, нежная, хрупкая, терпеливая женщина, разделившая с любимым все тяготы послевоенной службы, родившая ему троих детей. Валентина Петровна сокрушалась, что не любит он надевать свои ордена и медали, предпочитая колодки. А отец говорил, что награды слишком «тяжелые», а о войне предпочитал вспоминать смешные и радостные эпизоды.

Сколько семей убила и развела та война, но вопреки всему создавались новые, крепкие семьи, и рождались дети. Значит молодость и любовь были сильнее войны и смерти.

*Екатерина Михайловна Денисова,
библиотекарь ПГУ, дочь*

ФРОНТОВЫЕ СУДЬБЫ

(воспоминания о войне Соловьевой Людмилы Андреевны)

Расскажу сначала о семье фронтовиков Соловьевых – отце и двух сыновьях – уроженцах города Ижевска Удмуртской АССР.

Отец – Григорий Васильевич – был мобилизован на фронт весной 1942 г. Служил старшиной пулеметной роты в одной из боевых частей на Карельском фронте. Демобилизован в 1945 г. после окончания войны.

Вот что пишет о нем командир взвода, младший лейтенант, герой Советского Союза Дятлов Александр во фронтовой газете в статье «Выше бдительность – сильнее удары по врагу»: «Хороший пример бдительности доказал в бою гвардеец нашего подразделения т. Соловьев Григорий Васильевич: во время наступления, поднося к переднему краю боеприпасы и завтрак, услышал подозрительный шорох в кустах. Гвардеец немедленно бросился на шум и увидел двух замаскированных фрицев. Соловьев огнем из своего оружия прижал к земле и вынудил их сдаться в плен. Пример т. Соловьева – пример для подражания...»

Об этом эпизоде Григорий Васильевич нам рассказывал так: «Поднося боеприпасы и завтрак на передовую, я услышал в кустах подозрительный шорох и тихую переключку немцев, по-видимому, они исправляли поврежденный провод. Подкрался к одному, стукнул по башке, сунул кляп, связал и жду. Второй его зовет – тишина. Подползает к первому. Тут я и второго ошаршил: кляп, связал, а сам – стрелой к своим за помощью, чтобы отправить в штаб».

За этот подвиг Григорий Васильевич получил Орден Отечественной войны II степени. Такая награда была редкостью для солдат.

Вторая статья «Сфотографирован у Знамени полка» написана тем же Дятловым. Вот выдержки из этой статьи: «Гвардии старшина Соловьев Г.В. – любимец наших бойцов и офицеров. Добрая слава о нем идет далеко за пределы нашего подразделения, только начинает светать, а старшина уже на ногах, у пулеметов: проверяет их исправность и готовность к бою. Соловьев прекрасно знает «Максим», в совершенстве владеет им, ведь еще в старой армии окончил пулеметную полковую школу, это ему пригодилось...»

...О хозяйственных делах части, о хорошем питании солдат, об исправности личного оружия солдат товарищ Соловьев проявляет исключи-

тельную заботу, как отец о своих сыновьях. Перед боем, как правило, старшина тщательно проверяет готовность пулеметов к бою. Сам, каким бы ни был жарким бой, Соловьев почти все время находится с пулеметчиками, следит за состоянием оружия. На днях на боевом смотре наше подразделение снова заняло первое место по содержанию и сохранению оружия, и в этом исключительная заслуга гвардии старшины Соловьева Г.В.

Командир части объявил ему благодарность и приказал сфотографировать у Боевого знамени».

Обе статьи были напечатаны в фронтовых газетах, но ни названия их, ни номера, ни даты не сохранилось. Единственное, что известно – ответственный редактор И.М. Лозневой, полевая почта 006381-У.

Позднее Г.В. Соловьев за боевые заслуги был награжден двумя медалями «За отвагу».

Старший сын Григория Васильевича, Евгений, – офицер-артиллерист, 1922 г. р. Он поступил в Ленинградское артиллерийское училище, эвакуированное в Ижевск, и окончил его в 1943 г. Летом был направлен на Курский фронт в 135-ю стрелковую дивизию, которая освобождала Киев и всю Украину.

Евгений Григорьевич, как и отец, имеет награды. Однажды, подвозя боеприпасы на передовую, увидел движущуюся колонну немецких танков и убитых бойцов возле нашей батареи. Из одной уцелевшей пушки он подбил первый танк колонны. На какое-то время получилась заминка среди вражеских танков. Тут подоспели наши. За это – первая награда, медаль «За Отвагу». Уже потом – орден Красной Звезды, орден Отечественной войны II степени, еще одна медаль «За отвагу», орден Отечественной войны II степени.

После освобождения Украины дивизию перебросили на Карельский и Финский фронты. Евгений Григорьевич рассказывал, как озверевшие финки (женский батальон) с криками, со злыми перекошенными лицами от того, что проигрывают войну, шли на них психической атакой: «Пулеметы их косят, первые ряды падают, следующие ряды, переступая трупы, идут на нас – это было страшно. Боялись, чтобы наши солдаты не дрогнули. Но русские выстояли. Долго еще у всех солдат перед глазами стояли эти призраки... Солдаты говорили, что им даже во сне снился этот бой».

В конце 1944 г. дивизию снова перебросили на 1-й Украинский фронт, освобождали Польшу. За освобождение Кракова дивизии было присвоено название «Краковская Краснознаменная стрелковая 135 дивизия». Дошли с боями до Бреслау и в числе других соединений замкнули кольцо окружения немецкой группировки. Здесь и встретили победу.

Младший сын – Александр Григорьевич, 1924 г. р., – тоже поступил в Ленинградское артиллерийское училище, по окончании которого был отправлен на Прибалтийский фронт в танковый полк. Был командиром танка. В бою под Тарту танк подбили. Его, обгоревшего, вытащили из горящего танка и отправили в госпиталь в г. Псков. Из-за обширных ожогов 17 суток находился в полусознательном состоянии. Спасти его не смогли. Умер и похоронен на военном кладбище г. Пскова.

Вот такой была семья Соловьевых-фронтовиков.

Я – их невестка с июня 1945 г.

О себе

Родилась я в 1925 г. в местечке Ямполь Сумской области на Украине в семье служащего.

Только окончила 9 классов, как началась война. Оккупировали нашу местность в начале октября 41-го. Страх было много: и бомбежки, и артиллерийские обстрелы, и пожарища. Во время заморозков, копали картошку, на поле собирали колоски упавшего и замерзшего жита. Зимой и весной немцы гоняли на ремонт дорог. Мы, девчонки, жили в страхе угона в Германию. Уже были подготовлены списки, и я – в них. Но, к нашему счастью, летом партизаны с боем взяли Ямполь, сожгли дома немецких прислужников, разгромили комендатуру, с ней пропали и списки, а через неделю ушли. Возвратились немцы и отыгрались на местных жителях расстрелами, в основном в деревнях, где люди помогали партизанам.

Кое-как пережили зиму. Фронт ушел далеко.

И снова повестки в Германию. Что делать? Как спастись? Немцы боялись ран, и мы с двоюродной сестрой нашлепали на ноги каустической соды. Это очень больно. Смотрим, как разъедает кожу, терпим, а если невмоготу, смываем водой... Через два дня явиться на комиссию – ран нет. Привели на второй этаж школы... Внизу – полицейские. Ой, ужас, страшно вспоминать! Осматривали нас знакомая доктор и немец. У меня случился обморок от страха. Тетя подняла шум, и меня куда-то потащили. И немцы, и врач откачивали (я росла худенькой и болезненной). В общем, отпустили. А потом появились раны, ноги распухли, одна бабушка сделала мазь, и это мне помогло. А двоюродную сестру выкупила ее мать, у нее была золотая пятерка.

В октябре нас освободили. В армию мобилизовали всех мужчин, которых не успели до оккупации, а потом и нас – девчонок, 75 человек со всего района.

Снова комиссия, и та же врач (оказывается, она была связана с партизанами) сказала: «Я могу тебя освободить, слабенькая ты». Я ответила: «Нет, из нашей семьи никого на фронте нет, значит, я должна быть там». Отец мой был инвалид с детства и мобилизации не подлежал, брат – с 1927 г., младший.

Вот собрали нас, дали непутевого молодого партизана, и мы пошли искать свой запасной полк. Исколесили Курскую, Белгородскую области, но все опаздывали. Вроде проводник узнает, где этот полк, приедем – а он уже свернулся. Снова топаем. Запасы все кончились, уставали – жуть! Вечерами помогали людям убирать картошку, свеклу. За это накормят и кое-чего немного дадут на дорогу. Изголодались страшно... Где-то догнали какой-то запасной полк – тогда уж раз в день получали похлебку, но за это на нас навьючивали винтовки, патроны и много-много всякого тяжелого. Так дошли до Киева, его только что освободили. Страшная была переправа через понтонный мост ночью: колонны военных машин, техника, стреляют, кричат, «пробки»... Но переправились.

А утром пришли агитировать из 135-й стрелковой дивизии. Им надо было 25 девчонок. И мы все попросились: с моей улицы было пятеро, а с моего класса – семь.

Накормили нас кашей. Мы боялись всю есть. А часа через два приходит солдат: «Девочки, берите котелки и идите за ужином». Сложили остатки в один котел и пошли. Назавтра то же самое – радуемся.

Нас распределили по подразделениям: на прачечную, пекарню, роту связи, на склад – тех, кто разобрался в бухгалтерии. А нас троих – в медсанбат санитарками.

Вначале было очень тяжело: кровь, стоны, раны... Плакала, охала... Сестры обматерят: «Иди в угол и переплачь».

Никаких героических поступков мы не совершили, а просто трудились до изнеможения – так было нужно. А как хотелось спать! Ноги после ран болели, опухали, но об этом не думалось.

После освобождения Украины дивизию летом 44-го перебросили на Карельский и Финский фронты. Здесь меня перевели в штаб дивизии. За неделю надо было освоить машинку (я ее никогда и не видела). Шлепну по клавишам толстыми, опухшими, потрескавшимися от работы в медсанбате пальцами – вокруг веер отпечатанных букв. Жили в землянках при гильзовом освещении: голова кружится, копоть вокруг носа, а на все – одна неделя. Сплошное расстройство! Там еще было пять ящиков-сейфов с секретной документацией. Как засуну какую-нибудь бумагу не в тот сейф, ругает меня начальник, старенький болезненный еврей-капитан: «Ну что ты такая

бестолковая и где только росла?» и пошло-поехало...Плачу, обидно, что такая тяпа-растяпа. Но привыкла, все освоила, пальцы вылечились, только со зрением что-то стало плоховато.

После выхода Финляндии из войны, нашу дивизию в конце 44-го года перебросили снова на 1-й Украинский фронт. Освобождали Польшу, за город Краков наша дивизия была переименована в Краковскую Краснознаменную стрелковую дивизию. С боями дошли до Бреслау и с другими соединениями окружили немецкую группировку в этом городе. Здесь и встретили победу долгожданную.

*Соловьева Людмила Андреевна
с мужем Евгением Григорьевичем,
Австрия, 1945 г.*

Дивизию расформировали. Вот и вся моя фронтовая жизнь.

Старший лейтенант Соловьев предложил мне выйти за него замуж. Мы поехали в Австрию, куда передислоцировался его артиллерийский полк. Там я работала в штабе бригады, но уже вольнонаемной.

О подружках

Несколько девчонок были направлены в банно-прачечный отряд. Досталось им по макушку и выше. Ведь все стирали вручную. Зайдешь в сарай, где стояли баки для кипячения белья, – такой пар, что и людей не видно. Сами девчонки и дрова заготавливали. Наскоро разжигали костры под чанами с бельем. Если белье окровавленное, – отмачивали, простирывали – и в баки. Через определенное время вытаскивали откипяченное белье и полоскали в корытах. А баки и чаны чуть ли не в рост человека.

Очень тяжело. Но исправно несли свою нелегкую солдатскую службу наши девчата, помня, что на передовой бойцам, каждую минуту встречающимся со смертью, в тысячу раз страшнее и хуже.

Моя одноклассница **Валя Грищенко** рассказывает:

«...Как-то мы пришли в землянку на встречу с комбатом. Он справился, умеем ли мы перевязывать раны. Ответили: «Нет». Тогда рассердился и отправил нас на хлебопекарню. Там старшина спросил, что делать, если не подходит расчин для будущего хлеба. Я ответила: «Надо тепло». Нас приняли, выдали спецовки, корыта для подготовки теста. И началась работа

хлебопека: бери муку, воду, закваску, расчиняй, следи за подходом, готовь формы. Корыто теста замешивалось из двух – трех мешков муки. Все делали вручную. Потом равномерно распределяли по формам, несли к протопленной печи и помогали пекарю посадить в печь, вытаскивали, ждали, когда остынет, и грузили на приезжавшие машины.

За 12 часов этот процесс повторялся шесть раз. 12 часов – это смена. Уставали страшно, по окончании смены еле тащились. После шести часов отдыха надо было приготовить дрова, а когда приходили машины с мукой – разгружать. Сейчас невозможно себе представить ту работу, которую мы выполняли: положат на спину тяжесть – мешки по 50 или 70 килограммов, согнешься до земли, ноги подкашиваются. Но несли – надо. Поэтому сейчас и ноги, и позвоночник отказывают. Солдат на хлебопекарне было несколько – это квалифицированные пекари, которые отвечали за выпечку и качество вымески хлеба. Всю остальную тяжелую работу девчонки делали сами, без ропота, знали, что солдатам в окопах в тысячу раз тяжелее постоянно ходить рядом со смертью. Работы было очень много, особенно во время переездов. Надо найти кирпичи под печи, установить их, обложить кирпичной кладкой, приготовить дрова и начать подготовку к выпечке хлеба.

И так до самого конца войны.

За хороший хлеб, вовремя доставленный на передовые части, нас благодарили. Для нас это было очень важно и дорого».

Хочется рассказать и о своей однокласснице и соседке по двору **Оле Курганской:**

Распределили ее в батальон связи. Наскоро обучили специальности связиста. И началась ее фронтовая жизнь.

Немцы хотели во что бы то ни стало опять занять Киев и перебросили из Франции, Италии большие соединения танков и другой военной техники. Поэтому в районе Житомира некоторые части нашей дивизии попали в окружение. Это был конец зимы 43-го года.

Группа связистов (6 человек, в том числе и Оля), находясь в лесу, передавала нужные сведения, уже зная, что окружена. Ютились в окопах, землянках, в страхе и неопределенности: как спастись, где свои части? Мучали голод и вши.

Недалеко была деревня, занятая немцами, но ребята ночью ухитрились подползть к крайней хате, хозяйка которой – добрейшая душа – дала им продукты. В лесу все делили поровну – фронтовая дружба.

Однажды попросили хозяйку взять Олю помыться, отоспаться, поесть. И она, рискуя жизнью, своими малютками, согласилась. Оля помылась, выпалась, переделась в гражданское, а наутро немцы ее заметили.

Начались допросы: «Новый человек, откуда? Документы ...» Хозяйка доказывала – сестра из другой деревни. Начался обыск, нашли военное обмундирование. Олю забрали. У немцев она носила воду, топила печи. С ней обращались терпимо, но постоянный страх, как топор, висящий над головой, не давал покоя. За водой ходила к колодцу на окраине деревни в сопровождении немца. Недалеко был лес. Немец часто останавливался возле хаты, где жил его друг, они подолгу беседовали. И Оля поняла, что ее единственный шанс – бежать в лес. Пусть будет, что будет: если убьют – страху конец. Позже она сообразила, что этот немец не так уж и строго следит за ней, вроде как дает ей возможность убежать. Так она и сделала. Оля вспоминала потом: «За водой пошли рано утром, он все видел и, когда я добежала до леса, начал стрелять, думаю, что вверх, для своего оправдания перед начальством».

Ребята очень переживали, боялись, что Оли нет в живых. Когда встретились, счастью не было конца.

А вскоре немцев погнали на запад. Ребята отблагодарили хозяйку продуктами: мукой, сахаром, крупами. Ведь она рисковала жизнью – и своей, и деток.

Оля долго с ней переписывалась, а после ее смерти – с детьми.

Сейчас уже и Оля, и ее муж-связист ушли из жизни.

Вечная им память.

*Встреча боевых подруг: в середине стою я,
по левую сторону Оля – связистка, Зина – завскладом, Шура – прачка,
по правую Валя – пекарь, Варя – писарь*

*Материал предоставил студент 5 курса ИФФ
Александр Соловьев*

ТОЛЬКО В ВОЙНЫ НЕ БЫЛО...

Безусловно, война причинила много боли и страданий всем тем, кто находился на оккупированной фашистами территории. Многие уходили в партизанские отряды, активно участвовали в военных действиях, мужественно сражаясь с захватчиками. Мирные жители, не принимавшие участия в военных действиях, также внесли свой вклад для достижения победы. Они кормили партизан, оказывали им медицинскую помощь, стирали белье, укрывали от фашистов, зачастую рискуя своей собственной жизнью.

Каменькова Анна Афанасьевна – одна из них. В 1942 году во время оккупации ей приходилось скрываться в лесу, пахать там землю, выращивать зерно, собирать ягоды и грибы, печь хлеб для партизан.

После освобождения Беларуси Анна Афанасьева попала в Калининград, где копала траншеи наравне с мужчинами для ведения дальнейших военных действий, стирала белье для госпиталей. Служила в 6-й армии 166-й дивизии 517-го полка ВВС (военно-войсковое снабжение). Вот ее рассказ:

«...Я жила в деревне Тросница вместе с мамой, там и родилась. Как война началась, нас немцы оккупировали. Приходили измученные русские солдаты, ночевали по домам по очереди. Когда в деревне показывались немцы, мама будила русских солдат со словами: «Немцы, немцы!», но их трудно было разбудить. Но я немцев не видела. Ладно. После того, как их все-таки будили, они уходили в лес, а жители деревни собирали им кто что мог: кто хлеба даст, а кто и коня.

В 1942 году, зимой, у нас в свинарнике жили четыре мужика. Ходили по домам, там их кормили. Они собирали молодежь, тех, кого еще не забрали в армию, говорили: «Вы должны пойти на защиту Родины!» А куда идти? В лес. Формировали отряды, взводы и уходили. А семьи оставались.

Когда налетали немцы, то отправляли людей: кого на расстрел, кого на виселицу. Те, кто не хотел идти в партизаны и в армию, шли в полицаи. Я даже знаю одного из них и помню его фамилию – Зайцев. Полицаев немцы чествовали. Немцы сами по лесам боялись ходить, посылали полицаев. В 1942 году нас обложили блокадой, согнали в один дом, поставили сторожа, люди стали кто плакать, кто кричать, а мы сидели тихо... Вдруг на улице загромыхало. Потом часового сняли. Вышли старики на улицу,

говорят: «Никого нет». Мы тоже вышли, а все равно страшно. Я пошла в свой дом. Потом все люди побежали кто куда, и я вместе со всеми. Скрывались в лесах до 44-го года. Там пахали, сеяли хлеб: поработаем и убегаем, поработаем и убегаем в лес. Надо же было самим есть и партизан кормить. Вот так мы в этом лесу и жили. Наши хаты спалили. Мы всего боялись. Моему брату было 16 лет, когда он пошел в партизаны, где были люди отовсюду: из Трудов, ой, из разных деревень. Ели грибы, ягоды собирали. Воды не было, из болота сапогом воды достанешь и попьешь; и варили с этой водой. А что там варили?! Грибы постные. И соли не было. Кто-то привез калийной, вот ею подсаливали и ели, а что это за соль? Пена одна. Партизанский командующий – Марченко, а отряд какой был, я не помню. Я вспомню, но только не сейчас... Там были Качукин и Астрейко – это партизаны. У нас задание было: привезут мешок зерна, завтра – напечь 12 буханок хлеба. Целый день стоим и перемалываем это зерно. Ну, напечем, тогда приезжают и забирают. Досидели до морозов, есть нечего стало совсем, решили идти во Владимировку, к родственникам, там тетка жила. Там нас встретили полицаи, они ничего нам не сделали, место в доме дали, там отжили две недели. Когда пришли красные, было столько радости! (Плачет). 7 ноября нас освободили, а 10 – призвали в армию. Сразу в часть. Там надо было стирать и выстирывать в день 40 пар белья, которое носили по месяца три, уже не белое, а коричневое и со вшами. А на улице в мороз надо было полоскать выстиранное. (Вздыхает). Вот какие у меня руки теперь. Выкручиваешь – и на плечо. Выполоскал – и надо на гору тащить. А если старшине не понравится, заставит перестирать. А на все это белье – один кусочек мыла. Когда готовили наступление на Витебск, нас возили аж в Калининград копать траншеи. (Плачет).

Мне было в 43-ем году 20 лет. Я узнала непосильную работу. И ничего нельзя было сделать: надо. Стирали бинты, а потом их надо было скрутить в трубочки, рвали простыни. Не дай бог никому такой работы! Всю ночь скручивали, а днем надо перевязывать раненых.

После войны вернулись домой, а нет не только дома, – ничего. Жили у соседей, у кого хата уцелела. Строились. Я работала в колхозе на трудодни, ничего же не платили. Но мне было легче. Мама была живой. Пока я приду, она есть приготовит, хоть что там было есть, ну, все-таки... Я очень любила шить. Перестала шить уже в 60-х годах, когда плохо видеть стала. Ну вот так и жили. Теперь жить хорошо, жаловаться нечего. Только б войны не было...»

Людмила Касьянова, 02-АЯ

ПОСЛЕСЛОВИЕ

УВАЖАЕМЫЙ ЧИТАТЕЛЬ!

Вы перевернули последнюю страницу сборника, который Полоцкий государственный университет посвящает Великой Победе советского народа в Великой Отечественной войне.

До Вас донеслись голоса ветеранов войны И.Я. Валуева, М.А. Василенко, Е.Ф. Игнатенко, Н.А. Искрицкого, С.М. Чуракова, Ф.К. Шарая, дополняющие военные страницы сухих учебников живыми страницами их фронтовых будней.

Осязать и прочувствовать всю глубину трагедии войны Вам помогли свидетельства тех, чье детство она опалила: В.А. Алексеенко, В.С. Баханьковой, И.Ф. Буракова, Р.З. Мурашко, А.С. Строк, Л.М. Шмандуровой и других свидетелей сурового военного лихолетья.

И, конечно, Ваше сердце не могли не тронуть волнующие рассказы детей о своих родителях, ветеранах войны, работавших в университете: К.И. Анджиевском, Н.А. Коваленко (Анкянец), Е.М. Крылове, Л.И. Устиненко.

Воспоминания «Великая Отечественная война в наших судьбах» вместе со сборником «Солдаты Победы Полоцкого государственного университета», посвященного 60-летию освобождения Беларуси, – НАША ГОРДОСТЬ и начало большой поисковой работы по сохранению НАШЕЙ ПАМЯТИ о родных и близких, людях, которые принесли ПОБЕДУ в войне и спасли мир от фашизма.

В заключение от имени редколлегии сборника «Великая Отечественная война в наших судьбах» хочу поблагодарить всех принявших участие в его подготовке и выпуске, не пожалевших для этого сил и времени, и отдавших ему частицы своих душ.

*Л. Турищев, зам. главного редактора,
ответственный за выпуск*

СОДЕРЖАНИЕ

ВАЙНА Ў НАШАЙ ПАМ'ЯЦІ	3
СОЛДАТЫ ПОБЕДЫ ПОЛОЦКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА	5
АНДЖИЕВСКИЙ К.И.	6
Свидетель истории	7
ВАЛУЕВ И.Я.	14
ВАСИЛЕНКО М.А.	19
ИГНАТЕНКО Е.Ф.	22
ИСКРИЦКИЙ Н.А. Цена боевой награды.....	26
История одной фотографии.....	30
КОВАЛЕНКО (АНКЯНЕЦ) Н.А.	31
КРЫЛОВ Е.М.	35
Звезда вечности Евгения Крылова	38
УСТИНЕНКО Л.И.	42
ЧУРАКОВ С.М. Жаркое лето 1942 года	46
ШАРАЙ Ф.К.	51
Воспоминания Ф.К. Шарая.....	52
ОПАЛЕННАЯ ПАМ'ЯТЬ	57
АЛЕКСЕЕНКО В.А.	58
«Рахмат, Ташкент!», «Спасибо, Ташкент!»	59
БАХАНЬКОВА В.С.	63
Неволя в Тройсдорфе	63
БУРАКОВ И.Ф. Детство, опаленное войной	66
КЛЯЦКО Н.Г.	69
ЛИТВИНОВА Н.Н.	71
МУРАШКО Р.З.	73
Узник концлагеря	74
ПАНОВА Г.А.	76
СТРОК А.С. Восьмилетняя пастушка	78
ТКАЧЕВ В.Г.	81
Моя война	82
ШМАНДУРОВА Л.М. Моих 900 блокадных дней	86
ВОЙНА В СУДЬБЕ МОЕЙ СЕМЬМЫ	91
ОФИЦЕР-ПОГРАНИЧНИК	92
СОКРОВИЩЕ СЕРДЦА (О нашей землячке Тусноловой-Марченко)	96
Солдаты той смертельной схватки	98
«Дуб падает с шумом, а былинка тихо»	99
Павка Корчагин – духовный брат	100
Возьми мою руку и сердце	103
Их встретил Полоцк величавый	104
В память о Зинаиде «из рода Зевса»	106
СЛОВО ОБ ОТЦЕ	108
Связка гранат	109

ДЗЕЦІ З ЗААЗЕР'Я	111
БЫЛА ВОЙНА В БОБЫНИЧАХ...	116
МОИ ДЕД И ПРАДЕД	128
ЧТОБЫ ПОМНИТЬ	131
ФРОНТОВОЙ РАЗВЕДЧИК	135
НАЧАЛО БЫЛО ПАРТИЗАНСКИМ	149
Падрыўник	152
ПАРТЫЗАН, НАСТАЎНІК, ПІСЬМЕННІК	154
Маці	155
Гузiк з зорачкай	158
На Эльбе	162
МНЕ СУЖДЕНО БЫЛО ЖИТЬ	165
ЯГАДЫ НА КРЫВІ	169
ЛЮБОВЬ И ВОЙНА	171
ФРОНТОВЫЕ СУДЬБЫ	172
ТОЛЬКО Б ВОЙНЫ НЕ БЫЛО...	179
ПОСЛЕСЛОВИЕ	181

Справочное издание

СОСТАВИТЕЛЬ
ГРУДНИЦКАЯ Тамара Александровна

**ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА
В НАШИХ СУДЬБАХ**

Биографический справочник

Редакторы Т.А. Дарьянова, О.П. Михайлова, А.Э. Цибульская
Компьютерный набор Ю.М. Казакевич, Ю.В. Мацук
Компьютерный дизайн обложки И.С. Васильевой

Подписано в печать 02.05.05. Формат 60x84 1/16. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс.
Отпечатано на ризографе. Усл. печ. л. 10,67. Уч.-изд. л. 10,03. Тираж 150. Заказ

Издатель и полиграфическое исполнение
Учреждение образования «Полоцкий государственный университет»

ЛИ 02330/0133020 от 30.04.04 ЛП № 02330/0133128 от 27.05.04

211440 г. Новополоцк, ул. Блохина, 29